

Джеральд Даррелл.

Филе из палтуса

«Этот ребенок ненормальный, набивает карманы улитками!» Лоренц Даррелл, около 1931 года
«Этот ребенок ненормальный, держит скорпионов в спичечных коробках!» Лоренц Даррелл, около 1935 года

«Этот парень ненормальный – работать в зоомагазине!» Лоренц Даррелл, около 1939 года
«Этот парень ненормальный – задумал работать в зоопарке!» Лоренц Даррелл, около 1945 года
«Этот тип ненормальный, бродит в джунглях, кишаших змеями!» Лоренц Даррелл, около 1952 года
«Этот тип ненормальный – решил завести свой зоопарк!» Лоренц Даррелл, около 1958 года
«Этот тип ненормальный – пригласите его к себе, и он поселит орла в вашем винном погребе!»
Лоренц Даррелл, около 1967 года

«Этот тип ненормальный». Лоренц Даррелл, около 1971 года

Глава первая. РОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ

Был один из тех знойных, ясных, безоблачных дней, какие изо всех стран мира только Греция умеет созидать. На оливах стрекотали цикады, и море представляло собой глубокое по тону, живое отражение синего неба. Мы только что не спеша управились с обильным ленчем под корявыми кривыми оливами, которые росли почти у самой воды на одном из прекраснейших пляжей Корфу. Женщины отправились купаться, оставив Ларри и меня наедине друг с другом. Мы лениво возлежали на песке, задумчиво передавая из рук в руки огромную бутылку в оплетке, с отдающим скипидаром греческим вином. Пили молча, предаваясь размышлениям. Ошибается тот, кто думает, что писатели при встрече сыплют остроумными шутками и игривыми замечаниями.

– Хорошее вино, – произнес наконец Ларри, неторопливо наливая себе стакан. – Где ты его брал?

– Купил у человечка, который держит лавку в одном из переулков возле площади Святого Спиридона. В самом деле хорошее вино, согласен?

– Отличное. – Ларри посмотрел вино на свет, оно отливало поблекшим старинным золотом. – В последней бутылке, которую я брал в городе, было нечто по виду и на вкус похожее на ослиную мочу. Наверно, это и впрямь была моча.

– Я буду проходить там завтра, – сказал я. – Могу взять для тебя бутылку, если хочешь.

– М-м-м, – отозвался Ларри, – возьми две.

Утомленные глубокомысленной беседой, мы наполнили стаканы и снова погрузились в молчание. Остатки нашей трапезы привлекли муравьев. Черных, крохотных, суетливых и длинноногих, крупных, рыжих, с торчащим наподобие зенитки жалом. По коре оливы, к которой я прислонился, ползали рои причудливых гусениц. Маленькие пушистые твари, смахивающие на уродливых грязноватых белых медведей.

– Над чем ты работаешь сейчас? – справился Ларри. Я удивленно посмотрел на него. У нас было неписаное и невысказанное правило: во избежание раздоров и вульгарной брани никогда не обсуждать друг с другом то, что мы называли Нашим Творчеством.

– Как раз сейчас – ни над чем, но вообще-то кое-что задумал. По правде говоря, мне подсказала одну идею твоя книжка «Spirit of Place».

Ларри иронически фыркнул. В «Spirit of Place» вошли его письма друзьям, тщательно собранные и изданные нашим старым другом Аланом Томасом.

– Не понимаю, какую идею она могла тебе подсказать, – заметил Ларри.

– А вот подсказала. Я подумал о том, чтобы составить своего рода сборничек. У меня накопилась уйма материала, которому не нашлось места в моих книгах. Вот я и решил собрать все вместе под одной обложкой.

– Отличная мысль, – заключил Ларри, наливая себе еще вина. – Никогда не давай пропадать хорошему материалу.

Он снова поднял стакан, любуясь цветом вина. Потом посмотрел на меня, и в глазах его зажегся озорной огонек.

– Знаешь что, – сказал он, – назови-ка свою книгу «Fillet of Plaice». Я так и сделал.

Глава вторая. МАМИН ПРАЗДНИК

Лето на Корфу выдалось на редкость долгое и жаркое. Несколько месяцев вовсе не было дождя, от восхода до захода с выцветшего неба лились на остров жгучие лучи. Нестерпимая жара все пекла, все иссушила. Нелегко далось нам это лето. Радужный Ларри приглашал в гости кучу своих друзей, представителей творческой интеллигенции. Они прибывали такими косяками, что мама была вынуждена дополнительно нанять двух служанок и почти все время проводила в нашей огромной, темной подвальной кухне, перебегая от одной плиты к другой, чтобы накормить полчища драматургов, поэтов, писателей и художников. Теперь наконец мы проводили последних гостей, и наше семейство отдыхало на балконе, попивая холодный чай и созерцая тихое синее море.

– Ну слава Богу, все, – сказала мама, оставив чашку и поправляя очки.

– Право, Ларри, дорогой, не приглашал бы столько людей. Никаких сил не хватает.

– А все потому, что ты плохой организатор, – возразил Ларри. – Они же все готовы были тебе помогать.

Мама сердито уставилась на него.

– Как ты представляешь себе такую толпу помощников в моей кухне? – спросила она. – Вспомни, что творилось в столовой, не хватало еще, чтобы они путались у меня под ногами там внизу. Все, остаток лета я хочу провести спокойно, абсолютно ничего не делать. Я выбилась из сил.

– А тебя никто и не просит что-нибудь делать, – сказал Ларри.

– Ты уверен, что никого больше не пригласил?

– Насколько помню – никого, – небрежно ответил Ларри.

– Смотри, если все-таки кто-нибудь появится – пусть останавливается в гостинице. С меня хватит.

– Что ты так кипятишься, – обиженно произнес Ларри. – Такие все были чудесные люди.

– Тебе не надо было готовить для них, – сказала мама. – Не хочу больше видеть эту кухню. Мечтаю о том, чтобы уехать куда-нибудь подальше отсюда.

– Отличная идея, – заметил Ларри.

– Ты о чем? – поинтересовалась мама.

– О том, чтобы уехать отсюда.

– Уехать куда? – насторожилась мама.

– Как насчет того, чтобы отправиться на материк на катере? – предложил Ларри.

– Прекрасная мысль, видит Бог! – воскликнул Лесли.

– Правда, здорово! – подхватила Марго. – Давай, мама, так и сделаем. О, я знаю, что мы сделаем! Отправимся туда, чтобы отпраздновать твой день рождения.

– Ну что ж, – неуверенно произнесла мама. – Даже не знаю... А куда именно там, на материке?

– А мы вот как поступим, – беззаботно молвил Ларри. – Найдем катер и пойдем вдоль побережья, будем останавливаться где понравится. Возьмем продукты дня на два, на три и будем бить баклуши, отдыхать, веселиться.

– Что ж, звучит прекрасно, – заключила мама. – Думаю, Спиро найдет для нас катер?

– Конечно, – сказал Лесли, – Спиро все устроит.

– Ладно, – согласилась мама. – В самом деле, перемена обстановки не повредит, верно?

– Морской воздух – лучшее средство от усталости, – объявил Ларри. – Здорово бодрит. И не мешало бы захватить с собой кого-нибудь, чтобы расшевелили нас, встряхнули, так сказать.

– О, только не надо других людей, – возразила мама.

– А я и не имел в виду еще людей, – объяснил Ларри. – Возьмем, например, Теодора.

– Теодор не поедет, – заметила Марго. – Ты же знаешь, он подвержен морской болезни.

– Ладно, посмотрим, – сказал Ларри. – Еще у нас есть Дональд и Макс.

Мама начала колебаться. Она очень любила Макса и Дональда.

– Ну... Пожалуй, пусть они поедут с нами.

– И Свен к тому времени должен вернуться, – продолжал Ларри. – Уверен, он захочет присоединиться.

– О, я не возражаю против Свена, – согласилась мама. – Мне нравится Свен.

– А я могу пригласить Мактэвиша, – объявил Лесли.

– Нет-нет, только не этого отвратительного типа, – возмутился Ларри.

– С чего это ты называешь его отвратительным? – вспыхнул Лесли. – Мы вынуждены терпеть твоих отвратительных друзей. Почему ты не можешь терпеть моего друга?

– Ну-ну, дорогие мои, – примирительно произнесла мама. – Не спорьте. Думаю, мы можем пригласить Мактэвиша, если ты уж так этого хочешь. Хотя, по правде говоря, Лесли, мне непонятно, чем он тебе так любезен.

– Он здорово стреляет из пистолета, – ответил Лесли, посчитав это убедительным доводом.

– А я могу пригласить Леонору, – загорелась Марго.

– Ну вот что! Остановитесь, – сказала мама. – Иначе кончится тем, что катер пойдет ко дну. Я-то думала, что мы все это затеваем, чтобы уехать и отдохнуть от людей.

– При чем тут люди, – возразил Ларри. – Мы говорим про друзей. Совсем другое дело.

– Хорошо, и на этом остановимся, – заключила мама. – Достаточно, если мне придется для всех готовить три дня.

– Я договорюсь со Спиро относительно катера, когда он придет, – сказал Лесли.

– Как насчет того, чтобы взять с собой холодильный шкаф? – спросил Ларри.

Мама снова надела очки и воззрилась на него.

– Холодильный шкаф? Ты шутишь?

– Нисколько, – ответил Ларри. – Он понадобится нам для холодных напитков, для масла и всего-такого прочего.

– Но, Ларри, дорогой, – возразила мама. – Это же несерьезно. Сам знаешь, каких трудов нам стоило вообще втащить его в дом. Его нельзя передвигать.

– Это почему же, – не согласился Ларри. – Вполне возможно, если очень постараться.

– Понимай так, – заметил Лесли, – что ты будешь командовать, а стараться будут все остальные.

– Ерунда, – сказал Ларри. – Это элементарно. Ведь затащили же его в дом, значит, и из дома можно вынести.

Холодильный шкаф, о котором шла речь, был предметом маминой гордости и радости. В те дни на Корфу ни один загородный особняк не мог похвастаться электричеством, и если даже где-то были изобретены керосиновые холодильники, опять же до Корфу они не дошли. Полагая, что жить без холодильника негигиенично, мама не слишком уверенно изобразила на бумаге конструкцию холодильного шкафа вроде тех, какие девочкой видела у себя дома в Индии. Вручив этот чертеж Спиро, она спросила, не возьмется ли он изготовить нечто подобное. Спиро нахмурил брови, подумал, сказал: – Будет сделано, миссис Даррелл. – И побрел в город.

Прошло две недели, и вот однажды утром на дорожке перед домом показалась запряженная четверкой лошадей широкая повозка, на которой восседали шестеро мужчин. За спиной у них громоздился чудовищный холодильный шкаф длиной сто восемьдесят, шириной сто двадцать и высотой сто двадцать сантиметров. Сколоченный из дюймовых досок, он был обшит цинком, с опилками между обшивкой и досками. Шестерке дюжих мужчин понадобился не один час, чтобы втащить его в кладовую. Пришлось даже снимать стеклянные двери гостиной, освобождая путь для шкафа. Рядом с ним в кладовой все казалось миниатюрным. Время от времени Спиро привозил из города на своей машине длинные мокрые глыбы льда, которыми мы начиняли шкаф, и это позволяло нам подолгу хранить масло, яйца и молоко.

– Нет, – решительно произнесла мама, – я не позволю выносить холодильный шкаф. Хотя бы потому, что вы можете повредить его механизм.

– В нем нет никакого механизма, – заметил Ларри.

– Все равно, он может сломаться, – настаивала мама. – Нет-нет, я твердо решила. Шкаф останется на месте. Мы можем взять с собой достаточный запас льда. Если завернуть его в мешковину, может надолго хватить.

Ларри промолчал, но я видел огонек в его глазах. Поскольку мы собирались отметить в море мамин день рождения, все принялись думать о подарках. Поразмыслив, я решил подарить сачок, учитывая большой интерес, который мама проявляла к моей коллекции бабочек. Марго купила материал на платье, который не прочь была бы взять себе. Ларри купил книгу, которую давно мечтал прочесть, Лесли приобрел для мамы маленький пистолет с перламутровой рукояткой. Он объяснил мне, что с

револьвером маме будет спокойнее оставаться дома одной. Учитывая, что комната Лесли буквально ошетилилась огнестрельным оружием всевозможного вида и размера и мама совершенно не умела с ним обращаться, я посчитал его выбор несколько странным, однако промолчал.

Подготовка к нашему смелому предприятию продолжалась. Продукты закупались и обрабатывались. Были извещены Свен, Дональд и Макс, Леонора и Мактэвиш. Теодор, как мы и ожидали, сначала отказался ехать, ссылаясь на подверженность морской болезни, однако после того, как мы заверили его, что на побережье, где мы станем причаливать, будет множество интересных прудов и ручьев, он заколебался. Страстный любитель пресноводной живности, он решил, что стоит рискнуть в интересах науки, и в конце концов согласился.

У нас было условлено, что катер подойдет к причалу ниже нашего дома и там мы займемся погрузкой. Затем он вернется в город, мы поедем туда же на машине, заберем остальных членов группы и выйдем в море.

В день, когда ожидалось прибытие катера, мама и Марго с утра отправились в город, чтобы вместе со Спиро сделать еще кое-какие покупки. Я был занят делом на втором этаже, засовывал в банку со спиртом мертвую змею; в это время снизу донесся какой-то непонятный стук и грохот. Жажда узнать, что там происходит, я скатился вниз по лестнице. Похоже было, что шум доносится из кладовой. Войдя туда, я увидел шестерку мускулистых деревенских парней, которые под управлением Лесли и Ларри сражались с нашим холодильным чудовищем. Им уже удалось сдвинуть его с места, содрав половину штукатурки с одной стены, при этом краем шкафа придавило ногу Яни, и он ковылял вокруг чудовища, обвязав ступню окровавленным носовым платком.

– Что это вы затеяли? – спросил я. – Вы же знаете, мама не велела трогать шкаф.

– Ты лучше помолчи и не мешайся, – сказал Лесли. – Все в порядке.

– Давай уходи, – распорядился Ларри. – Уходи и не путайся под ногами. Спустился бы лучше на пристань и проверил – катер уже пришел?

Оставив их обливаться потом и кантовать огромный шкаф, я сбежал вниз по склону, пересек дорогу и вышел на нашу пристань. Стоя на самом конце причала, я уставился с надеждой в ту сторону, где находился город, и увидел, как вдоль побережья идет, приближаясь, катер. Ближе, ближе... Но почему он не сворачивает к нашей пристани? Этак он непременно пройдет мимо. Не иначе Спиро неправильно сориентировал рулевого; и я принялся прыгать, крича и размахивая руками. Наконец рулевой заметил меня.

Не спеша развернув катер, он подошел вплотную к причалу, отдал якорь с кормы и пришвартовался. Нос катера легонько стукнулся о столбы под настилом.

– Доброе утро, – поздоровался я. – Вы – Таки? Передо мной был толстый смуглый коротыш со светлыми, золотистыми глазами. Он мотнул головой:

– Нет, я двоюродный брат Таки.

– Ага, – сказал я, – ничего, все в порядке. Они сейчас придут. Спустят сюда холодильный шкаф.

– Холодильный шкаф?

– Ну да, холодильный шкаф. Он довольно большой, но я думаю, он поместится вон там.

– Ладно, – покорно произнес родственник Таки.

В эту минуту на верху откоса возникла обливающаяся потом, запыхавшаяся, препирающаяся кучка волокущих по земле холодильный шкаф деревенских парней, сопровождаемых энергично жестикулирующими Ларри и Лесли. Вся эта компания смахивала на облепивших громадный катыш навоза хмельных навозных жуков. Скользя и спотыкаясь, они медленно спускались вниз по склону, один раз чуть не выронили свою ношу, наконец достигли дороги и остановились. Передохнув, оттащили шкаф на причал.

Настил из выдавших виды досок причала опирался на кипарисовые столбы. Конструкция довольно прочная, однако далеко не новая. К тому же вовсе не рассчитанная на подобный груз, и когда пыхтящие парни дотопали до середины причала, послышался страшный треск, и они шлепнулись в воду вместе с холодильным шкафом.

– Идиоты! – заорал Ларри. – Болваны! Почему не смотрели под ноги!

– Они не виноваты, – возразил Лесли. – Это доски не выдержали.

Яни упал так, что обе ноги его очутились под шкафом; к счастью, песчаное дно смягчило удар, и кости уцелели.

С великими усилиями, крича и чертыхаясь, парни ухитрились водрузить шкаф обратно на причал. После чего, используя в качестве катков столбы из-под сломанных досок, переправили его на катер.

– Вот и все, – заключил Ларри. – Проще простого, как я и говорил. Ты, Джерри, оставайся здесь, а мы поднимемся в дом за остальными вещами.

Ликующая компания зашагала вверх по склону; я провожал их взглядом, стоя спиной к катеру.

Внезапно я услышал, как гремит якорная цепь, и, обернувшись, увидел, что рулевой уже оттолкнулся от причала на порядочное расстояние.

– Эй! – закричал я. – Что ты делаешь?

– Поднимаю якорь, – невозмутимо ответил мне этот тип.

– Но куда ты собрался плыть? – спросил я. – В Гувию, – сообщил он, заводя мотор.

– Какая там Гувия! – заорал я. – Ты должен везти нас на материк! И у тебя наш холодильный шкаф!

Но шум мотора заглушил мои вопли, а может быть, он просто не пожелал меня слушать. Во всяком случае, катер развернулся и удалился, чуфыкая, вдоль побережья. Я был в отчаянии. Что мы теперь станем делать?

Я ринулся к берегу, перепрыгнул через сломанные доски, побежал к дороге. Скорей, скорей подняться к дому и сообщить Ларри, что произошло! В эту минуту наши носильщики показались наверху, нагруженные корзинами и прочим багажом. И почти одновременно на дороге появилась машина, в которой сидели Спиро, мама и Марго. Она остановилась возле меня, и тут же сверху подошли Ларри и Лесли со своими помощниками.

– Что вы делаете, дорогой? – обратилась мама к Ларри, выбираясь из машины.

– Носим вещи, чтобы погрузить на катер, – ответил Ларри и посмотрел на причал. – Куда он делся, черт возьми?

– Я как раз хотел сказать тебе, – ответил я. – Он ушел.

– Что значит – ушел? – спросил Лесли. – Как он мог уйти?

– Вот так, – сказал я. – Сами посмотрите, вон он.

Они дружно повернулись и увидели удаляющийся катер.

– Но куда же он идет? – осведомился Ларри. – Сказал, что пойдет в Гувию.

– При чем тут Гувия? Он должен отвезти нас на материк.

– Я ему так и сказал, но он не стал меня слушать.

– Но он увез наш холодильный шкаф, – заметил Лесли.

– Что он увез? – спросила мама.

– Холодильный шкаф, – недовольно произнес Ларри. – Мы погрузили на катер этот чертов шкаф, и он увез его.

– Я ведь велела вам не трогать холодильный шкаф, – сказала мама. – Велела не прикасаться к нему. Право, Ларри, как тут не сердиться на тебя.

– Брось, мама, не ворчи, – отозвался Ларри. – Сейчас нам надо подумать о том, как вернуть эту проклятую штуковину. Как ты думаешь, Спиро, что затеял этот болван? Ты ведь нанял его.

– Нет, – вступил я, – это был не Таки, а его двоюродный брат.

– Эти катеры – не Таки, – подтвердил Спиро, задумчиво хмурясь.

– Хорошо, и что мы будем делать? – растерянно осведомилась мама.

– Надо будет догнать его, – сказал Ларри.

– Я отвезти ваша мама домой, – предложил Спиро. – Потом отправиться в Гувию.

– Но ты не можешь привезти холодильный шкаф на машине, – заметил Ларри.

В эту минуту до нашего слуха донесся звук другого мотора, и, повернувшись, мы увидели, что со стороны города приближается еще один катер.

– А! – воскликнул Спиро. – Это катеры Таки.

– Отлично, пусть отправляется в погоню, – сказал Ларри. – Как только он подойдет сюда, скажи ему, чтобы отправился в погоню и привез обратно этот чертов шкаф. Хотел бы я знать, о чем думал тот идиот, уезжая вот так с нашим шкафом.

– Он что, совсем не удивился, когда ты сказал ему про шкаф? – обратился ко мне Лесли.

– Нет, – ответил я. – Правда, лицо у него было несколько озадаченное.

– Еще бы, – сказала мама. – На его месте я тоже была бы озадачена.

Когда к причалу наконец подошел катер Таки, мы объяснили ему, что произошло. Симпатичный жилистый коротыш он обнажил в улыбке золотые зубы.

– Пусть лучше эти парни поедут с ним, – распорядился Ларри. – Иначе не перетащить холодильный шкаф с того катера на другой.

Шестерка деревенских парней заняла места в катере, смеясь и весело переговариваясь в предвкушении морской прогулки.

– Лесли, тебе лучше присоединиться к ним, – предложил Ларри.

Ладно, – согласился Лесли, – я тоже так думаю. И катер номер два отправился в погоню за номером один.

– Ничего не понимаю, – заметила мама. – О чем думал тот человек?

– Брось, мама, – сказала Марго. – Будто ты не знаешь этих жителей Корфу. Они же все

ненормальные.

– Но не до такой же степени, – возразила мама. – Чтобы вот так подойти на катере и увезти чужой холодильный шкаф.

– Может быть, они прийти из Занте, – предположил Спиро, как будто в этом было все дело.

– Не знаю, не знаю, – сказала мама. – Надо же! Такое начало нашего плана! Нет, дети, вы выводите меня из себя.

– По-моему, ты несправедлива, мама, – заметила Марго. – Ларри и Лесли ведь не знали, что грузят шкаф не на тот катер.

– Надо было спросить. Может быть, мы теперь никогда больше не увидим наш шкаф.

– Вы не беспокоиться, миссисы Дарреллы, – сказал Спиро, хмуря брови. – Я вернуть их. А вы возвращаться домой.

Нам оставалось только всем подняться в дом и ждать там. На четвертом часу ожидания мама совсем извелась.

– Все ясно, – говорила она, – они уронили его в море. Право, Ларри, я никогда не прощу тебе этого. Ведь сказано было – не трогать холодильный шкаф.

В эту минуту мы услышали далекое чужое гудение мотора. Схватив бинокль, я выбежал из дома. Точно: к причалу приближался катер Таки с громоздящимся на нем холодильным шкафом. Я поспешил сообщить эту новость маме.

– Кажется, обошлось, – заключила она. – Похоже, мы теперь можем трогаться в путь. Право, у меня такое чувство, что я постарела на один год еще до моего дня рождения.

Мы снова отнесли весь свой багаж на причал и погрузили его на катер. После чего втиснулись в машину и поехали в город.

В городе мы обнаружили наших друзей на Эспланаде, где они мирно выпивали в тени среди колонн. Вот Свен с луноликой физиономией большого младенца, с обрамляющим лысину венчиком седых кудрей, руки сжимают драгоценный аккордеон, с которым он никогда не расставался. Вот Теодор в строгом костюме, на голове – панамы, борода и усы отливают золотом на солнце; к стулу прислонена трость с маленькой сеткой на конце, рядом стоит ящичек с пробирками и банками для образцов. Вот аристократически бледный Дональд. Высокий нескладный Макс с вьющейся шевелюрой и напоминающими бабочку усиками на верхней губе. Цветущая светловолосая красавица Леонора и, наконец, Мактэвиш – коренастый мужчина с морщинистым загорелым лицом и редкой седой шевелюрой.

Мы извинились за опоздание, которого, похоже, никто и не заметил, и выпили по стаканчику, пока Спиро доставал из машины наиболее хрупкие предметы нашего багажа, после чего спустились к ожидающему нас катеру.

Мы заняли свои места на борту, положили продукты в холодильный шкаф, заработал мотор, и катер заскользил по гладкой поверхности моря.

– Я купил, гм... ну эти... пиллюли от морской болезни. – озабоченно сообщил Теодор, подозрительно глядя на зеркальную гладь залива. – Подумал, вдруг море начнет... ну это... волноваться, а я никудашный моряк, вот и решил принять меры предосторожности.

– Если начнет волноваться, можешь и мне дать пиллюлю, – сказала мама.

– Муттер может не опасаться морской болезни. – Макс погладил ее по плечу. – Я позабочусь о муттер.

– Интересно, как ты это сделаешь, – поинтересовалась мама.

– Чеснок, – сказал Макс, – чеснок. Старое австрийское средство. Отлично помогает.

– Ты говоришь про сырой чеснок? – встрепенулась Марго. – Ужасно.

– Что ты, дорогая Марго, ничего ужасного, – возразил Макс. – Это очень полезная штука, очень.

– Не выношу мужчин, от которых пахнет чесноком, – настаивала Марго. – У меня от них голова раскалывается.

– А ты ешь сама чеснок, – предложил Макс, – и пусть у них голова раскалывается.

– Отвратительная манера – есть чеснок, – заметил Дональд. – Только неангличане едят его.

– Считается, что чеснок, гм... весьма полезен для здоровья, – сообщил Теодор. – Об этом говорят данные медицины.

– Во всяком случае, – вступила мама, – когда я готовлю, обязательно кладу чеснок в еду. Отличная приправа по-моему.

– Но он ужасно неприятно пахнет, – заявила Леонора, которая возлежала на палубе, точно персидская кошка. – На днях я ездила на автобусе в Перему, так Боже мой, едва не задохнулась! Все как один жевали чеснок и обдавали меня его запахом. Под конец я чуть не упала в обморок.

Свен отстегнул ремешок своего аккордеона и повесил инструмент на грудь.

- Дорогая миссис Даррелл, что вы хотите, чтобы я сыграл для вас?
- О... э... мне все равно, Свен, – сказала мама. – Что-нибудь веселое.
- Как насчет «Есть в городе таверна»? – предложил Теодор.

Он мог без конца наслаждаться этой мелодией. – Отлично, – отозвался Свен и нажал на клавиши. Лесли и Мактэвиш стояли на носу. Время от времени Мактэвиш приседал или разводил руки в стороны. Он был большой любитель физических упражнений. Несколько незабываемых лет ему довелось служить в Королевской канадской конной полиции, и это наложило на него свою печать. Мактэвиш всегда претендовал на роль души общества и больше всего гордился своей совершенной физической формой. То и дело хлопал себя по животу и приговаривал:

- Нет, вы посмотрите! Недурно для мужчины сорока пяти лет, а?

Под звуки «Есть в городе таверна» (Теодор не жалел своих голосовых связок) наш катер скользил, пыхтя, через пролив, отделяющий Корфу от материка.

До чего же коротким показался мне этот отрезок пути. Столько всего надо было успеть посмотреть, от летучих рыбок до вилохвостых чаек, и я поминутно отрывал Теодора от взрослой компании, чтобы услышать его ученый комментарий о проплывающих мимо водорослях и прочих интереснейших вещах.

Наконец мы подошли к источенным эрозией буро-коричневым скалам, которые образуют береговую линию Албании и простираются дальше на юг в Грецию. Следуя вдоль самого берега, мы провожали взглядом длинную череду высоченных бугристых утесов, напоминающих остатки оплывших разноцветных свечей. Уже в сумерках мы обнаружили залив в форме полумесяца, словно созданный челюстями некоего огромного морского чудовища, разгрызшего твердый камень. Защищенный высокими скалами, раскинулся белый песчаный пляж, наш катер вошел в залив, загремела якорная цепь, и мы остановились.

Вот когда оправдал свое существование холодильный шкаф. Мама и Спиро извлекли из его недр невероятное количество провизии: нашпигованные чесноком бараньи ноги, омары и приготовленные мамой особые слойки с острым тушеным мясом и прочими вкусностями. Удобно расположившись на палубе, мы предались чревоугодию.

В носовом отсеке катера лежала гора зеленых в белую полоску арбузов, напоминающих надутые футбольные мячи. Один за другим они перекачывали в холодильный шкаф, потом мы извлекали их оттуда, разрезали и наслаждались напоминающей фруктовое мороженое хрустящей розовой мякотью. Мне доставляло особое удовольствие выплевывать черные семечки через борт и смотреть, как мелкие рыбешки набрасываются на них, чтобы, попробовав на вкус, тут же забраковать. Впрочем, некоторые рыбы покрупнее, к моему удивлению, глотали семечки, явно полагая, что не следует пренебрегать и такими дарами.

Насытившись, мы решили искупаться; только мама, Теодор и Свен предпочли купанью мудреную беседу о колдовстве, привидениях и вампирах, меж тем как Спиро и Гаки мыли посуду.

Прыгать с катера в темное море — фантастика. Казалось, ты погружаешься в пламя — таким фейерверком рассыпались фосфоресцирующие зеленовато-золотистые капли. Под водой пловца сопровождали миллионы крохотных — звездочек, и когда Леонора последней выбралась обратно на борт катера, тело ее несколько мгновений казалось позолоченным.

– Боже мой, до чего хороша, – восхищенно произнес Ларри. – Но я уверен, что она лесбиянка. Сколько ни заигрываю с ней – никак не реагирует.

- Ларри, милый, – сказала мама, – нехорошо говорить так про людей.

– Она в самом деле очаровательна, – вступил Свен. – Настолько, что я готов пожалеть о своих гомосексуальных склонностях. Хотя у гомика есть свои преимущества.

– А мне кажется, лучше всего быть бисексуальным, возразил Ларри. – Можно использовать все возможности.

– Ларри, милый, – снова вмешалась мама, – возможно, тебе нравится эта тема, но я предпочла бы, чтобы ты не обсуждал ее при Джерри.

Мактэвиш снова занимался физическими упражнениями на носу катера.

– Господи, до чего этот человек раздражает меня, – пробурчал Ларри, наливая себе вина. – На кой ему нужна эта его физическая форма? Он совсем не пользуется ею.

– Право, дорогой, – сказала мама, – не лучше ли воздержаться от таких замечаний. Они совсем некстати на таком маленьком судне. Он может услышать тебя.

– Да я бы нисколько не возражал, – настаивал Ларри, – если бы он поддерживал свою форму, чтобы не давать покоя девушкам на Корфу. Но ведь он ровным счетом ничего не предпринимает.

Продолжая выполнять упражнения, Мактэвиш в восемьдесят четвертый раз рассказывал сидящему поблизости Лесли о своих подвигах в Королевской конной полиции. Все эпизоды были чрезвычайно

увлекательными и неизменно заканчивались тем, что Мактэвиш ловил злодея.

– О-о-о-о! – внезапно завопила Марго так громко, что мы все подпрыгнули и Ларри пролил вино.

– Нельзя ли попросить тебя воздержаться от попыток подражать здешним чайкам, – раздраженно заметил он.

– Но я только что вспомнила, – объяснила Марго, – что завтра мамин день рождения.

– У муттер завтра день рождения? – осведомился Макс. – Почему ты не сказала нам об этом раньше?

– Так ведь мы для того и отправились сюда, – сказала Марго, – чтобы отметить мамин день рождения, устроить ей праздник.

– Но если у муттер день рождения, у нас нет для нее подарка, – заметил Макс.

– Ничего, не берите в голову, – успокоила его мама. – Какие там дни рождения в моем возрасте.

– Чертовски дурная манера приходить на день рождения без подарка, – сказал Дональд. – Чертовски дурная манера.

– Прошу вас, перестаньте, – умоляла мама. – Я чувствую себя совсем неловко. – Я буду весь день играть для вас, дорогая миссис Даррелл, – заверил Свен. – Музыка будет моим подарком.

Хотя в репертуаре Свена были и такие вещи, как «Есть в городе таверна», больше всего он любил Баха, и от моего взгляда не ускользнуло, как мама вздрогнула, представив себе, как Свен целый день станет играть для нее Баха.

– Нет-нет, – поспешно возразила она, – не стоит так беспокоиться.

– Во всяком случае, завтра мы устроим роскошный праздник, – заверил Макс. – Найдем подходящее местечко и отметим день рождения муттер так, как это делают у нас на континенте.

Пришло время развернуть привезенные нами матрацы, и постепенно мы погрузились в сон, меж тем как из-за гор выплыла луна – сперва красная, как грудь малиновки, потом лимонно-желтая и наконец серебристая.

Рано утром нас напугал – и разозлил – Свен, который разбудил всю компанию звуками «С днем рожденья тебя». Стоя на коленях подле мамы, он жадно всматривался в ее лицо, проверяя, какой эффект произвела его импровизация. Мама не привыкла к тому, чтобы в десяти сантиметрах от ее уха наяривали на аккордеоне, и проснулась с тревожным криком.

– В чем дело? Что случилось? Мы тонем? – воскликнула она.

– Свен, Бог с тобой, – сказал Ларри, – еще только пять часов.

– О, – сонно протянул Макс, – но ведь сегодня день рождения муттер. Ну-ка, начинаем праздновать! Поем – все вместе!

Он вскочил на ноги, ударился головой о мачту и взмахнул своими длинными руками.

– Давай, Свен, сначала. Все вместе!

Неохотно мы сонно затаили «С днем рожденья»; мама, сидя, отчаянно боролась со сном.

– Мне приготовить чаю, миссис Дарреллы? – спросил Спиро.

– По-моему, это очень хорошая идея, – отозвалась мама.

Мы достали свои подарки и вручили ей, и мама громко восхищалась ими, в том числе пистолетом с перламутровой рукояткой, хотя сказала Лесли, что лучше пусть пистолет хранится в его комнате, так оно будет надежнее. Дескать, если, как он предложил, держать его у себя под подушкой, пистолет может вдруг выстрелить среди ночи и ранить ее.

Попив чаю и искупавшись, мы все ожили. Взошло солнце, и над водой поплыли замешкавшиеся редкие пряди ночного тумана. После завтрака, который состоял преимущественно из фруктов и крутых яиц, заработал мотор, и катер заскользил дальше вдоль побережья.

– Мы обязаны найти отличное местечко для праздничного ленча, – объявил Макс. – Настоящий райский сад.

– Клянусь Богом, ты прав, – подхватил Дональд. Это должно быть что-то особенное.

– И там я буду играть для вас, дорогая миссис Даррелл, – добавил Свен.

Вскоре на нашем пути возник мыс, будто сложенный из огромных красных, золотистых и белых кирпичей и увенчанный огромной зонтичной пихтой, нависшей над морем и готовой, казалось, вот-вот сорваться вниз. Обогнув мыс, мы увидели маленькую бухту с крохотным селением на берегу; на склоне горы над селением помещались остатки старой венецианской крепости.

– Интересное место, – заметил Ларри. – Давайте зайдём сюда и посмотрим поближе.

– Я не стал бы зайти сюда, мастера Ларрис, – возразил Спиро.

– Это почему же? – спросил Ларри. – Такая очаровательная деревушка, и крепость любопытная.

– Тут же практически турки живут, – сказал Спиро.

– Что значит «практически»? – удивился Ларри. – Турок он и есть турок.

– Ну, они вести себя как турки, – объяснил Спиро. – Не так, как греки, а потому фактически они есть

турки.

Все были несколько озадачены такой логикой.

– Но даже если они в самом деле турки, – сказал Ларри, – что из этого?

– В некоторых из этих, гм... гм... глухих селений, – вступил всеведущий Теодор, – сохранилось очень сильное турецкое влияние со времен вторжения в Грецию турок. Они восприняли многие турецкие обычаи, так что в некоторых Я таких уединенных деревушках, как справедливо заметил Спиро, жителей можно назвать скорее турками, чем греками.

– Но какое это имеет значение, черт возьми? – раздраженно осведомился Ларри.

– Они не всегда жалуют иностранцев, – сказал Теодор.

– Ну и что, – настаивал Ларри, – не станут же они возражать, если мы остановимся здесь, чтобы осмотреть крепость. И вообще, деревушка такая маленькая, что численное преимущество на нашей стороне. И если они уж такие воинственные, пусть впереди идет мама с ее перламутровым пистолетом. Небось сразу присмирят.

– Вы в самом деле хотите высаживайся? – спросил Спиро.

– Хотим, – ответил Ларри. – Ты что – боишься какой-то горстки турок?

Лицо Спиро налилось кровью; я даже испугался – как бы его не хватил удар.

– Вам не следовало говорить такой вещь, мастера Ларри, – вымолвил он. – Я не боюсь какой-то проклятой турки.

С этими словами он повернулся, протопал на корму и велел Таки править к пристани.

– Ларри, милый, ну зачем же говорить такие вещи, – сказала мама. – Ты обидел его, знаешь ведь, как он относится к туркам.

– Но они никакие не турки, черт бы их побрал, – возразил Ларри. – Они греки.

– Строго говоря, вы, пожалуй, вправе называть их греками, – заметил Теодор. – Но в этих глухих уголках они настолько похожи на турок, что сразу и не отличишь. Речь идет, так сказать, о своеобразном сплаве.

Когда мы приблизились к причалу, сидевший там юный рыболов схватил свою удочку и помчался в селение.

– Вам не кажется, что он сейчас поднимет там тревогу? – нервно осведомилась Леонора. – И они выйдут нам навстречу с ружьями?

– Не будь ты такой душой, – выпалил Ларри.

– Давайте я пойду первым, – предложил Мактэвиш. – Я привык к таким переделкам. Приходилось в Канаде встречаться с индейцами в дальних деревнях, когда преследовал злоумышленников. У меня есть навык в обращении с примитивными племенами.

Ларри застонал и уже приготовился изречь что-то ехидное, но строгий взгляд мамы остановил его.

– Итак, – продолжал Мактэвиш, беря на себя руководство операцией, – лучше всего нам высадиться на пристань и продолжать движение, осматриваясь с восхищением по сторонам, как будто, э... как будто... э...

– Как будто мы туристы? – невинно произнес Ларри.

– Вот-вот, я как раз это хотел сказать, – подхватил Мактэвиш. – Словно мы не замысливаем ничего дурного.

– Господи, – вымолвил Ларри. – Можно подумать, мы находимся в дебрях Черной Африки.

– Ларри, милый, успокойся, – сказала мама. – Я уверена, что мистер Мактэвиш знает, как нам следует поступать. Как-никак сегодня мой день рождения.

Высадившись на пристань, мы постояли там несколько минут, показывая руками туда и сюда и обмениваясь дурацкими замечаниями.

– А теперь, – скомандовал Мактэвиш, – вперед, в селение.

И мы послушно зашагали следом за ним, оставив Спиро и Таки сторожить катер.

Вся деревня состояла из трех-четырёх десятков сверкающих свежей побелкой маленьких домиков; стены одних были обвиты зеленым плющом, других – одеты ветвями бугенвиллеи с пурпурными листьями.

Мактэвиш выступал впереди решительным военным шагом, ни дать ни взять бесстрашный боец французского Иностранного легиона, готовый усмирить мятежное арабское селение. Мы торопливо семенили следом.

От главной улицы, если тут годилось это слово, расходились узкие проулки между домами. Подойдя к одному из таких проулков, мы основательно напугали какую-то женщину в чадре, которая выскочила из дома и чуть не бегом устремилась вдаль, спасаясь от чужеземцев. Я впервые в жизни увидел чадру и был здорово удивлен этим зрелищем.

– Что это у нее было на лице? – спросил я. – Перевязка какая-то? Зачем?

– Нет-нет, – объяснил Теодор. – Это чадра. Если в этом селении и впрямь сильно турецкое влияние, большинство здешних женщин носит чадру.

– Всегда считал это чертовски дурацкой идеей, – заметил Ларри. – Если у женщины красивое лицо, нечего скрывать его. Единственное, что я мог бы одобрить, – кляп для болтливых особ.

Главная улица, как и следовало ожидать, привела нас к центральной части всякого селения – маленькой площади с великолепной огромной зонтичной пихтой, под сенью которой стояли столики и стулья. Здесь помещалось кафе, где, как в любой английской деревенской пивной, можно было не только получить съестное и напитки, но и наслушаться всяких сплетен и пересудов. Меня удивило, что на всем пути нашего отряда к площади мы не увидели ни одной живой души, если не считать той испуганной особы. На Корфу, даже в самой глухой деревушке, нас тотчас окружила бы восхищенная шумная толпа. Однако, дойдя до площади, мы поняли – во всяком случае, решили, что поняли,

– причину: большинство столиков под пихтой было занято мужчинами, в основном пожилыми, с длинной седой бородой, одетых в шаровары, латаные рубашки, на ногах чарыки – красные кожаные мокасины, с увенчанным яркими помпонами, задранном вверх острым носом. Мужчины приветствовали наше появление на площади гробовым молчанием. Просто сидели и тарасились на нас.

– Эгей! – весело и громко воскликнул Мактэвиш. – Калимера, калимера, калимера!

Будь это греческое селение, тотчас его пожелание «доброго утра» вызвало бы ответную реакцию. Кто-то подхватил бы его «калимера», кто-то сказал бы «рады вас видеть», другие воскликнули бы «херете!», что означает «будь счастлив». Здесь не последовало ничего подобного, только один или два старца степенно склонили головы, приветствуя нас.

– Ладно, – сказал Мактэвиш, – составим вместе несколько столиков, выпьем по рюмочке, и когда они привыкнут к нам, вот увидите – сразу сгрудятся вокруг нас.

– Не нравится мне все это, – нервно произнесла мама. – Может быть, нам с Марго и Леонорой лучше вернуться на катер? Смотрите, тут ни одной женщины, только мужчины.

– Вздор, мама, не волнуйся, – отозвался Ларри.

– Мне кажется, – сказал Теодор, любуясь огромной зонтичной пихтой над нами, – мне кажется, потому тот мальчуган и побежал с пристани в селение. Понимаете, в таких вот глухих деревушках женщинам полагается сидеть дома. Вот он и поспешил предупредить их. К тому же зрелище, гм... гм... э... э... женщин в нашем отряде, должно быть, понимаете, э... несколько необычным для них.

Что ж, ничего удивительного, если учесть, что лица мамы Марго и Леоноры не скрывала чадра и одеты они были в довольно эффектные ситцевые платья, позволяющие видеть многие детали их телосложения.

Мы сдвинули вместе несколько столиков, собрали стулья и уселись в ожидании. Мужчины, число которых, вопреки предсказаниям Ларри, намного превосходило численность нашей группы, продолжали молча созерцать нас глазами бесстрастными, как у ящериц. После долгого ожидания, заполненного довольно бессвязной беседой, мы увидели, как из кафе вышел пожилой абориген и с явной неохотой направился к нам. Основательно расстроенные мы поспешили с нервным энтузиазмом приветствовать его нестройным «калимера». К великому нашему облегчению, мы услышали ответное «калимера».

– Ну так, – заговорил Мактэвиш, гордясь своим знанием греческого языка,

– принесите нам чего выпить и мезе.

Он мог и не называть мезе, потому что речь идет о закуске, состоящей из оливок, орехов, крутых яиц, огурцов и сыра, и закажите вы чего выпить в любом греческом кафе, вам автоматически принесут мезе на маленьких тарелочках. Однако такая уж сложилась обстановка, что даже бывший офицер Королевской конной полиции малость смешался.

– Слушаюсь, – серьезно произнес владелец кафе. – Какой напиток закажете?

Мактэвиш выслушал наши пожелания – от имбирного пива до анисовой водки, бренди и сухого вина – и перевел трактирщику.

– У меня есть только красное вино, – сообщил тот. Лицо Мактэвиша помрачнело.

– Ладно, – сказал он, – несите красное вино и мезе.

Трактирщик кивнул и побрел обратно в свое маленькое сумрачное заведение.

– Хотел бы я знать, – осведомился Мактэвиш, – зачем он спрашивал, какие напитки мы закажем, отлично зная, что у него есть только красное вино?

Мактэвиш горячо любил греков и научился вполне сносно говорить по-гречески, но с логикой жителей этой страны был не в ладах.

– Все ясно, – раздраженно ответил ему Ларри. – Он пожелал узнать, что ты станешь пить, и если бы ты заказал красное вино, он принес бы тебе твой заказ.

– Понятно, но почему сразу не сказать, что у него есть только красное вино?

– Это было бы слишком логично для Греции, – терпеливо объяснил Ларри.

Мы продолжали сидеть под перекрестным огнем недружественных взглядов, чувствуя себя наподобие актеров, одновременно забывших текст. Наконец пожилой трактирщик явился снова, неся выдавший виды маленький поднос, украшенный невесть по какой причине портретом королевы Виктории, и расставил на наших столиках несколько тарелочек с черными оливками и кусками белого козьего сыра, две бутылки вина и стаканчики – вроде бы чистые, но такие старые и щербатые, что сулили нам богатый набор экзотических немочей.

– Какой-то невеселый народ в этом селении, – заметил Макс.

– Чего ты хочешь? – отозвался Дональд. – Явились тут какие-то проклятые иностранцы. То ли дело, если бы мы очутились в Англии.

– Вот именно, – саркастически заметил Ларри. – Через пять минут исполняли бы вместе с аборигенами народные танцы в костюмах эпохи Робин Гуда.

Нельзя сказать, чтобы направленные на нас взгляды суровых мужчин так уж изменились, однако в атмосфере нервозности нам начало чудиться, что глаза их горят злобой.

– Музыка, – сказал Свен, – музыка укрощает самых свирепых зверей. Давайте-ка я что-нибудь сыграю.

– Да-да, ради Бога, сыграй что-нибудь веселенькое, – подхватил Ларри. – Боюсь, если ты начнешь играть Баха, они дружно отправятся за своими мушкетами.

Свен вооружился своим аккордеоном и заиграл очаровательную польку, которая смягчила бы самое суровое греческое сердце. Однако наша аудитория оставалась невозмутимой, хотя окружавшее нас напряжение вроде бы самую малость ослабло.

– Право, мне кажется, – сказала мама, – что лучше нам с Марго и Леонорой вернуться на катер.

– Нет-нет, дорогая миссис Даррелл, – возразил Мактэвиш. – Уверяю вас, все это не ново для меня. Этим примитивным людям требуется время, чтобы привыкнуть к нашему присутствию. И теперь, поскольку музыка Свена не подействовала, думаю, пришло время для магии.

– Магии? – Теодор наклонился вперед, с глубоким интересом глядя на Мактэвиша. – Магия? Что вы хотите этим сказать?

– Фокусы, – объяснил Мактэвиш. – Помимо всего прочего, я немного занимаюсь фокусами.

– Господи, – простонал Ларри. – Почему бы не подарить им всем бусы?

– Помолчи же, Ларри, – прошипела Марго. – Мактэвиш знает, что делает.

– Рад, что ты так считаешь, – сказал Ларри. Тем временем Мактэвиш решительно проследовал в кафе и вышел оттуда с тарелкой, на которой лежали четыре яйца. Осторожно поставив тарелку на стол, он отступит на несколько шагов, чтобы было видно молчаливым селянам.

– Итак, – произнес он, сопровождая свою речь жестами профессионального фокусника, – мой первый номер – фокус с яйцами. Кто-нибудь из вас может одолжить мне какое-нибудь вместилище?

– Носовой платок? – предложил Дональд.

– Нет, – ответил Мактэвиш, бросив взгляд на нашу аудиторию, – лучше что-нибудь более эффектное. Миссис Даррелл, будьте добры, одолжите мне вашу шляпу.

Летом мама обычно носила огромную соломенную шляпу, которая при малом росте обладательницы придавала ей сходство с ожившим грибом,

– Я не хотела бы, чтобы в ней разбивали яйца, – возразила мама.

– Нет-нет, – заверил ее Мактэвиш, – вашей шляпе ничто не грозит.

Мама неохотно сняла свой головной убор и вручила его Мактэвишу. Широким жестом он положил шляпу стол перед собой, поднял глаза, убеждаясь, что селяне следят за его действиями, взял одно яйцо и осторожно опустил в шляпу. После чего сложил вместе ее поля и с маху шлепнул шляпой о столешницу.

– Если мы соберем содержимое, – заявил Ларри, – сможем приготовить омлет.

Однако Мактэвиш развернул шляпу и показал ее нам и селянам, чтобы все могли убедиться, что она совершенно пуста. После чего взял второе яйцо, повторил свой маневр. и опять шляпа оказалась пустой. Когда он проделал же трюк с третьим яйцом, я заметил некоторое оживление в глазах наших зрителей, а после четвертого двое-трое из них даже обменялись приглушенными репликами. Мактэвиш лихо взмахнул шляпой, чтобы все могли убедиться, что она по-прежнему пуста. Затем положил шляпу на стол, еще раз сложил вместе ее поля, потом раскрыл шляпу, извлек из нее одно за другим четыре абсолютно целых яйца и разместил их на тарелке.

Даже Ларри был поражен. Разумеется, мы наблюдали элементарный пример ловкости рук. А именно: вы делаете вид, будто кладете куда-то тот или иной предмет, на самом деле он остается у вас в руке и вы прячете его в каком-нибудь кармашке. Мне доводилось видеть, как делают этот фокус с

часами или другими предметами, но впервые на моих глазах его так ловко исполнили с четырьмя яйцами, которые, что ни говори, не так-то просто спрятать и слишком легко разбить, испортив тем самым впечатление от трюка.

Мактэвиш поклонился в ответ на наши дружные аплодисменты, и мы с великим удивлением услышали несколько отрывочных хлопков со стороны. Несколько старцев, явно с ослабленным зрением, поменялись столиками с мужчинами помоложе, чтобы сидеть поближе к нам.

– Теперь поняли? – гордо произнес Мактэвиш. – Немного магии способно творить чудеса.

С этими словами он достал из кармана колоду карт и исполнил несколько традиционных трюков, подбрасывая карты в воздух и ловя их так, что они аккуратно расстились вдоль его руки. Селяне заметно оживились; если раньше они сидели на другом конце площади, то теперь переместились поближе к нам. Старцы с ослабленным зрением были до того заинтригованы, что придвинулись почти вплотную к нашим столикам.

Было видно, что Мактэвиш упивается своим успехом. Засунув в рот яйцо, он с хрустом разгрыз его, широко открыл рот, показывая, что яйца там нет, после чего извлек его из кармана своей рубашки. На этот раз селяне не стали скупиться на рукоплескания.

– Какой он ловкий фокусник! – воскликнула Марго.

– Я же говорил тебе, он парень что надо, – заметил Лесли. – А еще он чертовски меткий стрелок из пистолета.

– Я должен расспросить его, как он выполняет эти, гм... иллюзии, – произнес Теодор.

– Интересно, он умеет распиливать женщин пополам? – задумчиво сказал Ларри. – Чтобы можно было заполучить половину, которая действует, но не разговаривает.

– Ларри, милый, – вмешалась мама, – прошу тебя, воздержись от таких замечаний при Джерри.

Наступил звездный час Мактэвиша. Первый ряд зрителей состоял всецело из седобородых старцев: мужчины помоложе стояли, наклоняясь над ними, чтобы лучше видеть. Мактэвиш подошел к самому почтенному старцу, очевидно здешнему мэру, поскольку ему было предоставлено самое удобное место для созерцания фокусов. Постояв перед ним с поднятыми вверх руками и растопыренными; пальцами, он объявил по-гречески:

– А теперь я покажу вам еще один фокус.

Вслед за чем быстро опустил одну руку, извлек из бороды старца серебряную драхму и бросил монету на землю. Аудитория дружно ахнула. Снова подняв руки с растопыренными пальцами, он с другой стороны той же бороды извлек пятидрахмовую монету и тоже широким жестом метнул ее на землю.

– Итак, – продолжал Мактэвиш, стоя с поднятыми руками, – вы видели, как моя магия позволяет мне доставать деньги из бороды вашего мэра...

– Вы можете достать еще? – дрожащим голосом осведомился мэр. – Да-да, – подхватили селяне, – можете еще?

– Я погляжу, на что способна моя магия, – ответил, Мактэвиш, охваченный энтузиазмом.

Одну за другой он извлек из бороды мэра несколько десятидрахмовых монет и пополнил ими кучку денег на земле. В те времена Греция бедствовала настолько, что струившееся из бороды мэра серебро представляло собой целое состояние.

И вот тут Мактэвиш явно зарвался. Он достал из бороды пятидесятидрахмовую бумажку. Восхищенный возглас зрителей едва не оглушил нас. Ободренный этим, Мактэвиш извлек еще четыре таких бумажки. Мэр сидел точно зачарованный, время от времени шепотом произнося слова благодарности святому или святым, коих почитал ответственными за это чудо.

– Знаете что, – осторожно произнес Теодор, – мне кажется, не следует продолжать этот трюк.

Но Мактэвиш слишком разошелся, чтобы сознавать рискованность своих действий. Из бороды мэра была извлечена стодрахмовая бумажка, и последовал гром аплодисментов.

– А теперь, – объявил он, – мой заключительный фокус.

Снова поднял вверх руки, показывая, что в них ничего нет, затем наклонился и извлек из пышной седой бороды бумажку достоинством в пятьсот драхм.

Сумма денег, лежащих теперь у ног мэра, составляла в глазах любого греческого селянина немислимое богатство; в переводе на английскую валюту там было около двадцати – тридцати фунтов стерлингов.

– Вот так, – повернулся к нам Мактэвиш с гордой улыбкой. – Безошибочное средство.

– Вы в самом деле привели их в отличное расположение духа, – сказала мама, забыв про все свои тревоги.

– Я ведь сказал вам, миссис Даррелл, чтобы вы не волновались, – ответил Мактэвиш.

Вслед за тем наш иллюзионист совершил фатальную ошибку. Он наклонился, собрал все деньги с

земли и засунул себе в карман. Что тут началось!

– Я... э... предчувствовал, что может этим кончиться, – заметил Теодор.

Престарелый мэр поднялся, шатаясь, на ноги и поднес кулак к самому носу Мактэвиша. Со всех сторон неслись негодующие крики, как на потревоженном птичьем базаре.

– В чем дело? – спросил Мактэвиш.

– Вы украли мои деньги, – заявил мэр.

– Знаешь, мама, – сказал Ларри, – по-моему, теперь самое время вам с Леонорой и Марго возвращаться на катер.

Три дамы живо встали из-за стола и удалились вниз по главной улице размеренной трусцой.

– Ваши деньги? – озабоченно обратился Мактэвиш к мэру. – Как вас понимать? Это были мои деньги.

– Какие же ваши, если вы нашли их в моей бороде? – спросил мэр. Мактэвиш снова был сражен своеобразной логикой.

– Но как вы не понимаете, – произнес Мактэвиш с тоской в голосе, – это был всего-навсего фокус. Деньги в самом деле мои.

– Нет! – дружно воскликнули селяне. – Если вы нашли их в его бороде, значит, это его деньги.

– Неужели вам непонятно, – с отчаянием продолжал объяснять Мактэвиш, – что я делал фокусы? Это все были трюки.

– Ага, и весь трюк заключался в том, чтобы украсть мои деньги! – настаивал мэр.

– Вот именно! – рокотом поддержала его толпа.

– Знаешь, – уныло обратился Мактэвиш к Ларри, – по-моему, этот тип страдает старческим маразмом. Он не соображает, в чем дело.

– А ты, скажу тебе, полнейший идиот, – ответил Ларри. – Ясное дело, он уверен, что деньги его, раз ты извлек их из его бороды.

– Но ведь это не так, – настаивал Мактэвиш. — Деньги мои. Это был фокус.

– Мы-то знаем это, балда, да только они не знают. Мы очутились в окружении буйной, негодующей толпы селян, решительно настроенных на то, чтобы отстоять права своего мэра.

– Верните ему его деньги, – кричали нам, – не то мы не выпустим ваш катер!

– Мы пошлем в Афины за полицией! – добавил кто-то.

Учитывая, что на связь с Афинами ушла бы не одна неделя и столько же пришлось бы ждать полицейского, которому будет поручено разобраться с этим делом, – если такового вообще посчитают нужным направить, – мы, несомненно, оказались в затруднительном положении.

– Мне кажется, э... – заметил Теодор, – что вам следует отдать ему эти деньги.

– Что я всегда говорю об иностранцах, – вступил Дональд, – несдержанные, к тому же еще и алчные. Взять хотя бы нашего Макса – только и знает, что занимать у меня деньги, и никогда их не возвращает.

– Не хватает еще и нам начать ссориться, – парировал Макс. – Мало вам того, что уже тут происходит.

– В самом деле, – сказал Ларри. – Теодор прав. Отдай ты ему эти деньги, Мактэвиш.

– Но это целых двадцать фунтов! – воскликнул Мактэвиш. – И ведь я только показывал фокус.

– Что ж, если ты не отдашь деньга, – продолжал Ларри, – боюсь, нам не избежать хорошей взбучки. Мактэвиш приосанился: – Я готов принять бой.

– Не дури, – устало произнес Ларри. – Если все эти молодые крепыши разом набросятся на тебя, они разорвут тебя в клочья.

– Ладно, попробуем пойти на компромисс, – уступил Мактэвиш.

Достав из кармана все монеты, он протянул их мэру. – Вот, – сказал он по-гречески, – я показывал фокус, и деньга были не ваши, тем не менее возьмите половину того, что я достал из вашей бороды, и купите себе вина.

– Нет! – в один голос взревели селяне. – Отдайте ему все!

Отведя на катер Леонору и Марго, мама теперь вернулась за мной и пришла в ужас, видя нас окруженными грозной толпой.

– Ларри, Ларри! – закричала она. – Спаси Джерри!

– Не дури! – крикнул Ларри в ответ. – Уж его-то никто пальцем не тронет.

И он был совершенно прав, потому что в такой ситуации ни один грек не позволил бы себе ударить ребенка.

– Полагаю, нам следует собрать свои силы в кулак и приготовиться дать отпор, – заявил Дональд. – Неужели спасаем перед кучкой иностранцев? Я неплохо овладел искусством бокса, когда учился в Итоне.

– Э-э... а вы, гм... э-э... обратили внимание, что большинство из них вооружено ножами? – осведомился Теодор таким тоном, словно речь шла о музейных экспонатах.

– Ничего, я неплохо владею этим оружием, – сообщил Макс.

– Но у тебя нет ножа, – заметил Дональд.

– Верно, – задумчиво ответил Макс. – Но если ты уложишь метким ударом кого-нибудь из них, я заберу его нож, и мы схватимся с ними.

– Не думаю, чтобы это было очень разумно, – сказал Теодор.

Тем временем селяне продолжали бушевать, и Мактэвиш все еще пытался убедить мэра поделить пополам выручку, извлеченную из его бороды.

– Вы спасете Джерри? – донесся мамин голос из-за спин наших противников.

– Да замолчи ты, мама! – заорал Ларри. – Ты только, все усугубляешь. Джерри в полном порядке.

– Знаете, по-моему, учитывая, что и как говорят некоторые из них, – снова вступил Теодор, – хорошо бы нам убедить Мактэвиша отдать деньги мэру. Иначе мы рискуем очутиться в крайне затруднительном положении.

– Вы защитите Джерри? – опять закричала мама.

– О Господи! – простонал Ларри. Шагнув вперед, он схватил за локоть Мактэвиша, залез рукой в его карман, достал ассигнации и протянул их мэру.

– Эй! Постой! Это мои деньги! – возмутился Мактэвиш.

– Твои, твои, и тебе плевать на мою жизнь, – ответил Ларри.

Обратясь к мэру, он продолжал по-гречески: – Вот деньги, которые этот господин, владеющий магией, обнаружил в вашей бороде.

Затем он снова повернулся к Мактэвишу, взял его за плечи и пристально уставился ему в глаза.

– Отвечай кивком на все, что стану тебе говорить, понял?

– Понял, понял, – ответил Мактэвиш, озадаченный таким внезапным проявлением воинственности со стороны Ларри.

– Итак. – Ларри осторожно положил ладонь на грудь Мактэвиша там, где, очевидно, помещалось сердце, и произнес:

Варкалось. Хливкие шорьки Пырялись по наве.

И хрюкотали зелюки, Как мюмзики в мове.

Мактэвиш, пораженный не только тем, как искусно Ларри овладел ситуацией, но и странными словами (ему не доводилось читать «Алису в Зазеркалье»), энергично кивал в конце каждой строфы. А Ларри снова обратился к мэру.

– У этого господина, – он опять положил ладонь на грудь Мактэвиша, – большое сердце, поэтому он согласен отдать вам все деньги, но при одном условии. Всем вам известно, что есть люди, которые умеют находить скрытые земле источники.

Толпа дружным «ага» подтвердила, что ей это известно.

– Этим людям платят за их работу, – продолжал Ларри.

Послышались сопровождаемые кивками возгласы «да, да».

– Но когда вода найдена, – сказал Ларри, – она принадлежит всем.

Он говорил на понятном для всех языке, потому что вода и хлеб составляли основу жизни всякой здешней общины.

– Иногда люди, которые ищут воду, находят источник, иногда не находят,

– говорил Ларри. – Этот господин иногда находит деньги в бородах людей, иногда не находит. Ему повезло, у вас хороший мэр, и он нашел деньги. Нашел около девятисот драхм. Так вот, потому что он хороший человек, добрый человек, он согласен отказаться от обычного вознаграждения.

Снова дружное «ага», выражающее удовлетворение, смешанное с недоумением по поводу такой щедрости.

– Однако взамен он просит вашего согласия на одну вещь, – сказал Ларри,

– чтобы мэр истратил эти деньги на благо всей деревни.

Тут лицо мэра сразу помрачнело, зато его односельчане встретили слова Ларри аплодисментами.

– Ибо, – возвысил голос Ларри, окрыленный явными признаками успеха и разгоряченный выпитым вином, – когда вы находите деньги так, как находите воду, они должны принадлежать всем.

Последовала такая громкая овация, что попытки мэра что-то возразить утонули в общем гаме.

– Знаете, – вступил Теодор, – по-моему, сейчас, похоже, самое время удалиться. С высоко поднятой, как говорится, головой.

И мы зашагали вниз по главной улице, сопровождаемые толпой селян, каждый из которых норовил протиснуться к Мактэвишу, чтобы похлопать его по спине или пожать ему руку. Так что к тому времени, когда мы спустились на пристань, Мактэвиш явно начал чувствовать себя первейшим

представителем Королевской конной полиции и склонялся к тому, что двадцать фунтов – отнюдь не слишком высокая плата за такое преклонение. Наше отплытие задержалось на несколько минут из-за того, что мэр, а за ним и все прочие старцы настояли на том, чтобы заключить Мактэвиша в свои объятия и расцеловать его.

Наконец он ступил следом за нами на палубу, воодушевленный своим успехом.

– Что я говорил; Следует знать, как обращаться с примитивными людьми.

– Во всяком случае, – сказала мама, – моей ноги больше не будет ни в одном селении на этом побережье. Это мой день рождения, и хотелось бы, чтобы кто-нибудь считался с моими желаниями.

Конечно, дорогая муттер, – отозвался Макс. – Мы постараемся найти для вас славное местечко, чтобы перекусить.

Якорь был поднят, заработал мотор, и сквозь его гулкое чужаканье мы еще долго слышали аплодисменты и добрые пожелания селян.

Когда подошло время ленча, мы обнаружили прелестный длинный пляж с мягким белым песком, и поскольку накануне вечером Таки сумел поймать несколько кефалей, Спиро развел на берегу костер и поджарил чудесную рыбу.

Свен, Дональд и Макс, все еще озабоченные тем, что у них нет подарков для мамы, устроили для нее своего рода представление. Свен, по профессии скульптор, вылепил из мокрого песка огромную обнаженную женскую фигуру и вынудил маму громко восхищаться его творением, потом сыграл для нее на аккордеоне – к счастью, не Баха, а какие-то энергичные веселые мелодии. Дональд и Макс сперва посоветовались между собой, потом шепотом посвятили в свой план Свена, который одобрителем кивнул головой.

– А теперь, – обратился к маме Дональд, – мы исполним для вас старинный австрийский танец.

Из уст обычно весьма сдержанного, типичного британца Дональда это прозвучало так неожиданно, что даже Ларри потерял дар речи. Свед лихо заиграл нечто весьма мажорное, похожее на мазурку, долговязый нескладный Макс и бледнолицый коротыш Дональд важно поклонились друг другу, взяли за руки и приступили к танцу. К нашему удивлению, они отлично справились с задачей – то горделиво выступая по песку, то стремительно вращаясь, то выполняя сложнейшие па, во время которых надлежало хлопать друг друга по коленям и по рукам, подпрыгивать в воздух, хлопая себя по пяткам, и так далее. Я невольно вспомнил морскую кадрили из «Алисы» в исполнении Грифона и Черепахи Квази. Они танцевали так замечательно, что, когда номер кончился, мы устроили им овацию; сияя от радости и обливаясь потом, наши артисты выступили на бис, уже под другую мелодию.

После того как танцоры искупались, чтобы остыть, мы удобно расположились на песке и воздали должное вкусной рыбе с сочным мясом и приятно пахнущей дымком поджаристой кожицей; увенчали трапезу различного рода фрукты.

– Право, у нас получился очень приятный праздничный ленч, – сказала мама. – Я довольна. А музыка Свена и танцы Дональда и Макса были отличным дополнением.

– У нас еще будет праздничный обед, – объявил Макс. – Давайте найдем еще один пляж и устроим праздничный обед.

И вот мы снова погрузились на катер и продолжили путь вдоль побережья. Близился закат, и солнце расписало небо в дивные красные, зеленые и золотистые тона, когда нашим глазам предстало идеальное, как нам казалось, место. Крохотный округлый залив с узким пляжем, над которым высились ярко-оранжевые в солнечных лучах скалы. – О, как же тут красиво, – сказала мама. – Здесь мы и устроим праздничный обед, – заключил Макс.

Спиро сообщил Таки, что мы остановимся здесь на ночь. К сожалению, Таки не был знаком с этим заливом и не знал, что вход в него отчасти преграждает песчаная отмель. Он на хорошей скорости повел катер в залив и, сам того не ведая, наскочил на отмель. Катер остановился внезапно и круто. Мама в эту минуту стояла, любуясь закатом, на самой корме; от резкой остановки она потеряла равновесие и упала за борт. А надо сказать, что, хотя в очень жаркую погоду мама снисходила до того, чтобы понежиться на мелководье, плавать она совсем не умела. О чем были осведомлены все, кроме Таки. А потому вся наша компания, включая Спиро, который обожал маму, но тоже не умея плавать, попрыгала в море спасать именинницу. Результатом этого порыва был полнейший хаос.

Дональд и Макс прыгнули друг на друга и ударились головами. Леонора зацепилась ногой о фальшборт и сильно ее поранила. Марго, полагая, что маму надо искать под водой, нырнула и лихорадочно искала ее тело на глубине, пока в легких не кончился воздух, и пришлось ей всплывать на поверхность. Маму поймали Лесли и Мактэвиш, а Ларри вдруг сообразил, что Спиро тоже не пловец, и успел спасти его, когда тот в третий раз ушел под воду. Но все время, пока Спиро то появлялся, то вновь пропадал под водой, он успевал кричать, захлебываясь: «Не беспокоиться,

миссисы Дарреллы, не беспокоиться!»

Лесли и Мактэвиш оттащили задыхающуюся, отплеывающуюся маму на отмель, где она смогла сесть и отрыгнуть морскую воду, которой успела изрядно наглотаться, а Ларри отбуксировал туда Спиро, чтобы и он мог выполнить ту же процедуру. Когда наши утопленники пришли в себя, мы доставили их на борт катера, где маме был предложен добрый глоток бренди, чтобы она оправилась от шока, вызванного падением в море, и еще больший глоток выпил Спиро, чтобы прийти в себя от созерцания того, как падает мама.

– Ей-Богу, миссисы Дарреллы, – вымолвил он. – Я думаю, вы утонуть.

– Я думала то же самое, – отозвалась мама. – Сколько помню, в жизни не попадала в такую глубокую воду.

– И я тоже, – серьезно подхватил Спиро.

Таки включил задний ход, мы все поднажали плечами и столкнули катер с отмели. После чего Таки внимательно изучил обстановку, нашел проход, и мы уже без всяких затруднений вошли в залив.

Разведя костер на берегу, мы сварили извлеченных из холодильного шкафа осьминога и маленьких каракатиц и дополнили трапезу холодным цыпленком и фруктами.

– Видите теперь, как правильно мы поступили, – сказал Ларри, жуя толстое щупальце осьминога, – когда взяли с собой холодильный шкаф.

– Верно, милый, – согласилась мама. – Тогда эта идея не показалась мне такой уж удачной, но она себя вполне оправдала. Правда, на борту катера лед тает гораздо быстрее, чем в нашем доме.

– Иначе и не может быть, – заметил Ларри. – И все-таки шкаф нас выручил.

В ту ночь взошла такая великолепная луна, что мы долго лежали у самого берега в теплой воде, попивая вино и беседуя. Более мирной картины невозможно было представить себе, пока вдруг не раздались громкие пистолетные выстрелы, рождая эхо в прибрежных скалах.

Неприметно для всех Лесли и Мактэвиш, вооружившись маминым пистолетом с перламутровой рукояткой, ушли на край пляжа, где Мактэвиш стал показывать Лесли, как быстро должны стрелять члены Королевской канадской конной полиции.

– Силы небесные! – воскликнул Ларри. – О чем они думают? Превратить тихий пляж в стрельбище!

– Господи, – произнес Спиро, – я уже думаю, что сюда прийти чертов турки.

– Лесли, милый! – крикнула мама. – Пожалуйста, прекрати!

– Мы только тренируемся! – отозвался Лесли.

– Конечно, но вы не представляете себе, какой шум подняли, – продолжала мама. – От этого эха у меня разболелась голова.

– Ничего страшного, – недовольно возразил Лесли.

– Это характерно для Лесли, – сказал Ларри. – Он лишен эстетического чувства. Тут дивное теплое море, чудесное вино, полная луна, и что же он затевает? Носится взад-вперед, стреляя из пистолета!

– Ну, ты тоже бываешь хорош, – возмутилась Марго.

– Разве я вам докучаю? – спросил Ларри. – Нисколечко. В нашей семье нет человека благоразумнее меня.

– У тебя разума столько же, сколько у... у последнего психа, – заявила Марго.

– Ну-ну, дорогие мои, не ссорьтесь, – взмолилась мама. – Не забывайте, мы отмечаем мой день рождения.

– Я сыграю для вас, – объявил Свен. И он исполнил несколько негромких и прекрасных даже для аккордеона мелодий, которые отлично сочетались с лунной ночью и окружающей нас природой.

Наконец мы сходили на катер за своими матрацами, расстелили их на берегу и один за другим погрузились в сон.

Наутро мы позавтракали, искупались и поднялись на борт нашего судна. Подняли якорь, Таки запустил мотор, тот чуфырнул раз-другой и почти сразу заглох; мы едва стронулись с места.

– Господи, только не говорите мне, что с мотором что-то неладно, – сказал Ларри.

Спиро, нахмурясь, пошел к Таки выяснить, в чем дело. Слышно было, как они обсуждают что-то вполголоса, внезапно Спиро взревел, точно разъяренный бык, и на голову Таки обрушились проклятия.

– Что там у вас случилось, черт побери? – спросил Ларри.

– Эти безмозглые ублюдки, – сообщил красный от гнева Спиро, указывая на Таки дрожащим толстым пальцем, – эти безмозглые ублюдки, вы уж простите меня за такой слова, миссисы Дарреллы, забыть взять с собой больше бензин.

– Почему он забыл? – хором осведомились мы.

– Ему говорить, что думай взять, но забыть, когда пришлось отправиться за холодильный шкаф.

– Вот видите! – воскликнула мама. – Я так и знала! Знала, что нельзя было трогать наш

холодильный шкаф!

– Ладно, – сказал Ларри, – только не затевай опять этот разговор. Как называется ближайшее место, где мы могли бы заправиться?

– Таки говорить, можно заправить в Металоура, – сообщил Спиро.

– Элементарно, – вступил Мактэвиш, – мы можем сходить туда за бензином на шлюпке.

– Не знаю, – заметил Дональд, – возможно, ты не обратил внимания на этот факт, но у нас нет шлюпки.

В самом деле, странно, что никто из нас не заметил этого; большинство катеров, особенно во время таких вылазок, тащило на буксире шлюпку.

– Отлично, – заявил Мактэвиш, демонстрируя свои бицепсы, – я в отличной форме. Могу доплыть туда и обратиться за помощью.

– Нет, мистеры Мактэвиш, – мрачно произнес Спиро. – Туда целые десять километров.

– Ничего, по дороге буду останавливаться, отдыхать на берегу, – настаивал Мактэвиш. – До вечера запросто буду там. Завтра утром вернусь.

Спиро нахмурился, задумался, потом обратился к Таки и рассказал ему, что предлагает Мактэвиш. Таки был решительно против. Все побережье от этого залива до того, где можно добыть бензин, сплошь состоит из крутых обрывистых скал, ни одного удобного клочка для передышки.

– Боже мой, – вздохнула мама, – что же мы будем делать?

– Что – сидеть здесь и ждать, – сказал Ларри. – Очень просто.

– Как это понимать – очень просто? – спросила мама.

– А так – будем сидеть здесь и, как увидим проходящее судно, посигналим, попросим, чтобы нам подбросили сюда бензин. Не понимаю, что вы все так переживаете.

– Мастеры Ларрис правые, миссисы Дарреллы, – уныло согласился Спиро. – Мы не можем больше ничего поделает.

– К тому же уголок здесь прелестный, – продолжал Ларри. – Честное слово, мы не могли бы выбрать лучшего места для стоянки.

После чего мы покинули катер и расселись на берегу, предоставив Таки восседать со скрещенными ногами на носу обездвиженного катера и высматривать проходящие мимо залива рыболовецкие суда, которые могли бы нас выручить.

День протекал в приятном досуге, но суда не показывались, и с приближением ночи мама стала не на шутку волноваться.

– Да перестань ты так переживать, мама, – твердил Ларри. – Завтра непременно появится судно, и у нас еще уйма припасов.

– В том-то и дело, – возразила мама, – что не уйма. Я не рассчитывала ни на какие задержки, к тому же лед тает так быстро, что, если завтра не покажется какое-нибудь судно, половина оставшихся продуктов испортится.

Об этой стороне нашего вынужденного заточения мы как-то не подумали. Окаймленный крутыми скалами крохотный пляж был начисто лишен всех тех даров, которыми радовал Робинзон Крузо его остров. Конечно, по одной скале стекала струйка пресной воды, пополняя крохотный водоем, в котором Теодор обнаружил такое множество различных организмов, что вряд ли кто-нибудь из нас решился бы пить эту воду, когда иссякнут наши запасы напитков.

– Муттер, не надо беспокоиться. – Макс покровительственно обнял маму. – В самом крайнем случае мы все войдем в воду и будем толкать катер до Корфу.

– Чертовски глупое предложение, – заявил Дональд. – Типичное для жителя материковой Европы. Одному Богу известно, сколько тонн весит этот катер. Да мы его с места не сдвинем.

– Боюсь, Дональд совершенно прав, – подхватил Мактэвиш. – Как ни крепок я для своих лет, думаю, всех наших сил не хватит, чтобы долго толкать катер.

– Да перестаньте вы нести околесицу, – возмутился Ларри. – В здешних краях тьма рыболовецких судов. Завтра непременно что-нибудь увидим.

– Надеюсь, ты окажешься прав, – сказала мама. —Иначе мне придется ввести рационирование.

– Конечно, это совсем не так важно, – заметил Теодор, – однако некоторые собранные мной образцы довольно редки, и, если я не смогу достаточно быстро привезти их на Корфу... сами понимаете... потому что они очень нежные, вот... понимаете... они погибнут.

Вечером мы ложились спать в весьма тревожном расположении духа, и Таки и Спиро чередовались, дежуря на носу катера, надеясь высмотреть фонари какого-нибудь ночного рыболова. Увы, и наступившее утро не принесло нам утешения. А тут еще выяснилось, что лед тает с такой скоростью, что пришлось вырыть в песке яму, чтобы закопать изрядное количество скоропортящихся продуктов, припасенных мамой.

– Господи, – сказала мама, – зачем только мы отправились в это плавание.

– Не беспокойтесь, муттер, – объявил Макс. – Помощь уже приближается, я чувствую это печенкой.

– Думаю, Ларри прав, – подхватил Дональд. – В этом районе ходит много рыболовецких судов. Рано или поздно и здесь появятся.

– Лучше бы рано, чем поздно, – заметила мама. – Иначе мы тут умрем с голода.

– Это все Ларри виноват, – воинственно произнес проголодавшийся Лесли.

– Он придумал отправиться на материк.

– Только не вали все на меня, – рассердился Ларри. – Ты не меньше моего был за. Организовали бы все как следует – не влипли бы в эту историю.

– А я согласна с Лесли, – объявила Марго. – Это была идея Ларри.

– Моя идея не предусматривала, что мы останемся без бензина в глухом заливе среди неприступных скал, в десяти километрах от ближайшего места, где можно пополнить припасы, – сказал Ларри.

– Не надо, мои дорогие, – взмолилась мама, – Не ссорьтесь. Вот увидите, скоро покажется какое-нибудь судно.

– А пока, моя дорогая миссис Даррелл, – вступил Свен, – я сыграю что-нибудь, чтобы утешить вас. К сожалению, он посчитал, что именно Бах способен всех нас утешить.

Между тем прошел еще один день, а суда не показывались. Лед продолжал быстро таять, порции, которые мы получили вечером, не насытили бы даже Оливера Твиста.

– Черт-те что, – возмутился Ларри. – Где эта уйма рыболовецких судов, какого черта они не ловят в этих водах?

– Может быть, сегодня ночью кто-нибудь объявится, – предположил Мактэвиш.

Хотя Спиро и Таки продолжали дежурить, они и в эту ночь никого не увидели. На завтрак каждый из нас получил по мятому персику. Ленч состоял из арбуза с хлебом.

– Какие припасы у нас еще остались? – осведомился Ларри, управившись со своей порцией.

– К счастью, я не такой уж едок, – сообщил Теодор. И поспешил добавить:

– К счастью для меня.

– Если и дальше так пойдет, просто не знаю, что мы станем делать, – сказала мама, которая была на грани паники, несмотря на все наши старания успокоить ее.

– Прибегнем к людоедству, – заявил Ларри.

– Ларри, милый, не надо так шутить, – взмолилась мама. – Это вовсе не смешно.

– В любом случае, ха-ха, – сообщил Мактэвиш. – мое мясо покажется вам жестковатым.

– А мы с тебя начнем, – сообщил Ларри, мрачно глядя на него. – Из тебя выйдет довольно-таки неудобоваримая закуска. Зато Леонора, если правильно испечь ее в песке на полинезийский лад, явит нам, уверен, лакомое блюдо. Пальчики ног, ягодицы, груди...

– Ларри, это отвратительно, – сказала Марго. – Я в жизни не смогла бы есть человежье мясо.

– Чертовски дурные манеры, – подхватил Дональд. – Только индийцы едят друг друга.

– И все же поразительно, на что способны люди, когда доходит до крайности, – сообщил Мактэвиш. – Если не ошибаюсь, в Боснии, когда несколько деревень были отрезаны снежными заносами от внешнего мира, дело дошло до людоедства.

– Прошу вас, перестаньте наконец толковать о людоедстве, – сказала мама. – Эти разговоры только усугубляют наше положение.

– Ладно, однако ты так еще и не ответила на мой вопрос, – заявил Ларри.

– Какими припасами мы сейчас располагаем?

– Арбуз, – сообщила мама, – три зеленых перца и два батона. Таки пробовал заняться рыбной ловлей, но он говорит, что в этом заливе плохо с рыбой.

– Но ведь у нас еще оставалась парочка бараньих ног, – возразил Ларри.

– Да, милый, – ответила мама. – Но лед почти совсем растаял, и они протухли, так что пришлось их закопать.

– Господи, – простонал Ларри. – Значит, без людоедства не обойтись.

И в этот день мы не увидели никаких судов. Вечером поели сухого хлеба, закусили несвежими перцами, доели арбуз.

Таки и Спиро возобновили дежурство на катере, остальные легли спать, борясь с чувством голода.

Ночь не принесла ничего нового, и утром наше положение из несколько комичного стало довольно серьезным. Собравшись на катере, мы устроили военный совет. Мое предложение протянуть день-другой, питаясь морскими улитками, встретило сокрушительный отпор.

– Мои образцы, должен вам сказать, очень быстро портятся, – озабоченно доложил Теодор.

– К черту твои проклятые образцы, – отозвался Ларри. – Если бы ты собирал что-нибудь более существенное, чем эта твоя микроскопическая мелюзга, это могло бы нас выручить.

– Право, не знаю, что мы теперь будем делать, – сказала мама.

На завтрак каждому досталось по кусочку хлеба, и на том пришел конец нашим припасам.

– Видно, мы все тут умрем, – заключила мама. – И мне нисколько не улыбается быть похороненной здесь.

– Муттер не умрет, – горячо возразил Макс. – В крайнем случае, я убью себя, и вы сможете есть меня.

Мама была потрясена столь щедрым предложением.

– О, вы страшно добры, Макс, – отозвалась она. – Но я надеюсь, что до этого не дойдет.

В эту самую минуту дежуривший на носу катера Спиро издал оглушительный крик, эхо которого заставило вздрогнуть окружающие нас скалы. —Эй! Эгей!

Он продолжал кричать, размахивая руками, и мы увидели скользящее мимо входа в залив суденышко с маленьким дряхлым мотором.

– Эй! Эгей! – взывал Спиро. – Сюда!

Природа поместила в грудную клетку Спиро такие могучие легкие, и басистый голос его звучал так гулко, что, отраженный стенами позади нас, он в самом деле был услышан человеком на борту суденышка. Рыбак повернулся лицом в нашу сторону. Мы все ринулись на нос катера и принялись отчаянно жестикулировать. Рыбак выключил мотор, и Спиро снова завопил: – Сюда! Сюда!

– Вы это мне? – осведомился рыбак.

– Конечно, тебе, – ответил Спиро. – Кому же еще?

– Вы хотите, чтобы я подошел к вам? – дошло наконец до рыбака.

Спиро призвал на помощь Святого Спиридона и прочих местных святых.

– Конечно! – проревел он. – Или там есть еще кто-нибудь?

Рыбак внимательно огляделся.

– Никого! – сообщил он.

– Стало быть, я к тебе обращаюсь! – прокричал Спиро.

– А что тебе надо? – поинтересовался рыбак.

– Услышишь, если подойдешь поближе! – крикнул Спиро. И буркнул себе под нос: – Идиот!

– Ладно, – отозвался рыбак, включил мотор и пошел зигзагами к нам.

– Слава Богу, – произнесла мама дрожащим голосом. – О, слава Богу.

Должен признаться, в этот момент все мы разделяли ее чувства.

Суденышко длиной меньше четырех метров подошло совсем близко, рыбак выключил мотор и легонько ударился бортом о наш катер. Мы увидели орехово-коричневое лицо, огромные синие глаза и косматую шевелюру, и было совершенно ясно, что если этот человек и не идиот, пребывает где-то на грани. Рыбак приветливо улыбнулся нашей компании.

– Калимера, – сказал он.

С неописуемым облегчением мы ответили тем же.

– Послушай, – начал Спиро, продолжая развивать успех, – у нас...

– Ты грек? – осведомился рыбак, с интересом всматриваясь в лицо Спиро.

– Конечно, грек! – крикнул Спиро. – Но дело в том...

– Вы все греки? – спросил рыбак.

– Нет, нет, – нетерпеливо ответил Спиро, – они вот иностранцы. Но все дело в том...

– Ага, иностранцы, – сказал рыбак. – Я люблю иностранцев.

Осторожным движением он освободил ногу от мертвого осьминога, который придавил ему ступню, когда наши суда столкнулись бортами.

– Они хотели купить рыбу? – спросил рыбак.

– Мы не хотим покупать рыбу, – прорычал Спиро.

– Но иностранцы любят рыбу, – заметил рыбак.

– Балда! – взревел Спиро. – Нам не нужна рыба. Нам нужен бензин.

– Бензин? – удивился рыбак. – Зачем вам бензин?

– Для этого катера, – крикнул Спиро.

– Боюсь, моего бензина не хватит, – ответил рыбак, смерив взглядом стоящую на носу маленькую канистру. – Скажи-ка, а откуда они?

– Они англичане, – сообщил Спиро. – А теперь послушай. Мне нужно...

– Англичане хорошие люди, – отметил рыбак. – На днях тут один англичанин... купил у меня два килограмма рыбы, и я взял с него двойную цену, и он хоть бы что.

– Слушай! – вскипел Спиро. – Нам нужен бензин, и для этого ты...

– Они из одной семьи? – поинтересовался рыбак.

– Нет, не из одной, – ответил Спиро, – но мне нужно, чтобы ты...

– А с виду – одна семья, – настаивал рыбак.

– Да нет же, – сказал Спиро.

– Вот он и она – словно мама и папа. – Рыбак показал на Свена и маму. – А остальные – точно их дети. Хотя вон тот, с бородой, должно быть, дедушка. Из какой части Англии они родом?

Было очевидно, что, если диалог будет продолжаться в том же духе, кончится тем, что Спиро схватит пустую бутылку и проверит прочность головы рыбака.

– Может быть, мне стоит заняться им? – спросил Мактэвиш.

– Нет, – вступил Ларри. – Слышь, Спиро, лучше я с ним поговорю.

Наклонясь над бортом нашего катера, он заговорил медоточивым голосом:

– Послушай, любезный, мы англичане, все родственники.

– Добро пожаловать, – широко улыбнулся рыбак.

– Мы пришли сюда на этом катере, – медленно и внятно продолжал Ларри. – И у нас кончился бензин. К тому же у нас кончились продукты.

– Кончился бензин? – повторил за ним рыбак. – Но без бензина вы дальше не поплывете.

– Вот именно, – согласился Ларри. – Так вот, не мог бы ты быть так добр, сдать нам внаем твою лодку, чтобы мы могли сходить на ней в Металоуру, купить там бензин и привезти сюда?

Рыбак поразмыслил над его словами, подталкивая коричневыми пальцами ног лежащую на дне лодки грудю осьминогов, каракатиц и кефали.

– Вы мне заплатите? – беспокожно осведомился он.

– Мы заплатим тебе пятьдесят драхм за то, чтобы ты отвез одного из нас в Металоуру, и еще пятьдесят за то, чтобы привез его обратно.

От такого щедрого предложения зрачки рыбака на миг расширились.

– А может быть, вы заплатите пятьдесят пять драхм? – спросил он без особой надежды, отлично понимая, что ему и без того предложены очень большие деньги за пустячную работу.

– Послушай, любезный, – сказал Ларри, – послушай, добрый человек, ты знаешь, что я предлагаю хорошую цену и не стану тебя обманывать. Вот ты сам

– разве стал бы нас обманывать? Ты, грек, станешь обманывать иностранных гостей?

– Никогда! – сверкнул глазами рыбак, забыв, как он только что поведал нам про обманутого англичанина. – Грек никогда не станет обманывать иностранного гостя.

– Итак. – Ларри достал две полусотенные бумажки. – Вот деньги. Я отдаю их этому человеку, он грек, как и ты, деньги будут при нем, и когда вы вернетесь с бензином, я прослежу за тем, чтобы он отдал их тебе без обмана.

Рыбак был так тронут, что немедленно согласился, и Ларри осторожно засунул драхмы в карман рубашки Спиро.

– А теперь, Спиро, ради Бога, – сказал он по-английски, – перебирайся в эту проклятую лодку и привези нам бензин.

Не без натуги, ибо он был мужчина довольно тучный, Спиро осторожно перевалил через борт катера и опустился в лодку рыбака, которая сразу осела на десяток сантиметров.

– Вы хотите, чтобы я отправился сейчас или ближе к вечеру? – спросил рыбак, глядя на Ларри.

– Сейчас! – крикнули хором все владеющие греческим языком члены нашей компании.

Рыбак запустил мотор и взял курс на выход из залива; Спиро сидел, нахмурясь, на носу, смахивая на какую-то массивную фантастическую фигуру.

– Надо же! – воскликнул Дональд, когда лодка скрылась за мысом. – Допустить такой промах!

– Ну что там еще? – осведомился Ларри.

– Если бы мы купили у него всю рыбу и осьминогов, получился бы славный ленч, – жалобно произнес Дональд.

– Видит Бог, ты прав, – согласился Ларри. – Почему ты не подумала об этом, мама?

– С какой это стати именно я должна думать обо всем, милый, – возразила мама. – Я думала, он поведет нас на буксире.

– Ладно, – заметил я, – обойдемся на ленч морскими улитками.

– Если ты еще раз вспомнишь эту гадость, – пообещала Марго, – меня стошнит.

– Да уж, лучше помолчи, – подхватила Леонора. – У нас тут и без тебя хватает проблем.

И мы постарались отвлечься от мыслей о еде. Мактэвиш принялся учить Лесли быстро выхватывать пистолет из-за пояса. Леонора и Марго купались и загорали. Ларри, Свен, Дональд и Макс затеяли бессвязную дискуссию о литературе и искусстве. Мама занялась каким-то замысловатым вязанием, чаще положенного спуская петли. Теодор, еще раз объявив, какое это счастье, что он плохой едок, отправился добывать новые образцы в стоячей луже под скалой. Я вооружился своим перочинным ножом и принялся собирать на камнях морских улиток, жадно глотая их.

Оставшись без еды, мы налегали на наши запасы вина, и под вечер Дональд и Макс исполнили еще один мудреный средневропейский танец, а Ларри взялся обучать Свена исполнять на аккордеоне «Песнь итонских гребцов». Мама, убаюканная мыслью о неминуемом спасении, мирно спала, пока они лихо резвились, однако с приближением заката все мы начали тревожиться, хоть и держали про себя свои сомнения. Добрались ли Спиро и безумный рыбак до цели

– или вроде нас отрезаны от внешнего мира на берегу какого-нибудь уединенного залива? Рыбак произвел на нас впечатление человека, совсем не сведущего в навигации. Смеркалось, и даже вино не могло нас оживить, мы собрались в кучку и мрачно сидели, изредка обмениваясь колкими по преимуществу замечаниями. Это было похоже на завершение доброй вечеринки, когда все мечтают только о том, чтобы разъехаться по домам. Даже небо цвета полированной меди с золотыми полосами не вызывало никаких положительных эмоций.

И вдруг, совершенно неожиданно, на синей с позолотой воде у входа в залив показалось суденышко рыбака. На корме сидел наш безумный рыбак, на носу таким тучным бульдогом восседал Спиро. Тотчас прекрасная сложная закатная роспись в небесах и на море показалась нам вдвое ярче. Спасение пришло. Они вернулись. Мы сгрудились у самой воды, нетерпеливо всматриваясь в приближающуюся лодку. Рыбак выключил мотор, лодка продолжала идти к берегу по инерции, и в наступившей тишине раздался зычный голос Спиро:

– Не беспокоиться, миссисы Дарреллы, я все устроить!

Мы дружно вздохнули с облегчением, потому что знали: когда Спиро говорит, что устроил что-то, значит, все в порядке. Лодка мягко легла носом на хрустящий песок, и мы увидели, что между Спиро и рыбаком лежит зажаренная баранья туша на вертеле и стоит корзина с фруктами всех видов. Спиро неуклюже перевалился через борт и побрел. вброд к нам, напоминая некое диковинное морское чудовище.

– Я привезти вам еда, — сообщил он. — Но бензин у них не было.

– К черту бензин! — воскликнул Ларри. — Выгружайте еду — и приступим!

– Нет-нет, мастера Ларрис, бензин не имеет значений, — сказал Спиро.

– Но без бензина мы никогда отсюда не выберемся, — возразила мама. — А мясо в такой жаре долго не пролежит теперь, когда весь лед в шкафу растаял.

– Вам не беспокоиться, миссисы Дарреллы, — заверил Спиро. — Я сказать вам, что все устроить, значит, устроить. Я сделать так, что все рыбаки прийти сюда и забрать нас.

– Какие рыбаки? — спросил Ларри. — Единственный рыбак, которого мы пока видели, этот тип, который бежал из психбольницы.

– Нет-нет, мастера Ларрис, — сказал Спиро, — я говорить про рыбаки с Корфус. Которые выходить ловить ночью.

– Не понимаю, о чем ты толкуешь, — проворчал Ларри.

– Я понимаю, — поспешил я продемонстрировать свою осведомленность. — Ночью целая флотилия выходит на лов с огнями. Они ловят рыбу сетями с подсветом, у них я получаю самые интересные образцы.

– И Аргонаута арго тоже? — поинтересовался Теодор.

– Ну да, — ответил я. — А еще они вылавливают педицелляриевые морские звезды.

– Надеюсь, на них можно положиться, — заметил Ларри.

– Я устроить, мастера Ларрис, — негодующим тоном заверил Спиро. — Они сказать, что подойти сюда около два часа.

– Стало быть, когда закончат лов? — справился Теодор.

– Да, — сказал Спиро.

– У них могут оказаться интересные образцы, — заключил Теодор.

– Как я и подумал, — подтвердил я.

– Ради Бога, кончайте толковать про образцы, давайте выгрузим съестное,

– вмешался Ларри. — Не знаю, как остальные, но я жутко проголодался.

Мы осторожно извлекли из лодки баранью тушу, которой пламя очага придало сходство с мореным дубом, и корзину с фруктами. Перенесли все на наш катер, чтобы к мясу не пристала ни одна песчинка, и учинили роскошную трапезу.

Наступила ночь, луна расписала поверхность моря оранжевыми, желтыми и белыми дорожками. Мы наелись сверх меры и явно перебрали вина. Свен не давал передышки своему аккордеону, остальные танцевали кто польку, кто вальс, а кто мудреные австрийские танцы под руководством Макса. Танцевали так лихо, что Леонора свалилась за борт, вызвав красочный взрыв фосфоресценции.

В два часа ночи у входа в наш залив вереницей белых бусин выстроилась рыболовецкая флотилия. Один катер отделился от шеренги и подошел к нам. После привычных греческих препирательств,

рождающих гулкое эхо в прибрежных скалах, нас взяли на буксир и отвели к остальным судам, затем вся флотилия взяла курс на Корфу.

Глядя на цепочку огней впереди, я представил себе, что мы находимся в самом хвосте кометы, летящей над черными водами.

Когда наш буксир плавно подвел нас к пристани ниже старой крепости, мама вымолвила прочувствованно:

– Конечно, это было по-своему очень приятно, и все-таки я рада, что все кончилось.

В эту самую минуту полтора десятка хмельных рыбаков, которые под руководством Спирос с жаром, на какой способны только греки, взялись переправить холодильный шкаф с катера на пристань, покантовав его и так и сяк, шлепнулись вместе со шкафом в воду, и тот лег на дно на глубине около четырех метров.

– Вот видите! – воскликнула мама. – Достукались! Говорила вам, что не надо было брать с собой этот холодильный шкаф.

– Ерунда, – сказал Ларри. – Завтра утром запросто вытащим его.

– Но что я буду делать без холодильного шкафа? не успокаивалась мама. – Придется заново разбираться со всеми припасами на ближайшие три-четыре дня.

– Да перестань ты переживать, – говорил Ларри. – Честное слово, можно подумать, случилась невесть какая катастрофа. Спирос будет доставлять нам продукты.

– Пусть для тебя это не катастрофа, – сухо произнесла мама, – но для меня еще какая.

Тепло попрощавшись с остальными участниками вылазки, мы расположились в машине Спирос и поехали домой. Хотя Ларри весело напевал, а Лесли расписывал маме прелести пистолета с перламутровой рукояткой, хотя Марго всячески убеждала маму, что из подаренного ею отреза выйдет чудесное платье, а я не жалел усилий, чтобы поднять настроение мамы, рассказывая о чрезвычайно редкой бабочке, которую поймал подаренным ею сачком, наша родительница до самого дома хранила ледяное молчание. Было очевидно, что утрата холодильного шкафа причинила ей глубокую боль.

Войдя в дом, она налила себе добрую порцию бренди и села на кушетку, явно пытаясь сообразить, каким меню мы сможем обходиться, пока холодильный шкаф не будет извлечен из морской пучины, в чем все мы, включая Спирос, горячо заверяли ее.

Ларри обнаружил, что на его имя поступила почта. Наполнив себе бокал вина, он с интересом приняло вскрывать письма.

– Боже! – воскликнул он, читая второе письмо. – Грубенштейны едут к нам... и Гертруда будет с ними.

Мама очнулась от своего гастрономического транса. – Грубенштейны? Ты говоришь про этого жирного человечка, который выглядит так, словно не мылся полтора месяца, и про эту его ужасную цыганистую супругу?

– Замечательный талант, – сказал Ларри. – Из него получится выдающийся поэт. Гертруда тоже интереснейшая женщина – пишет чудесные картины. Она понравится тебе.

– Понравится тем больше, чем меньше я их буду видеть, – произнесла с достоинством мама. – Об этой Гертруде судить не берусь, но Грубенштейны – далеко не подарок.

– Как это понимать: чем меньше ты будешь видеть? – удивился Ларри. – Они останутся у нас.

– Как – ты пригласил к нам? – поразилась мама.

– Ну конечно, – ответил Ларри, словно иначе и быть не могло. – У них нет денег, чтобы снять себе жилье.

Мама глотнула бренди, надела очки и попыталась изобразить крайнее негодование.

– Ну вот что, Ларри, – твердо молвила она, – пора покончить с этим. Я не желаю, чтобы ты приглашал всех этих людей, во всяком случае, не предупредив меня. Когда они должны приехать?

– Послезавтра, – сказал Ларри.

– Пора покончить с этим, – повторила мама. – Пожалей мои нервы.

– Не понимаю, чего ты так разворчалась, – огрызнулся Ларри. – Это чудеснейшие люди. И ведь ты отлично отдохнула, разве нет?

Глава третья. КОВАРНАЯ КОРОБКА

Во второй половине 1939 года, когда стало очевидно, что война неизбежна, наша семья покинула Корфу и возвратилась в Англию. На первое время мы сняли квартиру в Лондоне, и пока мама в

поисках дома совершала вылазки в провинцию, я мог свободно изучать Лондон. Хотя мне никогда не нравились большие города, Лондон той поры пленил меня. Как-никак самой крупной знакомой мне столицей был город Корфу, величиной не больше какого-нибудь захолустного английского городишка, так что великая громадина Лондона таила сотни манивших меня волнующих тайн. Тут и Музей естественной истории, и конечно же зоопарк, где я наладил дружеские отношения с некоторыми зрителями. Это укрепило мое убеждение, что работа в зоопарке – единственная стоящая профессия в мире и упрочило желание обзавестись собственным заведением такого рода.

Недалеко от нашей квартиры помещалась торговая точка, неизменно привлекавшая мое внимание. На вывеску было написано: «Аквариум», и витрина в самом деле была заполнена большими аквариумами с ярко окрашенными рыбками и

– что еще больше меня занимало – рядами стеклянных ящиков, в которых содержались зеленые змейки, удавчики, большие зеленые ящерицы и пучеглазые жабы. Я мог подолгу стоять перед витриной, любуясь этими дивными созданиями и жаждая завладеть ими. Но поскольку дома у меня уже содержались две сороки и всякие прочие птицы, а также одна обезьянка, я сознавал, что всякое пополнение живого инвентаря навлечет на меня гнев родных, и мне оставалось только с тоской созерцать прекрасных рептилий.

И вот однажды утром, проходя мимо «Аквариума», я обратил внимание на прислоненное к стеклянному ящику объявление, гласящее: «Требуется молодой, надежный помощник». Я вернулся домой и поразмыслил.

– Тут поблизости есть место в зоомагазине, – сообщил я маме.

– В самом деле, милый? – откликнулась она машинально.

– Ну да. Им требуется молодой, надежный помощник. Я... я думаю подать заявление, – небрежно добавил я.

– Отличная идея, – сказал Ларри. – И сможешь сюда притащить всех их зверей.

– Вряд ли ему позволят это сделать, милый, – возразила мама.

– Как вы думаете, сколько они будут платить за такую работу? – спросил я.

– На многое не рассчитывай, – заметил Ларри. – Сомневаюсь, чтобы тебя сочли надежным помощником.

– Но что-то они ведь должны платить? – настаивал я.

– А как у тебя с возрастом? – осведомился Ларри.

– Мне скоро шестнадцать, – ответил я.

– Ну что ж, попытка не пытка, – заключил он.

На другое утро я направился к зоомагазину и вошел внутрь. Тотчас навстречу мне устремился невысокий, худой, смуглый мужчина в огромных роговых очках.

– Доброе утро! Доброе утро! Доброе утро, сэр! Чем могу быть вам полезен?

– Вам, э-э... вам требуется помощник... – промямлил я.

Он наклонил голову набок, и глаза его за очками стали еще больше.

– Помощник, – сказал он. – И вы желаете получить это место?

– Э-э... ну да, – ответил я.

– У вас есть опыт? – спросил он с сомнением в голосе.

– О, у меня большой опыт. Я всегда держал дома пресмыкающихся, и рыб, и прочую живность. У меня и сейчас полная квартира животных.

Мужчина внимательно посмотрел на меня.

– А сколько вам лет? – осведомился он.

– Шестнадцать... скоро семнадцать, – солгал я.

– Ну что ж, – сказал он. – Учтите, много платить мы не можем. У нас чрезвычайно высокие накладные расходы. Но для начала, скажем, фунт десять шиллингов.

– Идет, – согласился я. – Когда можно приступить?

– Лучше приходите в понедельник, – предложил он. – Я говорю понедельник, потому что тогда будет удобнее оформить все бумаги. Иначе можно и запутаться, верно? Да, так вот – моя фамилия Ромилли, мистер Ромилли.

Я назвал свою фамилию, мы обменялись положенными рукопожатиями и застыли на месте, глядя друг на друга. Было совершенно ясно, что мистер Ромилли никогда еще не нанимал кого-либо и плохо представлял себе, как следует действовать дальше. Я посчитал своим долгом помочь ему.

– Может быть, вы сейчас покажете мне свое хозяйство и расскажете, что я должен буду делать?

– О, отличная мысль, – воскликнул мистер Ромилли. – Отличная мысль.

И он запорхал по своему магазину, размахивая руками, словно бабочка крыльями, показывая, как следует чистить аквариум, как кормить мучными червями лягушек и жаб, где лежат щетки и стоят

метлы. В просторном подвале под торговым залом хранился различный рыбий корм, лежали сачки и прочие вещи; из неплотно завернутого крана вода капала в большой таз, где лежало нечто, на первый взгляд напоминающее сырое баранье сердце. Присмотревшись, я понял, что передо мной сплошной клубок тоненьких трубочников. Эти ярко-красные черви – излюбленный корм не только всех рыбок, но некоторых земноводных и пресмыкающихся. Далее я обнаружил, что в дополнение к восхитительным созданиям, демонстрируемым на витрине, магазин располагает множеством другой живности. Тут были ящерицы с жабами, черепахи и лоснящимися змеями, аквариумы с глотающими воздух влажными лягушками и тритонами с фестончатым гребнем вдоль хвоста, похожего на вымпел. Живя уже не один месяц в пыльной, сухой лондонской среде, я ощутил себя здесь словно в райском саду.

– Ну так, – сказал мистер Ромилли, завершив показ, – значит, вы приступаете в понедельник, да? Ровно в девять утра. Надеюсь, не опоздаете?

Только смерть помешала бы мне явиться в зоомагазин в понедельник в девять утра.

И без десяти девять в понедельник утром я мерил шагами тротуар у входа в зоомагазин. Наконец появился, позвякивая ключами, и мистер Ромилли – в длинном черном пальто и черной фетровой шляпе.

– Доброе утро, доброе утро, – пропел он. – Рад видеть, что вы пришли вовремя. Отличное начало.

Мы вошли в магазин, и я приступил к выполнению своих обязанностей. Первым делом надлежало подмести и без того чистейший пол, затем я обошел аквариумы, бросая рыбкам комочки извивающихся трубочников.

Мне не понадобилось много времени, чтобы обнаружить, что мистер Ромилли, при всей его доброте, мало что знал о находящихся на его попечении животных. Большинство террариумов были обставлены вовсе без учета привычек их обитателей, то же можно было сказать и про аквариумы. Кроме того, мистер Ромилли исходил из теории, согласно которой можно пичкать животное одним и тем же кормом, покуда оно его принимает. И я решил заняться как украшением сосудов, так и кормлением наших питомцев, внести разнообразие в их рацион. Разумеется, я понимал, что следует действовать осторожно, ибо мистер Ромилли был человек консервативных привычек.

– Вам не кажется, мистер Ромилли, – спросил я в один прекрасный день, – что рептилиям и земноводным хотелось бы отведать что-нибудь другое, кроме мучных червей?

– Что-нибудь другое? – Глаза мистера Ромилли расширились. – Что именно?

– Ну, как насчет мокриц? Я всегда кормил своих рептилий мокрицами.

– Вы уверены? – спросил мистер Ромилли.

– Совершенно уверен.

– Это не повредит им? – тревожно осведомился он.

– Нисколько, – ответил я. – Они обожают мокриц. Все-таки какое-то разнообразие.

– Но где мы их возьмем? – уныло справился мистер Ромилли.

– Думаю, в парках их сколько угодно, – сказал я. – Я схожу как-нибудь, посмотрю?

– Ладно, – неохотно согласился мистер Ромилли. – Если вы твердо уверены, что это им не повредит.

В один из ближайших дней я отправился в парк и наполнил большую жестяную банку мокрицами, которых поселил в ящике с прелыми листьями в подвале, и, когда мне казалось, что лягушкам, жабам и ящерицам начинают приедаться мучные черви, я подсыпал им хрущаков, а пресытятся хрущачками – получайте мокриц. Первое время мистер Ромилли заглядывал в террариумы с испугом на лице, словно опасался, что увидит сплошь мертвые тела рептилий и амфибий. Когда же он убедился, что лягушки не только тучнеют от новой смеси, но и начали квакать, его восторгу не было предела.

Моя следующая скромная попытка изменить царящие порядки касалась двух крупных незлобивых мавританских жаб из Северной Африки. Дело в том, что мистер Ромилли представлял себе всю Северную Африку как безбрежную пустыню, где круглые сутки светит солнце и температура воздуха не опускается ниже девяноста градусов в тени, если тень вообще существует. А потому он заточил несчастных жаб в стеклянном террариуме, над которым подвесил две яркие электрические лампочки. Бедняжки сидели на гладком белом песке, и не было там ни одного камня, позволяющего укрыться от резкого света. Целый день температура воздуха в террариуме держалась около сорока градусов и опускалась только ночью, когда мы выключали электричество. В итоге глаза жаб помутнели, как будто в них образовалась катаракта, кожа высохла и шелушилась, лапки снизу были воспалены. Понимая, что дерзновенное предложение пересадить жаб в другой террариум, с клочками влажного мха, повергнет мистера Ромилли в ужас, я скрытно принял некоторые меры, чтобы скрасить существование несчастных земноводных. Для начала стащил на маминой кухне немного оливкового масла и, когда мистер Ромилли удалялся на обеденный перерыв, смазывал кожу жабам. Она сразу стала меньше шелушиться. Затем я ходил в аптеку за мазью, удивив фармацевта объяснением, для

чего она предназначена, и обработал ею лапки мавританок. И это отчасти помогло. Обзаводясь глазной мазью, какой обычно пользуют собак, я проверил ее на жабах с отменным результатом. Кроме того, каждый раз, когда мистер Ромилли уходил обедать, я освежал жаб теплым душем, чему они явно были рады. Сидят, глотая воздух и благодушно мигая глазами, и стоило мне чуть отодвинуть леечку, как они ползли следом, чтобы попасть под струйки. Когда же я положил в террариум изрядный клок мха, обе поспешили укрыться под ним.

– Ой, посмотрите, мистер Ромилли! – старательно изобразил я удивление.

– Я случайно положил мох в террариум к жабам, и похоже, им это понравилось.

– Мох? – сказал мистер Ромилли. – Мох? Но ведь они обитают в пустыне.

– Насколько я понимаю, – ответил я, – и в пустынях кое-где есть немного растительности.

– Я думал, там сплошной песок, – заметил мистер Ромилли. – Сплошной песок. Сколько хватает глаз.

– Да нет, э-э... Растут же там небольшие кактусы и все такое прочее, – робко возразил я. – Во всяком случае, жабы как будто довольны, верно?

– Без сомнения, – согласился мистер Ромилли. – По-вашему, стоит оставить им мох?

– Ага, – ответил я. – Может, добавить еще немного?

– Вряд ли это им повредит. Хотя, – тревожно добавил он, – не может случиться так, что они станут его есть и подавятся?

– Не думаю, – заверил я его.

С той поры мои симпатичные жабы располагали мхом, под которым могли укрыться, больше того – они могли сидеть на подстилке из мха, и вскоре лапки их совершенно зажили.

А я тем временем сосредоточил свое внимание на рыбках. Как ни любили они ручейников, мне казалось, что их диету тоже следует разнообразить.

– Как вы считаете, – пустил я пробный шар, обращаясь к мистеру Ромилли,

– что, если мы попробуем кормить рыбок дафниями?

Напомню: дафнии – крохотные водяные блошки; мы получали их из хозяйства, которое снабжало наш зоомагазин водорослями, улитками, пресноводными рыбками и прочим товаром, и продавали в маленьких баночках аквариумистам.

– Дафниями? – молвил мистер Ромилли. – Кормить рыбок дафниями? Разве они станут есть дафнии?

– Но если не станут, почему же мы продаем их людям, чтобы кормили своих рыбок? – осведомился я.

Логика сего замечания произвела сильнейшее впечатление на мистера Ромилли.

– Знаешь, ты прав, – сказал он. – Ты прав. У нас в подвале еще остался небольшой запас. Завтра придет новая партия. Попробуй, посмотрим, что получится.

Я вылил по столовой ложке в каждый аквариум, и рыбки набросились на дафний так же жадно, как лягушки и жабы на мокриц.

Дальше у меня было задумано получше украсить наши террариумы и аквариумы, но тут требовалось действовать крайне осторожно, ибо этим делом мистер Ромилли занимался самолично и единолично. И не столько потому, сдается мне, что ему это нравилось, – просто как глава фирмы он почитал это своим долгом.

– Мистер Ромилли, – обратился я к нему однажды, – у меня сейчас все дела сделаны, и в лавке нет покупателей. Разрешите мне декорировать какой-нибудь из аквариумов? Мне очень нравится, как вы это делаете, и хотелось поучиться у вас.

– Ну-ну, – зарделся мистер Ромилли, – ну-ну... Я не сказал бы, что у меня это так уж хорошо получается...

– О, по-моему, вы делаете это великолепно, – не унимался я. – И мне хотелось бы поучиться.

– Ну ладно, – согласился мистер Ромилли. – Возьми какой-нибудь поменьше. А я буду тебе кое-что подсказывать. Так, посмотрим... посмотрим... Ага, вон тот аквариум с моллинезиями. Его не мешает почистить. Значит, попробуй перенести рыбок в запасной аквариум, потом опорожни его и хорошенько почисти, чтобы мы могли начать, как говорится, с азов. Идет?

Вооружившись маленьким сачком, я перенес маленьких, блестящих, как оливки, черных молли в запасной аквариум, затем опорожнил и почистил их старую обитель, после чего подозвал мистера Ромилли.

– А теперь, – начал он, – положи на дно песок и... гм... два-три камня и посади, пожалуй, э... кустик валлиснерии в том углу, идет?

– А можно, я попробую действовать сам? – спросил я. – Мне... мне кажется, так я скорей научусь. А когда я закончу, вы проверите и скажете, что сделано не так.

– Прекрасная мысль, – заключил мистер Ромилли и побрел к своему кассовому аппарату, оставив меня в покое.

Аквариум был совсем маленький, но я основательно потрудился. Прочертил в песке борозды, так что получились высокие серебристые гряды. Соорудил небольшие горки. Посадил кустики валлиснерии так, чтобы молли могли ходить стайками между ними. Потом осторожно налил воду и, когда она достигла нужной температуры, вернул в аквариум рыбок и позвал мистера Ромилли, чтобы он оценил мои труды.

– Ух ты! – воскликнул он. – Ух ты!

Он посмотрел на меня, и можно было подумать, что он огорчен моим успехом. Как бы тут не попасть впросак!

– Вам... вам нравится? – спросил я.

– Это... это замечательно! Замечательно! Как только тебе это... как тебе удалось?

– Мне удалось, потому что я смотрел, как вы работаете, мистер Ромилли. Без ваших уроков у меня ничего не вышло бы.

– Ну-ну. Ну-ну, – снова зарделся мистер Ромилли. – Однако я вижу, что ты кое-что и сам придумал.

– Все это – идеи, которые я почерпнул, наблюдая за вами, мистер Ромилли, – сказал я.

– Гм... Весьма похвально. Весьма похвально, – отозвался мистер Ромилли.

На другой день он спросил, не возьмусь ли я декорировать еще один аквариум, и я понял, что одержал маленькую победу, не задев его чувства.

Но больше всего мне хотелось заняться огромным аквариумом, украшавшим нашу витрину. Длинной около полутора метров и глубиной три четверти метра, он служил обителью обширной коллекции различных ярко окрашенных рыбок. Однако я понимал, что есть границы, которые еще рано преступать. А потому я продолжал работать с малыми аквариумами и, когда мистер Ромилли свыкся с этими проявлениями моей инициативы, заикнулся наконец о нашем парадном аквариуме.

– Позвольте мне попробовать сделать что-нибудь с ним, мистер Ромилли? – спросил я.

– Что? Ты про нашу витрину?

– Ну да. Все равно его... надо бы... надо уже почистить. Вот я и подумал, может быть, попробовать по-новому его декорировать.

– Прямо не знаю... – задумчиво произнес мистер Ромилли. – Не знаю. Сам понимаешь, это важнейший, центральный элемент витрины. Именно он привлекает к нам покупателей.

Мистер Ромилли был совершенно прав, однако покупателей привлекали пестрые стайки разноцветных рыбок, а не попытки декорировать аквариум, придававшие ему сходство с изрытой пустошью.

– Я только попробую, ладно? – не сдавался я. – Если не получится, сделаю, как было раньше. Я готов... готов потратить на это половину рабочего дня.

– Ну что ты, зачем же, – взволнованно произнес мистер Ромилли. – С какой это стати тебе все дни проводить в стенах магазина. Молодой парень... тебе необходимо пройтись, подышать свежим воздухом... Ладно, согласен, попробуй, и поглядим, что получится.

В половину дня я не уложился, поскольку приходилось отвлекаться на покупателей, которые приходили за трубочниками, или дафниями, или квакшами для своего садового пруда. Над большим аквариумом я трудился с усердием, достойным всяческого подражания. Соорудил песчаные дюны и красивые горки из гранита. В ложбинах между гранитными горками посадил валлиснерию и другие, более нежные растения. На поверхности воды разместил крохотные белые цветки, напоминающие миниатюрные кувшинки. Песком и камешками замаскировал довольно уродливые с виду подогреватель, аэратор и термостат. Завершив эти работы и возвратив в аквариум ярко-красных меченосцев, глянцевиных черных молли, серебристых топориков и будто светящихся неоновых рыбок, я отступил на несколько шагов, созерцая свое творение, и сам восхитился своими талантами.

Мистер Ромилли пришел в восторг, чему я, понятно, был очень рад.

– Великолепно! Изящно! – воскликнул он. – Просто изящно!

– Ну вы же знаете поговорку, – сказал я, – у хорошего учителя и ученик хороший.

– Ладно, ладно льстить мне. – Он шутя погрозил мне пальцем. – Это тот самый случай, когда ученик превзошел учителя.

С той поры мне было позволено декорировать все аквариумы и террариумы. Подозреваю, что в душе мистер Ромилли был только рад освобождению от необходимости проявлять в столь утомительном деле свое полное отсутствие изысканного вкуса.

После одного-двух экспериментов – где лучше проводить обеденный перерыв

– я остановился на маленьком кафе поблизости от зоомагазина. Здесь я заметил добрую официантку, которую нехитрой лестью склонил подавать мне повышенную норму сосисок с

картофельным пюре и предупреждать о смертельной опасности, исходящей от обозначенной в меню тушеной баранины с луком и картофелем. Однажды, направляясь в это кафе, я обнаружил, что кратчайший путь туда пролегает через узкий переулок между большими магазинами и высокими жилыми домами. Переулок был вымощен булыжником, и, входя в него, я чувствовал себя так, словно меня перенесли во времена диккенсовского Лондона. Часть переулочка окаймляли деревья, а дальше располагались крохотные лавки. Одна из них, обитель Генри Белоу, свидетельствовала, что наш зоомагазин – не единственный в округе.

За грязным окном размером два на два метра витрина уходила вглубь примерно на полметра и была заполнена маленькими квадратными клетками, в каждой из которых содержались одна-две птички – зяблики, зеленушки, коноплянки, канарейки, волнистые попугайчики. Пол внизу был покрыт толстым слоем шелухи и помета, но сами клетки блистали чистотой, и внутри их зеленели веточки крестовника или латука, а снаружи была прикреплена белая бумажка с кривыми буквами: «ПРОДАНО». За стеклянной дверью висела желтая кружевная занавеска, а между ней и стеклом готические буквы на куске картона вежливо приглашали покупателя входить. Обратная сторона, как мне предстояло убедиться, так же учтиво извещала, что магазин закрыт. За все дни, что я топал по булыжнику, спеша проглотить свои сосиски с картофельным пюре, ни разу не видел, чтобы в эту лавку входили или ее покидали покупатели. Она производила совершенно безжизненное впечатление, если не считать птичек в витрине, которые иногда вяло перепрыгивали с жердочки на жердочку. Шли недели, и я никак не мог взять в толк, почему покупатели не уносят проданных пернатых. Не могли же все новые владельцы трех десятков отобранных пичуг одновременно отказаться от покупки? И даже если так вдруг случилось, почему не убраны бумажки с надписью «ПРОДАНО»? Ограниченное время обеденного перерыва не позволяло мне углубиться в раскрытие этой тайны. И все же случай представился в один прекрасный день, когда мистер Ромилли, который порхал по магазину, напевая «Я маленькая пчелка», спустился в подвал и вдруг издал тонким голосом крик, выражающий предельный ужас.

– В чем дело, мистер Ромилли? – осторожно справился я.

Мистер Ромилли показался внизу, держась руками за голову, лицо его выражало предельное отчаяние.

– Какой же я глупец! – причитал он. – Какой глупец, глупец, глупец!

Видя, что речь идет не о каком-то моем прегрешении, я воспрянул духом.

– Что случилось? – спросил я заботливо.

– Ручейники и дафнии! – произнес он трагическим тоном, снимая очки и принимаясь лихорадочно протирать стекла.

– Наши запасы кончились?

– Да, – возвестил мистер Ромилли замогильным голосом. – Какой же я тупица! Такая небрежность! Такая непростительная нерадивость! Меня мало выгнать отсюда, я глупейший из смертных...

– Разве нельзя закупить еще? – попытался я остановить это самобичевание.

– Но то хозяйство всегда снабжает меня! – воскликнул мистер Ромилли, словно мне это не было давно известно. – Хозяйство снабжает меня, когда я делаю заказ в конце недели. А тут я, последний идиот, забыл про это.

– Но разве нельзя закупить еще где-нибудь еще? – спросил я.

– А все наши гуппии, и меченосцы, и черные молли ждут не дождутся своей порции ручейников, – продолжал мистер Ромилли, доводя себя до исступления. – Они так их любят. Как я могу смотреть на эти маленькие ротки, тыкающиеся в стекло? Как могу уйти на обед, зная, что бедные рыбки...

– Мистер Ромилли, – решительно перебил я его, – можем мы приобрести ручейников где-нибудь еще, кроме того хозяйства?

– А? – уставился он на меня. – Кроме хозяйства? Но они всегда снабжают меня... Постой. Кажется, я тебя понял. Ну да...

Он тяжело поднялся по деревянным ступенькам, вытирая лоб, и возник передо мной, словно единственный уцелевший после обвала в шахте. Обвел трагическим, отсутствующим взглядом наш интерьер.

– Но где? – сказал он наконец с отчаянием в голосе. – Где?

– Ну, – проявил я инициативу, – как насчет Белоу?

– Белоу? Белоу ничего не смыслит в делах. Он торгует птицами. Откуда у него быть ручейникам?

– И все-таки стоит попробовать, – настаивал я. – Давайте я схожу и узнаю. Мистер Ромилли поразмыслил.

– Хорошо, – произнес он наконец, отрывая взгляд от укоризненно смотрящих на него рыбьих верениц. – Возьми в кассе десять шиллингов и постарайся не задерживаться слишком долго.

Он вручил мне ключ от кассы и сел, угрюмо созерцая блеск своих начищенных ботинок. Я достал в кассе десятишиллинговую ассигнацию, написал на бумажке: «Взято 10 шиллингов на ручейников», положил ее в кассу, запер и сунул ключ в вялую пятерню мистера Ромилли. Миг – и я уже на улице, протискиваясь через толпы глазющих на витрины прохожих, сопровождаемый грохотом огромных красных автобусов, за которыми выются стайки легковых машин. Наконец сворачиваю в заветный переулочек и оказываюсь в царстве мира и покоя. Рев автобусов, топот ног, визг тормозов, гудки клаксонов сливаются в сплошной приглушенный гул, чем-то похожий на ласкающий слух рокот далекого прибоя. Слева от меня – черная от копоти глухая стена, справа – чугунная ограда перед клочком земли на подступах к местной церкви, где некий достойный человек посадил платаны. Деревья протянули ветви над оградой, осенев проулок зеленью листвы, а по крапчатым их стволам тяжело карабкаются, горбатятся, гусеницы, устремленные к цели, неведомой им самим. Там, где кончалась посадка, начинались лавки, числом шесть, все крохотные и все отнюдь не преуспевающие.

Вот «Клитемнестра», салон модной женской одежды, с довольно экстраординарной достопримечательностью на витрине – мехом пушистого зверька, чьи стеклянные глаза и зажатый зубами хвост заставили бы сжаться сердце всякого противника живодерства. Дальше – кафе «Пикси», легкие ленчи, закуски, чай, а подкрепившись, можно было зайти в «Табачную лавку» А. Уолита, чья витрина сплошь была заполнена рекламой сигарет и трубок; почетное место занимала реклама самых дешевых сигарет. Быстро шагая дальше, я миновал контору агента по продаже недвижимости Вильяма Дровера, с красующимися за стеклом блеклыми фотографиями заманчивых жилых строений, затем – сумрачную витрину господ М. и Р. Драмлин, водопроводчиков, с несколько неожиданным, скупым оформлением – одиноким розовым унитазом. И замыкала сей торговый ряд дверь с простой, немудрящей выцветшей вывеской: «Генри Белоу. Птицевод».

«Наконец-то, – сказал я себе, – я могу войти в эту лавку и хотя бы раскрыть тайну проданных птичек». Однако тут произошло нечто неожиданное. Высокая костлявая женщина в грубошерстном костюме и увенчанной пером потешной тирольской шляпе решительно прошагала к двери с картонкой, на которой было написано: «Прошу», взялась за ручку и под мелодичный звон колокольчика вошла в лавку, опередив меня на какое-то мгновение. Я опешил. На моих глазах впервые одна из лавок в этом переулке удостоилась посещения покупателя. Тут же, горя желанием увидеть, что будет дальше, я рванулся следом за этой женщиной и очутился внутри раньше, чем успела захлопнуться дверь.

В лавке царил полумрак, и мы с покупательницей в тирольской шляпе уподобились мотылькам, застрявшим в пыльной паутине. Казалось, мелодичный колокольчик должен был тотчас вызвать из недр лавки услужливого продавца. Однако царила полная тишина, нарушаемая только слабым щебетом пичуг в витрине да шорохом крыльев приютившегося в углу какаду. Хорошенько взъерошив перья (звук был такой, точно кто-то встряхивал неглаженую после стирки простыню), попугай наклонил голову набок и мягко произнес безразличным тоном: «Хэлло, хэл-ло, хэлло».

Мы ждали, и короткое ожидание показалось нам вечностью. По мере того как мои глаза свыкались с полумраком, я рассмотрел маленький прилавок и за ним – полки с птичьим кормом и другими вещами, потребными для птицеводства, а перед прилавком стояли на полу большие мешки с коноплей, просом и рапсом. На одном из мешков восседала, торопливо уписывая семена, белая мышка, чем-то похожая на нервно покусывающего соломинку участника званой вечеринки. Я уже подумывал о том, чтобы открыть дверь, чтобы снова зазвенел колокольчик, когда в глубине лавки распахнулась другая дверь и в нашу сторону важно направился, виляя хвостом, почтенного возраста большой охотничий пес, сопровождаемый, как я понял, Генри Белоу, высоким тучным мужчиной с седой кудрявой шевелюрой и густыми колючими усами, напоминающими куст можжевельника, в котором могла удобно обосноваться целая стайка птиц. Из-под косматых бровей сквозь очки в золотой оправе на нас смотрели синие, как барвинок, маленькие яркие глаза. Он двигался с тяжеловесной медлительностью, словно ленивый тюлень; подойдя к нам, приветственно наклонил голову.

– Мадам, – сказал он, и в его произношении угадывался уроженец юго-западной части Англии, – мадам, к вашим услугам.

Женщина в тирольской шляпе явно была слегка озадачена столь торжественным обращением.

– О, э-э... добрый день, – произнесла она.

– Чем могу служить? – осведомился мистер Белоу.

– Понимаете, вообще-то мне нужен ваш совет, – объяснила она. – Э-э... Дело в том, что моему юному племяннику исполняется четырнадцать лет, и я хотела бы купить ему птичку ко дню рождения... Он обожает птиц.

– Птицу, – сказал мистер Белоу. – Птицу. И какую именно птицу, какой вид вы подразумеваете, мадам?

– Ну, я, э-э... даже не знаю, – ответила женщина в тирольской шляпе. – Как насчет канарейки?

– В это время года я не стал бы связываться с канарейками. – Мистер Белоу скорбно покачал головой. – Не стал бы связываться сам и поступил бы нечестно, мадам, если бы продал вам канарейку.

– Почему же именно в это время года? – озабоченно осведомилась покупательница.

– Сейчас самое скверное время для канареек, – сказал мистер Белоу. – Понимаете, опасно для бронхов.

– О, – молвила леди в тирольской шляпе. – Ну, а что вы скажете о волнистом попугайчике?

– Простите, мадам, но опять же не советую. Очень уж сейчас распространился пситтакоз.

– Что распространилось?

– Пситтакоз, мадам. Так называемая попугайная болезнь. Большинство попугайчиков болеют в это время года. Дело в том, что она смертельно опасна для людей. На днях сюда приходил инспектор из Министерства здравоохранения, проверял моих волнистых. Предупредил, что они могут вот-вот заболеть, а потому мне следует воздержаться от продажи.

– Хорошо, что же вы тогда мне порекомендуете? — с отчаянием в голосе осведомилась дама.

– По правде говоря, мадам, сейчас самое неудачное время года для покупки птиц, – ответил мистер Белоу. – Понимаете, у них как раз идет линька.

– Стало быть, вы не советуете мне покупать птичку? А как насчет чего-нибудь другого... скажем, белой мышки?

– Боюсь, мадам, вам придется обратиться в какой-нибудь другой магазин,

– сказал мистер Белоу. — К сожалению, я не торгую такими животными.

– О, – произнесла незадачливая покупательница. – О... Что ж, попробую обратиться в универмаг «Харродз».

– Прекрасный торговый центр, мадам, – отозвался мистер Белоу. – Замечательный. Уверен, что там смогут удовлетворить ваши пожелания.

– Ладно, большое спасибо. Вы очень любезны, – сказала она и покинула лавку.

Когда дверь закрылась, мистер Белоу повернулся ко мне. – Добрый день, – поздоровался я.

– Добрый день, сэр, – ответил он. – Чем я могу быть полезен вам?

– Понимаете, дело в том, что я пришел узнать, нет ли у вас ручейников. Я работаю в «Аквариуме», и у нас кончились ручейники.

– Вы сказали – в «Аквариуме»? У коллеги Ромилли?

– Совершенно верно, – сказал я.

– Понятно. И почему вы решили, что у меня могут быть ручейники? Я ведь торгую птицами.

– Мистер Ромилли так и сказал, но я подумал: вдруг у вас все-таки найдутся ручейники – и решил зайти и спросить.

– Что ж, и вы, представьте себе, не ошиблись, – ответил мистер Белоу. – Пойдемте со мной.

Через заднюю дверь мы вошли в маленькую, неряшливую, но довольно уютную гостиную. Состояние обивки дивана и кресла красноречиво свидетельствовало, что пес любит отдыхать на них не меньше, чем хозяин. Продолжая идти следом за мистером Белоу, я очутился на мощеном двореке, осененном ветвями кладбищенских платанов, и увидел маленький пруд, в который сочилась вода из крана; посреди пруда на каменной горке стоял гипсовый купидон. В воде сновали полчища золотых рыбок, а у дальнего конца пруда стояла большущая банка из-под варенья с клубком ручейников внутри. Взяв другую, пустую банку, мистер Белоу переправил в нее часть этого клубка и вручил мне.

– Вы очень добры, – сказал я. – Сколько я вам должен?

– О, не вздумай платить, – ответил мистер Белоу. – Платить вовсе не надо, прими это как подарок.

– Но... но это очень дорогой подарок, — озадаченно возразил я.

– Ничего, прими от меня этот подарок, – настаивал он.

Вместе мы возвратились в лавку.

– Скажите, мистер Белоу, — спросил я, — почему на клетках всех птиц в вашей витрине прикреплены бумажки с надписью «Продано»?

Он пристально посмотрел на меня своими синими глазками.

– Потому что они и впрямь проданы.

– Но они проданы давным-давно. Когда я первый раз проходил этим переулком, бумажки уже висели, а это было больше двух месяцев назад. Что – владельцы не приходят за ними?

– Нет, просто я... ну, держу птиц у себя, пока хозяева не смогут их забрать. Кто-то из них строит вольеры, кто-то еще не обзавелся клетками и все такое прочее, – сказал мистер Белоу.

– Они были проданы в благоприятное время года?

По его губам скользнула тень улыбки.

– Да, конечно же.

– У вас есть еще птицы?

– Да, наверху. На втором этаже.

– Если я приду к вам в другой раз, когда у меня будет больше времени, я смогу на них посмотреть?

Мистер Белоу задумчиво посмотрел на меня, потер пальцами щеку.

– Что ж, пожалуй, это возможно. Когда ты хотел бы прийти?

– Ну, в субботу я работаю до обеда. Можно мне прийти тогда, в субботу?

– Обычно в субботу у меня закрыто, – ответил мистер Белоу, – но если ты позвонишь в дверь три раза, я впущу тебя.

– Большое спасибо, – сказал я. – И спасибо за ручейников. Мистер Ромилли будет весьма благодарен.

– Не за что, – отозвался мистер Белоу. – Всего доброго.

И я вышел в тихий переулок и направился к себе, в свой зоомагазин.

В последующие два-три дня я упорно думал о мистере Белоу. Я ни минуты не верил, что птицы в его витрине действительно проданы, однако не мог взять в толк, зачем выдавать их за проданных. А еще меня крепко озадачило его нежелание продать птичку женщине в тирольской шляпе. И я решил в субботу во что бы то ни стало добиться от мистера Белоу ответа на эти загадки.

Ровно в два часа в субботу я подошел к дверям его лавки. Картонка за стеклом учтиво извещала, что магазин закрыт, тем не менее я позвонил трижды и стал ждать. Наконец дверь отворилась.

– А, – сказал мистер Белоу, – добрый день.

– Добрый день, мистер Белоу, – отозвался я.

– Входи же, – пригласил он меня.

Я вошел, и он тщательно запер дверь.

– Итак, – напомнил он, – ты хотел посмотреть птиц?

– Да, если можно, – ответил я.

Он повел меня через гостиную и вверх по узкой расшатанной лестнице. Насколько я мог судить, на втором этаже его лавки помещались крохотная ванная, спальня и еще одна комната, чьи стены сплошь занимали клетки с птицами всех видов, цветов и размеров. Тут были маленькие юркие вьюрки из Африки и Азии, даже два-три ярко окрашенных австралийских вьюрка. Были зеленые попугайчики и словно одетые в королевскую мантию красные кардиналы. Волшебное зрелище... Квалификация мистера Белоу заметно превосходила познания мистера Ромилли: он знал обычное и латинское название каждой птицы, знал, где они водятся, какой корм предпочитают, сколько откладывают яиц. Словом, живая энциклопедия.

– И все эти птицы продаются? – спросил я, пожирая глазами красного кардинала.

– Конечно, – ответил мистер Белоу. И поспешил добавить: – Но только в благоприятное время года.

– При чем тут какое-то благоприятное время года? – озадаченно справился я. – Если вы торгуете птицами, можете продавать их когда угодно, разве нет?

– Ну, некоторые так и поступают, – сказал мистер Белоу. – Но я взял за правило ни в коем случае не продавать птиц в неблагоприятное время года.

Я заметил, что его глаза весело поблескивают.

– Ну и когда же оно бывает – благоприятное время?

– В моем представлении – никогда, – сообщил мистер Белоу.

– Вы хотите сказать, что совсем не продаете птиц?

– Очень редко, – ответил он. – В исключительных случаях, только друзьям.

– И потому вы не стали продавать птиц той женщине?

– Да, – сказал мистер Белоу.

– И все те птицы на витрине на самом деле не проданы, верно?

Мистер Белоу смерил меня взглядом, точно прикидывая, способен ли я хранить тайну.

– На самом деле, между нами говоря, они не проданы, – признался он.

– Ну хорошо, а как насчет прибыли?

– В том-то и дело, – сказал он, – что я не гонюсь за прибылью.

Должно быть, у меня был крайне озадаченный вид, потому что мистер Белоу издал гортанный смешок и сказал:

– Давай-ка спустимся и попьем чаю, ладно? И я все тебе объясню. Только обещай, что это останется между нами. Обещаешь?

Он шутливо погрозил мне толстым пальцем.

– Конечно, обещаю! – воскликнул я. – Клянусь!

– Отлично. Ты любишь сдобные лепешки?

– Э... Ну да, – ответил я, сбитый с толку внезапной переменной темы.

– Я тоже, – сказал мистер Белоу. – Горячие лепешки с маслом и чай. Пошли... Спустимся вниз.

И мы спустились в маленькую гостиную, где охотничий пес мистера Белоу, которого звали, как я теперь обнаружил, Олдрич, гордо возлежал на диване. Мистер Белоу зажег газ, испек несколько лепешек, щедро намазал их маслом и поместил лоснящуюся шаткую стопку на столик между нами. Тут и чайник вскипел, он заварил чай и расставил тонкие, изящные фарфоровые чашки.

Мы приступили к чаепитию, мистер Белоу передал мне лепешку, взял одну сам и вонзил в нее зубы с удовлетворенным вздохом.

– Так что... что вы хотели сказать мне, почему не гонитесь за прибылью?

– спросил я.

– Понимаешь, – сказал он, тщательно вытирая платком руки, усы и губы, – это довольно длинная и сложная история. Когда-то весь этот переулочек принадлежал одному эксцентричному миллионеру по фамилии Потт, чьим именем и называется до сих пор. Насколько я понимаю, он был, выражаясь современным языком, социалистом. Он построил все здешние лавки и установил правила для их деятельности. Лавки сдавались желающим в бессрочную аренду, причем каждые четыре года арендная плата подлежала пересмотру. Если лавка преуспевала, плата соответственно повышалась, если нет – понижалась. Ну вот, я въехал сюда в 1921 году и с тех пор плачу пять шиллингов в неделю.

Я недоверчиво воззрился на мистера Белоу.

– Пять шиллингов в неделю? Но ведь это гроши за такое помещение. Здесь ведь рукой подать до Кенсингтон-Хай-стрит с ее фешенебельными магазинами.

– Совершенно верно, – сказал мистер Белоу. – В том-то и дело. Я плачу за аренду пять шиллингов в неделю, то есть по фунту за месяц.

– Но почему такая неслыханно низкая аренда?

– Потому, – объяснил мистер Белоу, – что у меня нет прибыли. Как только я обнаружил в контракте условие, о котором тебе сказал, сразу усмотрел удобную лазейку. У меня были отложены кое-какие деньги, немного, но продержаться можно. И я искал такое жилье, где мог бы держать своих птиц. Тут и представилась идеальная возможность. Я обошел всех остальных съемщиков в переулке Потта, поделился своим открытием и обнаружил, что у большинства та же забота, что у меня: располагая небольшими средствами, они нуждаются в дешевой обители. Мы учредили «Общество Потт-Лэйн», объединились и нашли очень хорошего счетовода. Говоря «хорошего», я разумею не этих слабаков, которые во всем цепляются за закон, от них не жди добра. Нет, мы нашли способного, мозговитого молодца. Каждые полгода мы собираемся, и он проверяет нашу бухгалтерию и говорит нам, как вести дела, чтобы пребывать на грани разорения. Мы действуем соответственно, и когда приходит срок пересматривать арендную плату, она либо остается прежней, либо немного снижается.

– Но люди, которым теперь принадлежат эти дома, разве не могут изменить ставки? – спросил я.

– Не могут, – ответил мистер Белоу, – в этом все дело. Я выяснил, что, согласно завещанию мистера Потта, условия аренды не могут быть изменены.

– Но наследники, наверно, пришли в ярость, когда узнали, что вы платите всего один фунт в месяц?

– Еще как, – сказал мистер Белоу. – Чего только ни делали, чтобы выселить меня, – безуспешно. Я нашел хорошего юриста – опять-таки не из тех слабаков, для которых закон выше интересов клиента, – и он живо поставил их на место. Все остальные лавки действовали заодно, и наследникам пришлось сдаться.

Боясь обидеть мистера Белоу, я воздержался от комментариев, хотя был уверен, что он все сочинил. Однажды мне уже довелось иметь дело с домашним учителем явно шизофренического склада, который рассказывал мне длинные замысловатые истории о своих приключениях; на самом деле ничего такого в его жизни не было, но ему очень уж хотелось, чтобы было. Словом, для меня подобные измышления не были новостью.

– Надо же, как здорово получилось, – сказал я. – Вы просто гений, что додумались до этого.

– Никогда не ленись читать мелкий шрифт. – Он шутливо погрозил мне пальцем. – А сейчас извини, я должен сходить за Мейбэл.

Он вышел в торговое помещение и вернулся, неся сидящего на его запястье какаду. Сев в кресло, положил птицу на спину, и та застыла, будто выточенная из слоновой кости, закрыв глаза и приговаривая: «Хэлло, хэлло, хэлло». Пригладив оперение Мейбэл, мистер Белоу перенес ее себе на колени и пощекотал перышки на животе. Она лежала, погруженная в блаженную дремоту.

– Она начинает скучать, если слишком долго остается там одна, – объяснил мистер Белоу. – Еще лепешку, дружок?

И мы опять принялись за лепешки, беседуя. Мистер Белоу оказался интереснейшим собеседником. В молодости он изрядно постранствовал и мог немало порассказать о местах, которые я мечтал посетить. С того дня я заходил к нему попить чай раз в две недели, и это были счастливые часы.

Продолжая сомневаться в правдивости рассказа мистера Белоу о переулке Потта, я задумал провести эксперимент. За несколько дней посетил все лавки в этом ряду. Так, в «Клитемнестру» я наведалься якобы для того, чтобы купить шляпу маме ко дню рождения. Две милейшие пожилые леди, которым принадлежала лавка, долго извинялись. У них как раз кончились шляпы. Они могут предложить мне что-нибудь еще? Скажем, недорогой мех? Дело в том, сообщили мне, что все меха в магазине уже заказаны заранее. Теперь ожидается новая партия. Когда у моей мамы день рождения? В пятницу на следующей неделе, ответил я. О, к тому времени будет новое поступление, непременно будет, заходите.

Владелец табачной лавки, мистер Уоллит, сообщил, что как раз тех сигарет, которые мне нужны, нет в наличии. И сигар нет, и трубок тоже. С великой неохотой он отпустил мне коробок спичек.

Дальше я зашел к водопроводчикам – дескать, меня прислала мама, у нас что-то неладно с баком, не могут ли они прислать человека, чтобы посмотрел, в чем дело?

– Понятно, – сказал мистер Драмлин, – насколько это срочно?

– Крайне срочно, – ответил я. – Вода не идет ни в уборную, ни в умывальники.

– Понимаете, – сообщил он, – у нас есть только один работник, только один, и он сейчас ушел по вызову... это надолго. Не знаю даже, когда он управится... Может быть, день проработает, может быть, два.

– А он не согласится поработать сверхурочно?

– Боюсь, что не согласится, – сказал мистер Драмлин. – Кстати, вы можете найти отличного водопроводчика на Кинсингтон-Хай-стрит. Обратитесь туда, возможно, у них найдется свободный работник. Что до меня, боюсь, не могу обещать вам ничего на ближайшие... да, на ближайшие два-три дня, это в лучшем случае.

Поблагодарив, я отправился к мистеру Уильяму Дроверу, агенту по продаже недвижимости. Меня принял невысокий, убого одетый мужчина в очках, с пушистой жидкой шевелюрой. Я объяснил, что моя тетушка подумывает о том, чтобы переехать в эту часть Лондона, и, поскольку я живу поблизости, попросила меня сходить к агенту и подобрать для нее квартиру.

– Квартиру? Квартиру? – Мистер Дровер поджал губы, снял очки, протер стекла, вернул очки на место и осмотрелся, словно ожидал увидеть спрятанную где-то квартиру.

– Сейчас с квартирами плохо, – сказал он. – Очень плохо. Понимаете, очень уж много желающих переехать в этот район. Квартиры перехватывают перед самым носом.

– И у вас нет ничего на примете? Ничего такого, что я мог бы показать своей тетушке?

– Ничего, – ответил он. – Совсем ничего, к сожалению. Совсем.

– Ну а как насчет маленького дома? – осведомился я.

– С домами тоже плохо, так же плохо. Боюсь, в моей картотеке не найдется ни одного маленького дома, который устроил бы вас. Есть в пригороде дом с десятью спальнями, как вы на это посмотрите?

– Нет, думаю, этот дом великоват, – сказал я. – К тому же она желает поселиться в этом районе.

– Не одна она, не одна. Все стремятся сюда, не считаясь с теснотой.

– Но это хорошо для вашего бизнеса? – заметил я.

– Как сказать, как сказать. При чрезмерной тесноте страдают отношения между соседями.

– Ну что ж, большое спасибо вам за помощь, – сказал я.

– Не за что, не за что. Жаль, что не могу больше ничего для вас сделать.

На очереди было кафе «Пикси». Я увидел довольно обширное меню, однако сейчас мне могли предложить только чашку чая. Как назло – они страшно извинялись – грузовик, который должен был доставить продукты на этот день, сломался где-то в северной части Лондона, поэтому им буквально не из чего готовить.

После этого я поверил наконец тому, что говорил мне мистер Белоу про переулок Потта.

Приблизительно в эту пору круг моих знакомых пополнился еще одной странной личностью. Я уже не один месяц работал у мистера Ромилли, и он полностью доверял мне. Время от времени посылал меня в Ист-Энд за свежими партиями рептилий, амфибий и тропических рыбок. Мы покупали их у оптовиков, тогда как хозяйство, которому фактически принадлежал магазин, снабжало нас всеми необходимыми пресноводными экземплярами. Я полюбил эти вылазки в сумрачные лавки на задворках, с ящерицами в больших ящиках, с полными корзинами черепах, с зелеными от водорослей, протекающими аквариумами, населенными лягушками, тритонами и саламандрами. Во время одной из таких поездок в Ист-Энд я и познакомился с полковником Энстратером.

Мистер Ромилли послал меня к Ван ден Готу, крупному оптовику, который специализировался на импорте из Северной Америки рептилий и амфибий. Мне было поручено привезти полторы сотни расписных черепашек – этих прелестных пресноводных рептилий с зеленовато-коричневым карапаксом и красно-желтыми полосками на коже. Каждый детеныш был величиной с монету. Они

пользовались у нас большим спросом как подходящий подарок для детей в городских квартирах. Итак, я отправился в Ист-Энд, где меня принял сам мистер Ван ден Гот – весьма тучный мужчина, этакий орангутан, вылепленный из воска. Он поместил моих черепашек в картонную коробку, выложенную мхом, затем я попросил разрешения посмотреть, чем еще он располагает. – Валяй, – сказал он, – валяй.

После чего проковылял обратно к своему креслу, развернул голландскую газету, засунул в рот сигару и предоставил меня самому себе. Я бродил по лавке, рассматривая красивых змей, пока не застыл в восхищении перед террариумом с ярко-зелеными игуанами, которым сережки и прочие кожные выросты придавали сходство со сказочным драконом. Поглядев на часы, я с ужасом обнаружил, что задержался сверх положенного на целых полчаса. А потому схватил свою коробку с черепашками, попрощался с мистером Ван ден Готом и поспешил на автобус.

В спешке я, увы, не обратил внимания на то, что от влажного мха, которым мистер Ван ден Гот выложил коробку, дно ее успело промокнуть, пока я любовался его товаром. В итоге, когда я поднялся в автобусе на второй ярус и уже приготовился сесть, дно вывалилось и на пол обрушился каскад черепашек.

Мне повезло, что на этом ярусе кроме меня был только еще один пассажир – по-военному подтянутый, стройный седоусый мужчина с моноклем, в безукоризненного покроя грубошерстном костюме и мягкой шляпе. В петлице рдела гвоздика, в руке он держал ротанговую трость с серебряным набалдашником. Я лихорадочно ползал по полу, отлавливая черепашек, но эти малютки способны при желании двигаться с невероятной скоростью, и численное превосходство явно было на их стороне. Внезапно одна черепашка помчалась по центральному проходу и наткнулась на ногу мужчины с моноклем. Почувствовав, что кто-то царапает его начищенный башмак, он посмотрел вниз. Ну все, подумал я, жди неприятностей! Мужчина поправил монокль и уставился на малютку, которая силилась взобраться на носок башмака.

– Боже мой! – воскликнул мужчина. – Расписная черепашка! Хриземис пикта! Сто лет не видел!

Он повернул голову в поисках источника, откуда возникла крохотная рептилия, и узрел меня, ползающего в окружении разбегающихся во все стороны черепашек.

– Ха! – воскликнул он. – Эта малютка – твоя?

– Да, сэр, – признался я. – Извините, ради Бога, у моей коробки вывалилось дно.

– Видит Бог, тебе не повезло? – Э... да... есть немного.

Он подобрал черепашонка, который успел-таки вскарабкаться на его башмак, и направился ко мне.

– Держи, – сказал он. – И давай я помогу тебе. Перекрою пути дезертирам.

– Вы очень любезны, – отозвался я. Он опустил на четвереньки по моему примеру, и мы стали вместе ловить разбежавшихся по полу автобуса черепашек.

– Ату его! – восклицал он то и дело. – Вон тот проказник юркнул под сиденье.

А когда одна черепашка устремилась прямо на него, он прицелился тростью и крикнул:

– Бабах! Назад, сэр, иначе вам не поздоровится!

Минут за пятнадцать нам удалось наконец вернуть всех черепашек в коробку, и я кое-как залатал ее носовым платком.

– Большое спасибо, сэр, – сказал я. – Боюсь, вы испачкали брюки.

– И не жалею, – отозвался он, – несколько не жалею. Давно уже не доводилось так охотиться.

Поправив монокль, он воззрился на меня. – А теперь скажи – для чего у тебя полная коробка черепашек?

– Я... я работаю в зоомагазине и вот только что забрал их у оптовика.

– Понятно. Ты не против, если я сяду поблизости и мы поболтаем?

– Нет, сэр, – ответил я, – конечно, не против. Он опустил на сиденье напротив, поставил трость между коленями, оперся подбородком на набалдашник и задумчиво посмотрел на меня.

– Зоомагазин, говоришь? Гм-м-м. Ты любишь животных?

– Да, очень люблю. Больше всего на свете.

– Гм-м-м. А что еще есть в этой вашей лавке? – спросил он.

В его голосе звучал искренний интерес, и я рассказал ему, чем богат наш магазин, рассказал про мистера Ромилли и уже был готов изложить историю мистера Белоу, однако воздержался, поскольку дал клятву хранить секрет. Когда мы доехали до моей остановки, я поднялся с сиденья.

– Простите, сэр, – сказал я, – но мне тут выходить.

– Ха, – произнес он. – Ха. И мне тоже. Мне тоже.

Было совершенно ясно, что это вовсе не его остановка, просто ему хочется еще поговорить со мной. Мы спустились на тротуар. Благодаря довольно свободному и эксцентричному воспитанию, я вполне представлял себе коварные уловки гомосексуалистов. Знал, например, что даже джентльмены с

моноклем и военной выправкой бывают не без греха, и то обстоятельство, что он вышел из автобуса не на своей остановке, настроило меня не в его пользу. Я решил быть настороже.

– Ну, и где тут твой зоомагазин? – спросил он, вращая трость двумя пальцами.

– Да вон он, сэр.

– Ага, так я пойду с тобой вместе. Он зашагал по тротуару, разглядывая витрины магазинов.

– Скажи-ка, – заговорил он, – чем ты занимаешься в свободное время?

– О, я хожу в зоопарк, в кино, в музеи и так далее. – А в Музее наук бываешь? Там, где всякие действующие модели и другие экспонаты?

– Мне очень нравится этот музей, – ответил я. – Нравятся модели.

– В самом деле? Точно? – Он уставился на меня через монокль. – Стало быть, тебе нравится играть?

– Играть? Пожалуй, это слово подходит.

– Ага, – произнес он.

Мы остановились у двери «Аквариума».

– Вы уж извините меня, сэр, – сказал я. – Я... я и так уже опаздываю.

– Догадываюсь... Догадываюсь.

Он достал бумажник и извлек из него визитную карточку.

– Вот моя фамилия и адрес. Если надумаешь навестить меня как-нибудь вечером, поиграем вместе.

– Большое... большое спасибо, сэр, – ответил я, прижимаясь к стене спиной.

– Не за что. Итак, буду ждать тебя. Можешь не звонить заранее... просто приходи. Я всегда дома.

Любое время после шести.

И он удалился, по-военному чеканя шаг. Ни малейшего намека на жеманность и женоподобие, но я был не настолько целомудрен, чтобы не знать, что не только эти черты отличают гомосексуалиста.

Засунув в карман визитную карточку, я вошел в магазин.

– Где ты пропадаешь, озорник? – спросил мистер Ромилли.

– Извините за опоздание, – ответил я. – Но... но у меня... приключился несчастный случай в автобусе. У коробки вывалилось дно, и все черепашки высыпались, и хотя один полковник вызвался помочь мне поймать их, все же получилась задержка. Извините меня, мистер Ромилли, прошу вас.

– Ладно, все в порядке, – отозвался он. – Сегодня к нам заходило мало народу... совсем мало. Я уже приготовил аквариум, так что можешь поместить их туда.

Так я и поступил, потом посмотрел, как черепашки плавают в своей новой обители, после чего достал карточку полковника и прочитал: «Полковник Энстратер, 47, Белл Мьюз, Саут-Кенсингтон».

Кроме адреса, был еще номер телефона. Поразмыслив, я обратился к мистеру Ромилли:

– Случайно вы не знаете некоего полковника Энстратера?

– Энстратер? Энстратер? – Мистер Ромилли нахмурил брови. – Вроде бы нет... Хотя постой, постой. Где он живет?

– Белли Мьюз, – сказал я.

– Это он. Это он! – радостно воскликнул мистер Ромилли. – Да-да, это он... Бравый воин. И прекрасный человек. Это он помог тебе отловить черепашек?

– Он, – ответил я.

– Ага, это в его духе. Всегда готов помочь в беде другу. Такие, как он, в наше время редкость, большая редкость.

– Стало быть, он... э... человек известный и... э... почтенный? – осведомился я.

– Конечно, конечно. Его там все знают. Знают и любят старого полковника.

Поразмыслив над услышанным, я решил, пожалуй, как-нибудь воспользоваться приглашением полковника Энстратера. В крайнем случае, сказал я себе, если что, всегда могу позвать на помощь. И хотя полковник сказал, что звонить не обязательно, я решил соблюсти тон и через несколько дней набрал его номер. – Полковник Энстратер? – спросил я.

– Да, он самый. Кто это? Кто говорит?

– Это, гм... моя фамилия... Даррелл, – ответил я. – Мы познакомились с вами в автобусе на днях. Вы были так добры, помогли мне ловить черепашек.

– А, да-да, – сказал он. – Точно. И как теперь поживают малютки?

– Отлично, – сообщил я. – Поживают... очень хорошо. Я тут подумал о том... может быть, воспользоваться вашим любезным приглашением навестить вас?

– Ну конечно, дружище, конечно! Буду счастлив! В котором часу ты придеешь?

– Ну а когда вам удобно?

– Приходи около половины седьмого, – предложил он. – Как раз к обеду.

– Большое спасибо, – ответил я. – Непременно приду.

Белл Мьюз оказался коротким тупиком с булыжной мостовой и четырьмя домиками на каждой

стороне. Но что такое – номером 47 были обозначены двери сразу четырех строений! Откуда мне было знать, что все они принадлежали полковнику, что он соединил их вместе и с присущей военному человеку страстью к порядку присвоил им один номер. Помешкав, я постучался наконец в ближайшую дверь и стал ждать, что из этого выйдет. А сам в это время думал о том, как это нелепо: в тупике длиной от силы двести метров четыре дома значатся под одним номером 47-и где все остальные номера? Видимо, разбросаны по разным улицам и переулкам по соседству. «Да, – сказал я себе, – несладко приходится почтальону в Лондонец Тут дверь, в которую я постучался, распахнулась, и я увидел перед собой полковника. На нем была бутылочно-зеленая домашняя куртка с лацканами из муарового шелка, и в одной руке он сжимал огромный нож. В испуге я сказал себе, что, кажется, мне вовсе не следовало приходить сюда.

– Даррелл? – молвил он, вставляя в глаз монокль. – Видит Бог, ты пунктуален!

– Знаете, я сперва запутался, – начал я.

– Ага! Тебя сбила с толку цифра сорок семь? Она всех вводит в заблуждение. Помогает ограждать мое уединение. Входи же! Входи!

Я вошел бочком в холл, и он затворил дверь.

– Рад видеть тебя, – сказал полковник. – Следуй за мной.

И он затрусил через холл, держа нож в поднятой руке как, словно вел в атаку кавалерийский полк. Я успел приметить стоячую вешалку из красного дерева и несколько эстампов на стене холла, затем мы очутились в просто, но уютно обставленной гостиной значительных размеров, с множеством сложенных стопками книг и с цветными репродукциями на стенах, изображающими различные военные мундиры. За гостиной помещалась просторная кухня.

– Извини, что подгоняю тебя, – выдохнул он. – Но у меня стоит в печке пирог, и не хотелось бы, чтобы он подгорел.

Он устремился к печке и заглянул в духовку. — Ну так, все в порядке,

–облегченно произнес полковник. – Отлично... отлично. Он выпрямился и посмотрел на меня: – Ты любишь бифштекс и пирог с почками?

– Э... конечно, – ответил я. – Очень люблю.

– Прекрасно. Сейчас все будет готово. А пока присядь и выпей что-нибудь. Он провел меня обратно в гостиную. – Садись, садись. Что будешь пить? Херес? Виски? Джин?

– У вас... э... не найдется какого-нибудь вина?

– Вина? Конечно, найдется.

Он достал бутылку, откупорил и налил мне полный бокал рубинового сухого, бодрящего вина. Мы посидели минут десять, болтая о том, о сем (преимущественно о черепахах), затем полковник посмотрел на часы.

– Пора, – заключил он, – должно быть, все готово. Ты не против, если мы поедем на кухне? Так будет намного проще.

– Конечно, не против, что вы, – заверил я.

Мы вернулись на кухню, и полковник накрыл на стол, приготовил картофельное пюре, положил на мою тарелку и взгромоздил сверху бифштекс и порядочную порцию пирога с почками.

– Налей себе еще вина, – предложил он.

Бифштекс и пирог были великолепны. Я спросил полковника, сам ли он все приготовил?

– Сам, – ответил он. – Пришлось научиться готовить после смерти жены. И ведь это совсем не сложно, если захотеть. Немножко разных трав, всякие приправы творят чудеса. Ты умеешь готовить?

– Ну, это как посмотреть, – сказал я. – Мама научила меня кое-чему, но серьезно я этим не занимался, хотя люблю готовить.

– Я тоже, – откликнулся полковник, – я тоже. Отдыхаю душой.

Когда мы управились с бифштексом и пирогом, он достал из холодильника мороженое.

После мороженого полковник откинулся в кресле назад и с довольным вздохом погладил себя по животу.

– Хорошо... – произнес он. – Хорошо. Я ем только один раз в день, зато основательно. Как насчет бокала портвейна? У меня есть совсем неплохие марки.

Мы выпили рюмку-другую портвейна, и полковник закурил тонкую манильскую сигару. Покури и допив портвейн, он решительно вставил в глаз монокль и посмотрел на меня.

– Как насчет того, чтобы подняться наверх и поиграть?

– Гм... О какой игре вы говорите? – осторожно справился я, полагая, что сейчас может начаться ухаживание, если он к этому расположен.

– Силовая игра, – ответил полковник. – Поединок умов. Модели. Ты ведь любишь такие игры?

– Гм... Ну да, – сказал я.

– Тогда пошли, – распорядился он. – Пошли.

Мы снова проследовали через холл, затем поднялись по лестнице в небольшое помещение, которое явно служило мастерской: у одной стены стоял верстак, над ним висели полки с красками в банках, паяльниками и всякими таинственными предметами. Судя по всему, полковник был не прочь что-нибудь смастерить на досуге. Тем временем он распахнул следующую дверь, и моему взору открылось поразительное зрелище – огромное помещение площадью примерно двадцать на двадцать пять метров. Как я понял, его составили соединенные вместе верхние комнаты всех четырех домов, принадлежащих полковнику. Но больше размеров меня поразило то, что находилось в этом зале. В обоих концах стояло по крепости из папье-маше, высотой около метра, шириной около полутора метров. Вокруг крепостей выстроились сотни поблескивающих оловянных солдатиков в яркой униформе, и рядом с ними стояли танки, военные грузовики, зенитные пушки и прочие виды оружия. Словом, готовое поле битвы.

– Ага, – полковник радостно потер руки, – удивил я тебя!

– Видит Бог! – отозвался я. – Пожалуй, я в жизни не видел столько оловянных солдатиков.

– Не один год собираю, – сообщил полковник. – Не один год. Я покупаю их прямо на фабрике, покупаю некрашенные и раскрашиваю сам. Так оно куда лучше получается. Почище и поаккуратнее. И более реалистично.

Я наклонился, поднял одного солдатика и убедился в правоте полковника. Обычно оловянные солдатик раскрашены кое-как, но над этими поработала искусная рука. Можно было даже различить выражение лица.

– Ну так, – сказал полковник, – теперь мы сыграем, начнем с короткого гейма, проведем, так сказать, репетицию. Конечно, когда ты освоишься, можно придумать что-нибудь посложнее.

Изложенные им правила игры оказались достаточно простыми. У каждого участника была своя армия. Соперники бросают кости, и тот, кто набрал больше очков, начинает игру в роли нападающей стороны. Он снова бросает кости и в зависимости от числа выпавших очков передвигает любой из своих батальонов в желаемом направлении и открывает огонь из полевых пушек или зенитных орудий. Пушки были снабжены пружинками и стреляли спичками. Пружинки были на редкость упругими, и спички с невероятной скоростью летели через весь зал. Там, где они падали, все в радиусе десяти сантиметров считалось выведенным из строя. Так что прямое попадание в какой-нибудь отряд наносило противнику существенный урон. У каждого участника была маленькая мерная лента, которой он определял пораженную площадь.

Я был в восторге от этой затеи, особенно потому, что она напомнила мне игру, которую мы сами придумали, когда жили в Греции. Мой брат Лесли, чье увлечение пушками и кораблями не знает пределов, собрал целую флотилию игрушечных линкоров, крейсеров и подводных лодок, которые мы расставляли на полу и устраивали морской бой, но в отличие от игры, придуманной полковником, мы поражали цель стеклянными шариками. Требовался острый глаз, чтобы на неровном полу попасть шариком в крейсер.

Итак, мы бросили кости, и мне выпало быть агрессором.

– Ха! – воскликнул полковник, проникаясь воинственным пылом. – Мерзкий гунн!

– Цель маневра заключается в том, чтобы попытаться захватить крепость противника? – справился я.

– Что ж, попытайся, – ответил он. – Или попробуй разрушить ее, если сумеешь.

Я скоро понял, что в этой игре важно отвлечь внимание противника от одного из флангов, чтобы быстро продвинуться там, когда он этого не ожидает. Подвергнув его войско непрерывному артиллерийскому обстрелу – спички так и летали по воздуху, – я одновременно передвинул два батальона вплотную к его передовой.

– Злодей! – кричал полковник всякий раз, когда ему приходилось измерять площадь вокруг упавшей спички. – Грязная свинья! Проклятый гунн!

Лицо его заметно порозовело, и глаза увлажнились так, что он был вынужден то и дело протирать монокль. – Ты чертовски меток! – негодовал он.

– Вы сами виноваты, – кричал я в ответ. – Собрали в кучу все свое войско. Идеальная мишень.

– Это входит в мою стратегию. Не учи меня стратегии. Я старше тебя и по возрасту, и по званию.

– Как вы можете быть старше по званию, если я командую целой армией?

– Без дерзостей, самонадеянный мальчишка!

За два часа игры я почти полностью уничтожил войско полковника и утвердился перед самой крепостью.

– Сдаетесь? – крикнул я.

– Никогда! – ответил полковник. – Никогда! Сдаться проклятому гунну? Ни за что на свете!

– Что ж, тогда я ввожу в бой саперов.
– Это еще зачем?
– Чтобы взорвать вашу крепость.
– Крепость взрывать нельзя, – возразил полковник. – Это не по правилам.
– Ерунда! – ответил я. – Во всяком случае, немцы никаких правил не соблюдают.
– Грязный прием! – взревел он, когда я успешно взорвал его крепость.
– Теперь сдаетесь?
– Нет, я буду стоять до последнего, проклятый гунн! – крикнул полковник, лихорадочно ползая на четвереньках по полу и передвигая своих солдат.
Однако, как он ни отбивался, я загнал остатки его войска в угол и окончательно разгромил.
– Боже мой! – выпалил полковник, вытирая вспотевший лоб. – В жизни не видел такого боя. Как тебе удастся стрелять так метко, если ты впервые играешь в эту игру?
– Ну, у нас была похожая игра, только мы поражали цель стеклянными шариками, – объяснил я. – Главное – точно оценивать расстояние и направление в стрельбе.
– Черт возьми! – сказал он, глядя на свою разгромленную армию. – Однако мы славно поиграли и славно сразились. Сыграем еще раз?
И мы продолжали играть, и полковник все сильнее горячился, наконец я взглянул на часы и обнаружил, к своему ужасу, что уже час ночи. Очередной бой был в разгаре, а потому мы оставили все как было, и на другой день я снова пришел вечером к полковнику, и мы довели игру до конца. С той поры я проводил у него два-три вечера в неделю, и мы сражались на полу огромной комнаты, и он получал от игры великое удовольствие – почти такое же, как я.
Но вот однажды мама объявила, что нашла наконец подходящий дом, можно уезжать из Лондона. Я здорово огорчился – приходится расстаться со своей работой и с друзьями, мистером Белоу и полковником Энстратером. Мистер Ромилли страшно расстроился.
– Никогда мне не найти достойную замену, – сказал он. – Никогда.
– Что вы, кто-нибудь найдется, – заверил я его.
– Только не такой мастер, как ты, оформлять аквариумы и витрины. Не знаю даже, что я стану делать без тебя.
В день окончательного прощания он со слезами на глазах преподнес мне кожаный бумажник с тисненой внутри надписью золотыми буквами: «Джеральду Дарреллу от товарищей по работе». Я был малость озадачен, поскольку, кроме нас двоих, в лавке никто не служил, но, видимо, он посчитал, что так будет лучше. Горячо поблагодарив его, я в последний раз прошел по переулку Потта, направляясь к лавке мистера Белоу.
– Жаль, что ты уезжаешь, парень, – сказал он. – Право, очень жаль. Вот... это тебе – маленький подарок на прощание.
Он вручил мне маленькую квадратную клетку, в которой сидел самый желанный для меня предмет из его коллекции – красный кардинал. Я был потрясен.
– Нет, вы в самом деле отдаете его мне? – спросил я.
– Конечно, отдаю, парень, конечно.
– Но вы уверены, что сейчас подходящее время года для такого подарка? Мистер Белоу хохотнул.
– Уверен, – ответил он. – Разумеется, подходящее.
Я простился с ним, а вечером отправился к полковнику, чтобы в последний раз сыграть в его любимую игру. После игры – я дал ему выиграть – мы спустились вниз.
– Знаешь, дружище, я буду скучать по тебе. Сильно скучать. Но ты поддерживай связь, ладно? Не забывай. У меня тут... гм... маленький сувенир для тебя.
И он вручил мне плоский серебряный портсигар. Я с удивлением прочел выгравированную надпись: «С любовью от Марджери».
– О, не обращай внимания, – сказал полковник. – Надпись можно удалить... Подарок одной женщины... которую я когда-то знал. Думал, тебе понравится. Памятный сувенир... гм...
– Большое, большое спасибо, сэр, – произнес я.
– Не за что, не за что. – Он высморкался, протер монокль и подал мне руку. – Что ж, удачи тебе, дружище. Надеюсь, мы еще как-нибудь увидимся.
Мне не пришлось его больше увидеть. Он умер спустя несколько месяцев.

Глава четвертая. КАК ДОБИТЬСЯ ПОВЫШЕНИЯ

Городок Мамфе не может похвастать здоровым климатом. Он расположен на высоком мысу над излучиной широкой бурой реки, среди густого влажного леса, большую часть года воздух здесь знойный и душный, как в турецкой бане, и только дождливый сезон вносит какое-то разнообразие, усиливая и зной и духоту.

В те времена население городка составляли пять белых мужчин, одна белая женщина и около десяти тысяч горластых африканцев. В состоянии легкого помешательства я решил, что Мамфе – идеальное место для моей звероловной базы, и разбил на берегу кишачего бегемотами бурого потока шатер, набитый всевозможными дикими животными. Естественно, по ходу работы я близко познакомился с белыми жителями и изрядным числом африканцев. Африканцы работали у меня охотниками, проводниками и носильщиками, потому что, вступая в лес, вы переносились назад во времена Стенли и Ливингстона и все ваше имущество перемещалось на головах дюжих чернокожих мужчин.

Лов зверей – дело трудоемкое, не оставляющее много времени для благоденствий, тем удивительнее, что именно здесь мне представился случай помочь учреждению, именуемому о ту пору Министерством по делам колоний.

В то утро я был занят кормлением бельчат, которые явно ничего не соображали и, похоже, вовсе не желали жить. Тогда еще не были изобретены бутылочки с маленькой соской, рассчитанной на ротики бельчат, а потому надлежало обмотать спичку ваткой, обмакнуть ее в жидкость и сунуть в рот сосунку. Процедура долгая и требующая изрядной выдержки, так как надо было следить, чтобы ватка не слишком намокала, иначе бельчонок мог подавиться молоком, и засовывать ее сбоку, чтобы не застряла на зубах и не была тотчас проглочена, следствием чего была бы смерть от несварения желудка.

Часы показывали десять, и уже царила такая жара, что приходилось поминутно вытирать полотенцем влажные руки, чтобы малютки не простудились. Настроение было соответственное, а тут еще, пока я маялся с упирающимися подопечными, внезапно у самого моего локтя материализовался мой бой Пайес, чье бесшумное появление всегда действовало мне на нервы.

– Будьте добры, сэр, – сказал он.

– Ну, что тебе? – рявкнул я, манипулируя ваткой с молоком.

– НОА прийти, сэр, – доложил он.

– Начальник окружной администрации? – удивился я. – Какого черта ему надо?

– Не говорить, сэр, – бесстрастно ответил Пайес. – Я пойти открыть пиво?

– Что ж, открывай, – сказал я, и поскольку НОА Мартин Баглер в эту минуту показался на гребне холма над моим лагерем, я посадил бельчат обратно в их коробку, высланную банановыми листьями, и вышел из шатра, чтобы встретить его.

Мартин был долговязый молодой мужчина с круглыми черными глазами, косматой черной шевелюрой, курносый носом и широкой обаятельной улыбкой. Привычка лихо жестикулировать длинными руками при разговоре была источником вечных неприятностей для него и для окружающих. Однако это не мешало ему быть весьма достойным начальником администрации, потому что он горячо любил свою работу и, что еще важнее, не менее горячо любил африканцев, и те отвечали на это добром.

Теперь-то стало модным поносить колониализм, начальников администрации и их помощников изображать воплощениями зла и порока. Конечно, встречались среди них и дурные представители рода человеческого, однако преобладали замечательные люди, выполнявшие чрезвычайно трудную работу в тяжелейших условиях. Представьте себе, что вас в возрасте двадцати восьми лет назначают управлять округом величиной с Уэльс, населенном полчищами африканцев, придав вам только одного помощника. Вы обязаны заботиться о своих подопечных, быть для них отцом и матерью и стоять на страже закона. Причем во многих случаях, поскольку закон – английский, он такой мудреный, что суть его недоступна уму простодушных аборигенов.

Во время моих вылазок в леса я не раз проходил мимо крытого железом просторного здания из кирпича-сырца, где Мартин, обливаясь потом, пытался рассудить очередной спор, причем дело осложнялось еще тем, что в деревнях, разделенных всего несколькими километрами, подчас говорили на разных наречиях. А потому, если возникал конфликт между двумя деревнями, требовалось по переводчику от каждой из них, плюс еще третий толмач, знающий оба наречия, чтобы переводить слова Мартина. Как и во всех судах на свете, было совершенно очевидно, что стороны беззастенчиво лгут, и меня восхищали терпение и невозмутимость Мартина. Предметы разбирательства могли быть самые разные – от подозрения в людоедстве до умыкания невест и споров из-за каждого дюйма земли под ямсом и кокосовыми пальмами.

За все мои поездки в Западную Африку мне только раз встретился антипатичный администратор. Преобладали, как я уже сказал, чудесные молодые люди, и было бы неплохо, если бы когда-нибудь

нашелся охотник написать о них добрую книгу.

Появление Мартина на холме над моим лагерем изрядно удивило меня, потому что в это время дня ему следовало корпеть в канцелярии над бумагами. Вниз по склону он спустился чуть ли не бегом, размахивая руками, точно ветряная мельница, и крича что-то неразборчивое. Я терпеливо ждал, пока он не нырнул в шатер.

– Понимаешь, – вымолвил Мартин, вскинув руки в трагическом жесте, – мне нужна твоя помощь.

Я пододвинул складной стул и мягко усадил его.

– Перестань вести себя, словно чокнутый богомол, – сказал я, – посиди минутку молча и расслабься.

Он достал из кармана влажный платок и вытер лоб.

– Пайес! – крикнул я.

– Сэр? – отозвался мой бой из кухни.

– Принеси, пожалуйста, пива мне и администратору.

– Есть, сэр.

Пиво было паршивое и отнюдь не холодное, потому что в нашем довольно примитивном базовом лагере единственным способом охладить его было держать бутылки в ведрах с вечно теплой водой. Однако в таком климате, где человек непрерывно обливается потом, даже если сидит без движения, потребность в жидкости велика, и днем ничто не могло сравниться с пивом.

Пайес чинно наполнил наши стаканы, и Мартин, схватив свой стакан дрожащей рукой, поспешно сделал несколько глотков.

– А теперь, – сказал я успокаивающим тоном опытного психиатра, – повтори, пожалуйста, медленно и внятно, что ты кричал, сбегая вниз по склону? Кстати, тебе не следует так носиться в это время дня. Во-первых, это вредно для здоровья, во-вторых, это может повредить твоему имиджу. Я было подумал, что в Мамфе разразился бунт и за тобой гонится толпа африканцев, вооруженных копьями и мушкетами.

Мартин снова вытер платком лицо и сделал еще глоток.

– Хуже, – произнес он, – несравненно хуже.

– Хорошо, рассказывай тихо, спокойно, в чем дело.

– Губернатор, – ответил он.

– Что – губернатор? Он уволил тебя?

– В том-то и дело, – сказал Мартин, – что может уволить. Потому я и нуждаюсь в помощи.

– Не вижу, как я могу тебе помочь. Я не знаком с губернатором и, насколько мне известно, не знаю никого из его родных, так что не могу нигде замолвить за тебя словечко. Но что ты такого ужасного натворил?

– Лучше я расскажу тебе все с начала, – отозвался Мартин, еще раз вытер лицо, подкрепился глотком пива и скрытно осмотрелся, проверяя, не подслушивают ли нас. – Так вот, может быть, ты не обратил внимания, но я неплохо справляюсь со своей работой, однако когда надо принимать гостей или еще что-нибудь в этом роде, непременно все испорчу. Когда я только что получил повышение и был назначен начальником окружной администрации в Умфале, тут же туда является с инспекцией этот чертов губернатор. Все шло прекрасно, в округе царил безупречный порядок, и шеф как будто был мной доволен. Он приехал всего на сутки, и под вечер я уже подумал, что все в порядке. Но, на беду, уборная в моем доме вышла из строя, и я не успел вовремя привести ее в порядок, а потому велел соорудить уютный шалашик вдали от веранды, за кустами гибискуса. А в шалаше, сам понимаешь, глубокая яма и перекладина для ног. Я объяснил губернатору, что и как, и вроде бы он все понял. Но мне было невдомек, что моя африканская обслуга посчитала, что шалаш предназначен для них, и прилежно пользовалась им до прибытия моего шефа. И вот перед самым обедом он направляется туда. То, что он там увидел, вовсе не обрадовало его, ведь он полагал, что уборную соорудили специально для него. Когда же губернатор все-таки примостился на перекладине, она сломалась. Я слегка опешил.

– Господи, ты что же – не проверил эту перекладину?

– В том-то и дело, – ответил Мартин. – Есть вещи, в которых я ничего не смыслю.

– Но ты мог убить его, хуже того – утопить, – сказал я. – Знаю, на что похожа наша уборная здесь, и не хотел бы упасть в эту яму.

– Могу заверить тебя, что шефу происшедшее тоже не понравилось, – уныло отозвался Мартин. – Он, конечно, позвал на помощь, и мы вытащили его, но выглядел он, точно... точно... э... ходячая навозная куча. Не один час ушел на то, чтобы отмыть его самого, постирать и привести в порядок его одежду к утру, когда он должен был уезжать. И скажу тебе, дружище, обедали мы тот вечер очень поздно, и ел он очень мало и держался очень-очень холодно.

– Он что – лишен чувства юмора? – осведомился я.

– Начисто лишен, – яростно произнес Мартин. – Но не мне его упрекать за это. Не представляю себе человека, который стал бы веселиться, шлепнувшись в кучу навоза.

– Я тебя понял. Налей себе еще пива.

– Беда в том, – продолжал Мартин, – что я не однажды вот так оплошал. Были другие промашки, о которых предпочитаю не рассказывать тебе, потому-то мне пришлось так долго ждать, чтобы меня из помощников перевели в начальники окружной администрации. После того ужасного происшествия с уборной я попал в Умчичи, и ты сам понимаешь, что это означало.

– Да уж, – сказал я, – мне не доводилось там бывать, но я наслышан.

Умчичи – этакий Окаянный остров, туда посылали всех попавших в немилость начальников окружной администрации и их помощников. Там обитали прокаженные африканцы, а еще там было больше комаров, чем в любой другой точке побережья Западной Африки.

– Как ни увлекательны эти твои откровения, – заметил я, – не вижу, куда ты клонишь.

– Так ведь я именно об этом толковал тебе, когда спускался с холма, – объяснил Мартин. – Губернатор едет сюда с инспекцией. Будет здесь через три дня, так что мне необходима твоя помощь.

– Мартин, – сказал я, – при всей моей любви к тебе я не специалист по приему и обслуживанию гостей.

– Конечно, дружище, конечно, – отозвался Мартин. – Ты только подсоби мне кое в чем.

Отказать ему в этой просьбе было невозможно. Все белые жители Мамфе и девяносто девять процентов африканцев нежно любили Мартина.

– Мне нужно поразмыслить, – сказал я.

Мы посидели молча; Мартин ерзал на стуле, обливаясь потом. Наконец я крикнул:

– Пайес, принеси, пожалуйста, еще пива начальнику администрации.

Когда пиво было подано, я наклонился и пристально посмотрел на Мартина.

– Вот в чем твое единственное спасение, – произнес я. – Среди нас есть женщина.

– Женщина? – озадаченно молвил Мартин. – Какая женщина?

– Мэри, жена твоего помощника, если ты помнишь такую. Женщины отлично справляются с такими делами. Еще у нас есть Макгрэйд (он отвечал за ремонт мостов, строительство дорог и тому подобное). Есть Гэртон (представитель «Объединенной Африканской компании», который занимался продажей хлопчатобумажных тканей белым жителям Мамфе, консервов и пива африканцам). Уж как-нибудь совместными усилиями мы справимся с задачей.

– Дружище, – торжественно произнес Мартин, – я твой вечный должник. Блестящее предложение.

– Итак, для начала, – продолжал я, – следует посмотреть твой дом.

– Но ты столько раз бывал у меня, – удивился Мартин. – Несколько раз приходил перекусить и тысячу раз приходил выпить стаканчик.

– Верно, но я видел только твою гостиную и веранду. – Ну да, конечно. Что ж, пошли, сейчас и посмотришь.

– Я захвачу Пайеса, – сказал я. – Потому что одолжу его тебе на вечер. Он куда лучше твоего недотепы и сумеет стол обслужить на высшем уровне. А то ведь твой бой способен облить супом колени губернатора.

– Ты что! – страдальчески воскликнул Мартин. – Не смей даже говорить такие вещи.

Итак, мы захватили Пайеса и поднялись в дом окружного начальника, стоящий на макушке утеса, с видом на реку. Дом был внушительный, с толстыми стенами и просторными помещениями, потому что его построили еще тогда, когда Камерун был немецкой колонией, а немцы знали, как надо строить в жарком климате – выбрали место, где дом хоть немного обдувало ветром, а благодаря толстым стенам внутри было прохладно, насколько это вообще возможно в таком месте. Поднимаясь по склону, я объяснил Пайесу суть дела.

– Учти, – добавил я, – это очень важно, все мы должны постараться хорошенько помочь окружному начальнику.

– Да, сэр, – расплылся в улыбке Пайес; он всегда считал, что я чересчур много времени уделяю уходу за животными и совсем не оставляю ему времени проявить свой талант буфетчика.

Дойдя до обители Мартина, я внимательно осмотрел гостиную и веранду. Оба помещения были просторные и совсем недурно обставленные с учетом потребностей холостого начальника окружной администрации.

– Мне кажется, для начала тебе следует снять со стены этот календарь, – предложил я Мартину.

– Почему? – спросил он. – По-моему, картинки классные.

– Мартин, – сказал я, – если губернатор увидит, что у тебя вся гостиная увешана голыми красотками, он может невесть что подумать о тебе, так что лучше убери.

Пайес, внимательно слушавший наш диалог, снял со стены календарь с девицей в чувственной позе

и с такими ярко выраженными признаками млекопитающего, что даже я был несколько смущен.

– Так, – произнес я, – теперь – спальня.

Спальня тоже была большая, с широченной двуспальной кроватью под сеткой от комаров.

– Пайес, – распорядился я, – ну-ка проверь кровать – не сломается?

Тихонько хихикая, Пайес опустился на четвереньки и пополз вокруг кровати, проверяя каждый винт и каждую гайку.

– А теперь, – обратился я к Мартину, – попрыгаем на ней вдвоем.

Мы попрыгали и убедились, что с пружинами все в порядке.

– Так, отлично, – заключил я. – Похоже, здесь ему ничто не грозит. А где ты собираешься его кормить?

– Кормить? – озадаченно справился Мартин.

– Ты ведь собираешься кормить губернатора, пока он будет находиться здесь?

– Ну, на веранде, – ответил Мартин.

– Что – других помещений нет?

– Еще есть столовая.

– Если у тебя есть столовая, пользуйся ею, ради Бога. Ты ведь намерен принять его возможно лучше. Где находится эта твоя столовая?

Вернувшись со мной в гостиную, Мартин распахнул массивные деревянные двери, и моему взору предстало великолепное помещение с длинным столом по меньшей мере на десяток мест. Столешница была тщательно отполирована, но, поскольку Мартин никогда не пользовался этой комнатой, покрыта толстым слоем пыли, как и довольно красивые, хотя и тяжеловатые деревянные стулья. С потолка над столом на всю его почти пятиметровую длину свисала конструкция, которую в Индии называют «пунка» и которая, по сути, представляет собой огромное опахало. К бамбуковой жерди толщиной десять – двенадцать сантиметров были прикреплены пальмовые листья полутораметровой длины. К середине жерди привязана веревочка, которая через ролики под потолком и дырку в стене тянулась на кухню. Смысл этого устройства заключался в том, что какой-нибудь нанятый вами мальчуган дергал веревочку и заставлял опахало покачиваться над столом, обдавая вас жарким дуновением в разгар трапезы.

– Великолепная штука, – сказал я Мартину. – Губернатор будет поражен.

– Я никогда не пользуюсь этим чертовым устройством, – сообщил Мартин. – Понимаешь, здесь мне было бы очень уж одиноко.

– Тебе нужно жениться, дружище, – произнес я покровительственно.

– Да я пытаюсь, – отозвался он, – всякий раз, когда приезжаю в Англию в отпуск. Но стоит моим невестам услышать, где я работаю, как они сразу расторгают помолвку.

– Ничего, – утешил я его. – Ты только не сдавайся. Глядишь, и найдется простушка, которую ты успеешь охмурить, а затем уже привезешь сюда.

По нашей просьбе Пайес тщательно проверил огромный стол и все стулья. Мы посидели вдвоем на каждой стуле и исполнили что-то вроде танго на столе; он стоял нерушимо как скала.

– Теперь послушай, – сказал я Мартину. – Я хочу, чтобы Пайес возглавил твою службу, потому что очень уж они у тебя недотепистые. Пайес – парень расторопный и умелый.

– Как скажешь, дружище, – отозвался Мартин. – Как прикажешь. Ты только скажи.

– Пайес, – обратился я к моему слуге. – В нашем распоряжении три дня. Все это время ты будешь наполовину моим буфетчиком, наполовину буфетчиком окружного администратора. Слышишь?

– Слышу, сэр, – ответил он.

Мы вышли на веранду и сели там.

– А пока, – сказал я Пайесу, – пойді скажи здешнему буфетчику, чтобы принес нам чего-нибудь выпить. Кстати, Мартин, как звать твоего буфетчика?

– Амос.

– Отлично, – продолжал я, – давай, Пайес, скажи Амосу, чтобы принес нам чего-нибудь выпить, потом приведи сюда его, повара и младшего боя, чтобы мы поглядели на них и потолковали с ними.

– Да, сэр. – И Пайес чуть ли не гусиным шагом направился на кухню.

– Думаю, все, что касается питания, можно спокойно предоставить усмотрению Мэри, – сказал я. – Возможно, и другие могут что-нибудь посоветовать, так что, по-моему, не мешает созвать сегодня вечером военный совет. Если ты разошлешь им приглашения, они соберутся здесь, чтобы выпить по стаканчику и обсудить твою проблему.

– Ну ты прямо мой спаситель, – заключил Мартин.

– Вздор, – отозвался я. – Я только помогаю тебе сориентироваться. Ты явно не приучен вращаться в обществе.

Вошел Пайес, неся на подносе пиво, за ним следовали Амос в коричневых шортах и куртке, затем младший бой, на вид достаточно смысленный, но совсем ничему не обученный (каким он явно был обречен оставаться, если его наставником был Амос), и замыкал шествие совершенно удивительный экземпляр – высоченный худой африканец из племени хауса, которому на вид можно было дать все сто десять лет, одетый в белый пиджак и шорты, на голове – здоровенный поварской колпак с неровно вышитыми впереди буквами «В. С.».

– Так вот, – сурово произнес я, – через три дня начальник администрации будет принимать здесь губернатора. Начальник хочет, чтобы мой буфетчик присмотрел за вами и проследил, чтобы все было в порядке. Если не будет порядка, губернатор сильно рассердится на администратора, и мы с администратором сильно рассердимся на вас и дадим вам пинка пониже спины.

Несмотря на мой строгий тон, они дружно заулыбались. Все четверо понимали, какая важная персона прибывает, понимали и серьезность моей угрозы. Но они оценили использованный мной шуточный оборот.

– Ну так, – продолжал я, показывая на буфетчика, – тебя зовут Амос?

– Да, сэр, – ответил он, вытянувшись в струнку.

– А тебя как звать? – обратился я к младшему бою.

– Иоанн, сэр.

– Имя повара, – извиняющимся тоном вмешался Мартин, – Иисус.

– Дружище, – отозвался я, – тебе повезло. С Пайесом и Иисусом мы не можем оплошать. Кстати, что это за диковинная вышивка у него на колпаке?

Мартин заметно смутился.

– Понимаешь, – начал он, – ему как-то удалось случайно приготовить очень хорошее блюдо, а у меня в одном журнале была фотография шеф-повара одного лондонского отеля, и чтобы поощрить его, я пообещал привезти из следующего отпуска колпак, какие носят только самые искусные повара.

– Очень благородная идея, – сказал я, – но что все-таки означают эти вышитые буквы «В. С.»?

Смущение Мартина еще больше возросло.

– Он попросил жену вышить их и очень гордится ими.

– Но что они означают? – настаивал я.

Мартин совершенно смешался: – «БиСи» – сокращение английских слов «повар Баглера».

– А он понимает, что эти буквы на колпаке означают еще «до рождества Христова» (Before Christ) и вместе с его именем «Иисус» могут вызвать смятение в умах непосвященных людей?

– Не понимает, и я не стал его просвещать, чтобы не волновать понапрасну, – ответил Мартин. – Он и без того немного не в себе.

– А сейчас, Пайес, – сказал я, – сходи за полиролем, слышишь?

– Да, сэр, – откликнулся он.

– И проследи за тем, чтобы в столовой был наведен порядок и чтобы стулья и стол были как следует отполированы. Слышишь?

– Слышу, сэр, – сказал он.

– Я хочу, чтобы стол блестел, как зеркало. И если ты не позаботишься об этом, получишь пинка ниже спины.

– Да, сэр.

– А накануне приезда губернатора все полы должны быть чисто вымыты и вся остальная мебель отполирована. Слышишь?

– Да, сэр, – сказал Пайес.

По гордому выражению его лица было видно, как он предвкушает свое участие в столь важном событии и возможность командовать своими соотечественниками.

Мартин наклонился и прошептал мне на ухо: – Этот младший бой – из племени ибо. Надо сказать, что люди этого племени славятся своей смекалкой; приходя в Камерун из Нигерии, они околпачивали камерунцев, после чего уходили обратно через границу. А потому камерунцы относились к ним с великим недоверием и отвращением.

– Пайес, – сказал я, – этот младший бой – из племени ибо.

– Я знаю, сэр, – ответил Пайес. – Так что последи, чтобы он работал как следует, но чересчур не нажимай на него, потому что он ибо. Слышишь?

– Да, сэр.

– Отлично, – сказал я и распорядился совсем по-хозяйски: – Теперь принеси еще пива. Вся компания прошагала на кухню.

– Слушай, – восхищенно произнес Мартин, – у тебя здорово получается, верно?

– В жизни не занимался такими делами, – отозвался я. – Однако тут не требуется большое

творческое воображение.

– Боюсь, его-то мне и не хватает, – заключил он.

– Не могу с тобой согласиться, – возразил я. – Человека, которому достало выдумки привезти своему повару колпак мастеров кулинарного искусства, никак не назовешь тупицей.

Мы добавили пива, и я попытался представить себе, каких еще катастроф следует опасаться.

– Сортир действует? – подозрительно осведомился я.

– Полный порядок, – ответил Мартин.

– Так проследи, ради Бога, чтобы твой младший бой не вздумал им воспользоваться, — сказал я, — во избежание повторения того случая, про который ты мне рассказал. А теперь разошли приглашения, как мы договорились, и около шести я приду, и мы проведем военный совет.

– Отлично, – отозвался Мартин и ласково похлопал меня по плечу. – Не знаю, что бы я стал делать без тебя. Даже Стэндиш не сумел бы все так замечательно организовать.

Он подразумевал своего помощника, который в это время парился в горах к северу от Мамфе, разбираясь в проблемах отдаленных деревень.

Я поспешил вернуться в шатер к своему горластому семейству. Визит к Мартину выбил меня из собственного графика, и теперь детеныши шимпанзе кричали, требуя еды, дикобразы грызли прутья своей клетки, и галаго негодуяюще смотрели на меня огромными глазами, устав дожидаться мисок с мелко нарезанными фруктами.

В шесть часов я прибыл в резиденцию начальника окружной администрации. Там была уже Мэри Стэндиш – молодая миловидная женщина, склонная к полноте и наделенная весьма спокойным нравом. Из каких-то закоулков Большого Лондона Стэндиш перенес ее прямо в Мамфе, она жила здесь всего полгода, но это было такое милое и кроткое создание и она воспринимала все и всех с таким спокойствием и добродушием, что казалось – приди к ней с дикой головной болью, и ее маленькая пухлая ручка, коснувшись вашего лба, произведет такое же действие, как носовой платок, смоченный одеколоном.

– Джерри, – приветствовал меня тонкий голосок, – это так интересно, ты согласен?

– Для тебя – возможно, – ответил я, – но для Мартина – мука мученическая.

– Но ведь сам губернатор! Может быть, это обернется повышением для Мартина, а там и для Алека.

– Если все организовать как следует, – сказал я. – Мы собираем военный совет именно для того, чтобы предупредить какие-либо происшествия. Сама знаешь, с Мартином вечно что-нибудь случается...

Решив, что я приготовился рассказать ту жуткую историю с уборной, Мартин замахал руками, чтобы остановить меня, и конечно же сшиб со стола свой стакан с пивом.

– Виноват, сэр, – сказал Амос.

У камерунцев восхитительная привычка говорить «виноват, сэр», когда с вами случается неприятность, как будто это их вина. Например, вы, идя во главе колонны носильщиков, споткнулись в лесу о корень и ушибли колено, тут же одно за другим зазвучат «виноват, сэр», «виноват, сэр», «виноват, сэр», отдаваясь, словно эхо, до самого конца колонны.

– Поняла, о чем я говорю? – повернулся я к Мэри, меж тем как Амос вытирал пол и подавал Мартину другой стакан.

– Поняла, – откликнулась она.

Ожидая, когда придут остальные, мы задумчиво потягивали пиво и слушали, как в реке в ста метрах внизу кричат, режут и фыркают бегемоты.

Наконец явился Макгрэйд, ирландец могучего телосложения, с пламенной шевелюрой и ярко-голубыми глазами, обладатель прелестного ирландского акцента, мягкого как бархат. Водрузив свою тушу на стул, он схватил стакан Мартина, сделал добрый глоток и сказал: – Значит, ожидаешь королевского визита?

– Что-то вроде того, – ответил Мартин. – И верни мне, пожалуйста, мое пиво, я в нем остро нуждаюсь.

– Он прибудет по суше? – тревожно осведомился Макгрэйд.

– Наверно. А что?

– А то, что наш старый мост долго не протянет. Боюсь, если он пойдет через мост, придется нам хоронить его здесь.

Речь шла о переброшенном в начале века через реку железном висячем мосте. Я сам не раз ходил по нему и знал, что он весьма ненадежен, но только этим путем мог я попасть в лес, а потому всегда следил за тем, чтобы носильщики шли по одному. Кстати, пророчество Макгрэйда оправдалось: через несколько месяцев спустилась с гор, неся на голове мешки с рисом, группа африканцев, которые двинулись через мост все разом, и он не выдержал такой нагрузки, так что люди полетели вниз в

ущелье глубиной около трех десятков метров. Но африканцы чем-то похожи на греков, они спокойно относятся к неожиданным инцидентам такого рода. Ни один носильщик не пострадал, и только потеря риса вызвала у них досаду.

– Но как же он попадет к нам с той стороны? – Мартин беспокожно посмотрел на нас. – Его ведь сопровождают носильщики.

Макгрэйд наклонился и погладил его по голове: – Я пошутил. Все дороги и все мосты, по которым он должен пройти, чтобы попасть сюда, в полном порядке. Хочешь, чтобы работа была выполнена качественно, поручи ее ирландцу.

– Ну вот, — заметил я, — теперь среди нас есть еще и католик, в дополнение к Пайесу и Иисусу.

– А ты, — сказал Макгрэйд, нежно улыбаясь мне и ероша свою рыжую шевелюру, — чертов языческий зверолов, вот ты кто.

– А ты, — парировал я, — проводишь больше времени в твоей чертовой исповедальне, чем за ремонтом здешних отвратительных дорог и мостов.

В эту минуту появился Робин Гэртон – смуглый коротыш с орлиным носом и большими карими глазами, от мечтательного выражения которых вам казалось, что его мысли витают где-то очень далеко. На самом деле это был, как и все сотрудники «Объединенной Африканской компании», с коими я встречался, весьма проницательный деятель. Он не открывал рта без крайней нужды, обычно сидел с таким видом, словно погрузился в транс, чтобы вдруг тихим голосом жителя северной Англии выдать краткое, умное, дельное замечание, подытоживая все, о чем полтора часа спорили другие. Это производило ошеломляющее впечатление.

Робин сел, приняв элегантную позу, согласился выпить стакан пива и обвел присутствующих взглядом.

– Правда, это интересно? – горячо произнесла Мэри.

Робин сделал плоток и важно кивнул.

– Насколько я понимаю, нас пригласили сюда, чтобы мы выполнили за Мартина его работу.

– Ну, знаешь, — возмутилась Мэри.

– Если ты явился сюда в таком настроении, лучше сразу уходи, — сказал Мартин.

– Мы все уйдем, когда кончится пиво, — возразил Макгрэйд.

– Как понимать твои слова насчет того, чтобы выполнить за меня мою работу? – осведомился Мартин.

– А вот как, — ответил Робин. — Я приношу гораздо больше пользы здешнему люду, продавая им бобы в банках и расписанные самолетами хлопчатобумажные ткани, чем ты, когда носишься кругом и вешаешь налево и направо людей за убийство своих бабушек, которые, надо думать, ничего, кроме смерти, не заслуживают.

– С того дня, как меня прислали сюда, еще никого не повесил, — заявил Мартин.

– Удивительная новость, — откликнулся Робин. — Ты так скверно управляешь этим округом, что я думал — ни одна неделя не обходится без виселицы.

Послушать их, можно было подумать, что они ненавидят друг друга, на самом же деле они были закадычные друзья. Живя в таком маленьком европейском коллективе, следовало уметь ладить с людьми одного с тобой цвета кожи. И не из-за каких-то расовых барьеров, просто в ту пору многочисленные весьма умные африканцы, живущие в Мамфе или посещающие этот городок, с присущим им тактом избегали смешиваться с белыми, чтобы не создавать тягостных для обеих сторон ситуаций.

Чувствуя, что самое время призвать собравшихся к порядку, я вооружился бутылкой и постучал ею по столу. Из кухни донеслись дружные возгласы: «Да, сэр», «Иду, сэр».

– Первый разумный поступок с той минуты, как я пришел, — заметил Робин.

Появился Пайес, неся на подносе подкрепление, и когда все стаканы были наполнены, я объявил: — Прошу собравшихся соблюдать порядок.

– Господи, — мягко произнес Робин, — какие диктаторские замашки.

– Дело в том, — продолжал я, — что хотя мы все знаем Мартина как чудеснейшего парня, он никуда не годится как начальник окружной администрации и, что еще хуже, совершенно лишен светского лоска.

– Что верно, то верно, — жалобно подтвердил Мартин.

Абсолютно справедливое суждение, — сказал Робин.

– А я считаю, что вы слишком жестоки по отношению к Мартину, — возразила Мэри. — По-моему, он очень хороший администратор.

– Ладно, — поспешил я вмешаться, — не будем уточнять. Цель настоящего военного совета заключается в следующем. Пока Мартин займется наведением порядка в округе, мы возьмем на себя

заботу о приеме гостя, чтобы все прошло без сучка без задоринки. Для начала я осмотрел дом и назначил Пайеса руководить обслуживанием Мартина.

– Это один из тех редких случаев, когда тебя на миг посещают гениальные мысли, – заметил Макгрэйд. – Что можно объяснить только наличием крохотной капли ирландской крови в твоих венах. Я давно завидую тебе, что ты обзавелся таким буфетчиком.

– И продолжай завидовать, – отозвался я. – Тебе не удастся его заполучить. Я слишком дорожу им. Теперь – о еде. Тут, я думаю, мы можем положиться на помощь Мэри.

Мэри зарделась как розовый бутон.

– Конечно, конечно, – сказала она. – Все будет сделано. Что у тебя намечено?

– Мартин, – поинтересовался я, – насколько я понимаю, он задержится здесь всего на один день, так что нам следует предусмотреть только три трапезы. В котором часу он прибывает?

– Думаю, что-нибудь около семи-восьми часов, – ответил Мартин.

– Ясно, – заключил я. – Что ты можешь предложить, Мэри?

– Ну, авокадо сейчас очень хороши, – ответила она. – Если фаршировать их креветками и приготовить соответствующую приправу – у меня как раз есть рецепт...

– Мэри, дорогая, – перебил ее Робин. – У меня нет на складе консервированных креветок, и, если ты полагаешь, что ближайшие два дня я стану бродить по колено в воде с сеткой для ловли креветок, подвергая себя опасности атак со стороны бегемотов, ты глубоко заблуждаешься.

– Ладно, – вмешался я, – остановимся просто на авокадо. Что он предпочитает – чай или кофе?

– Право, не знаю, – сказал Мартин. – Понимаешь, мы в тот раз не успели поближе узнать друг друга, так что я ничего не могу сообщить о его вкусах.

– Хорошо, приготовим и то и другое.

– И еще, – взволнованно добавила Мэри, – что-нибудь простенькое – омлет, например.

Мартин сосредоточенно записывал все в блокнот.

– Ну и хватит ему на первых порах, – сказал я. – Очевидно, тебе надлежит провести его по городу, познакомить с обстановкой?

– Да, – ответил Мартин, – с этим все будет в порядке.

Мы все наклонились и пристально посмотрели на него.

– Ты уверен? – спросил я.

– Конечно, уверен. Честное слово, тут я все подготовил. Вот только этот чертов прием...

– Ясно, – продолжал я. – Вероятно, он пожелает также проверить некоторые окрестные селения?

– Обязательно, – подтвердил Мартин. – Он обожает всюду совать свой нос.

– В таком случае, я предложил бы ленч на природе. Не станет же человек требовать от ленча на природе таких же яств, как в роскошном ресторане?

– В этой глуши, – вступил Робин, – все наши трапезы подобны ленчам на природе, так что вряд ли он сильно удивится.

– Я позабочусь о ленче, – заверила Мэри. – У меня есть козий окорок, его можно есть холодным. А еще могу предложить латук. Наш бой, бедняга, забыл поливать его, так что почти весь урожай пропал, но, думаю, двух уцелевших пучков нам хватит. Они малость вялые, но все-таки годятся для салата.

Мартин и это старательно записал.

– А что на десерт? – беспокойно осведомился он.

– Что вы скажете о сур-сур? – предложил я.

Так мы называли диковинный плод, похожий на шишковатую дыню с белой сочной мякотью. Если взбить эту мякоть, получалось освежающее блюдо с нежным лимонным привкусом.

– Отлично, – заключила Мэри. – Прекрасная идея.

– Ну так, с завтраком и ленчем все ясно, – продолжал я. – Дальше у нас идет обед, чрезвычайно важное мероприятие. Я обнаружил, что у Мартина роскошная столовая.

– У Мартина есть столовая? – удивился Макгрэйд.

– Ну да, и притом совершенно роскошная.

– Но тогда почему, – осведомился Макгрэйд, – в тех редких случаях, когда этот скряга приглашает нас отобедать, мы вынуждены есть на веранде, точно какие-нибудь бродячие протестанты?

– Сейчас не время выяснять, что и почему, – сказал я, – лучше пойдем посмотрим.

И мы торжественно проследовали в столовую. Я с удовольствием отметил, что Пайес (когда он только успел?) уже отполировал стол и стулья до блеска. Столешница отражала ваше лицо так, словно вы смотрели на поверхность тихого пруда с коричневой водой.

– О, восхитительно! – воскликнула Мэри. – Мартин, ты никогда не говорил нам, что у тебя есть такая комната.

– Стол действительно великолепный, – заметил Макгрэйд, ударяя по нему кулачищем с такой силой,

что я испугался, как бы столешница не раскололась пополам.

– Право, здесь можно устроить замечательный обед, – сказала Мэри. – Изумительная обстановка. Сюда бы еще канделябры.

Только я собрался призвать ее не усложнять наши проблемы, как Робин вдруг объявил: – У меня есть четыре штуки.

Мы удивленно воззрились на него.

– Конечно, – продолжал он, – они не серебряные и не очень шикарные, но это вполне приличная бронза, я купил их в Кано. Их не мешает почистить, а так-то смотрятся недурно.

– Чудесно, – просияла Мэри. – Обед при свечах! Он будет доволен.

– Если почтенному ирландскому католику дозволено вставить словечко в трескотню говорливых язычников, – сказал Макгрэйд, – хотел бы задать один вопрос.

Мы выжидательно посмотрели на него.

– Откуда мы возьмем свечи?

– Боже, я совсем не подумала об этом, – всколыхнулась Мэри. – Нельзя же ставить канделябры без свечей.

– Хотел бы я знать, почему это люди всегда склонны недооценивать мой интеллект, – сказал Робин. – Я купил канделябры потому, что они мне понравились и я собирался пользоваться ими. Дом, который я сейчас занимаю, не располагает к подобного рода средневековому шику, однако я предусмотрительно запасся значительным количеством свечей, и они постепенно тают в шкафу с тех пор, как меня перевели в Мамфе. Если они еще не расплавились совершенно, не слились в один комок, может быть, нам удастся еще спасти две-три штуки. Словом, предоставьте мне заняться этой проблемой.

Зная Робина, мы не сомневались, что свечи вовсе не обратились в сплошной безобразный ком стеарина; я был уверен, что он проверяет их не меньше четырех раз в день.

– Ну так, Мэри, – сказал я, – ты возьмешься украсить столовую цветами?

– Украсить цветами? – опешил Мартин.

– А как же, – откликнулся я. – Несколько букетиков бегонии или каких-нибудь других цветов, развешанных на стенах, придадут нарядный вид помещению.

– Вот это как раз сейчас непросто, – сообщила Мэри. – С цветами дело плохо обстоит. Разве что гибискус...

– Пресвятая Дева, – сказал Макгрэйд, – этот чертов гибискус все время окружает нас. Ничего себе украшение. Это все равно что превратить дом в чертовы джунгли.

– Ладно, – вступил я. – У меня есть охотник, мастер лазить на деревья, и на днях он принес мне не только животных, но и чудесную орхидею, которую сорвал на самой макушке. Я вызову его и пошлю в лес, пусть поищет для нас орхидеи и еще что-нибудь. А ты, дорогая Мэри, украсишь ими помещение.

– О, я обожаю это занятие, – ответила Мэри. – И если будут орхидеи, получится просто замечательно.

Мартин продолжал лихорадочно черкать что-то в своем блокноте.

– Ну, – обратился я к нему, – что у нас уже сделано?

– Значит, так, – сообщил он, – мы проверили кровати и прочую мебель, решили вопрос с обслуживанием и завтраком. Мэри организует ленч на природе и займется цветами, вот пока и все.

– Напитки, – сказал я.

– Не вижу причин для беспокойства, – заявил Робин. – Поскольку в моем распоряжении единственная торговая точка, снабжающая вас этим товаром, я давно установил, что Мартин – запойный пьяница, и могу с точностью до одной бутылки сказать, чем он располагает.

Он поглядел меланхолично на свой пустой стакан и добавил:

– Никогда не любил скупердяев.

– Остановись, ради Бога, – взмолился Мартин. – Если хочешь еще пива, позови Амоса.

– Тише, дети, – вмешался я. – Вернемся лучше на веранду и попробуем перекричать занятых брачными играми бегемотов – нам еще предстоит обсудить самое важное.

Возвратясь на веранду, мы наполнили наши стаканы и с минуту посидели молча, слушая чудные звуки вечернего африканского леса. В воздухе мелькали изумрудно-зеленые светлячки, цикады и сверчки исполняли сложные фуги, время от времени со дна ущелья к нам доносилось хрюканье, мычанье или рев бегемота.

– Если я верно представляю себе вашу психологию, заблудшие, нечестивые протестанты, – произнес Макгрэйд, опустошая свой стакан и ставя его на стол с явной надеждой на добавку, – то под самым важным вы подразумеваете обед.

– Вот именно, – дружно ответили мы с Мартином. В таком отдаленном поселении, как Мамфе, когда прибывало высокопоставленное лицо вроде губернатора, само собой полагалось приглашать на обед всех белых жителей.

– И я думаю, Мэри тут проявит себя в полном блеске, – продолжил я.

– Конечно, конечно, – отозвалась Мэри. – Можете положиться на меня. Сколько блюд должно быть – четыре, пять?

– Не желая останавливаться на оскорбительном выпаде этого католика, – сказал Робин, – выскажусь по существу. Должен признаться, поскольку река сильно обмелела и пароход не пришел, у меня с запасами не густо. Но если предвидится участие Макгрэйда в этом обеде, предлагаю выделить ему тарелку сладкого картофеля. Насколько я понимаю, это основная пища большинства ирландских католиков.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что я страдаю ожирением? – спросил Макгрэйд.

– Нет, – ответил Робин, – ты страдаешь словоблудием.

Я стукнул по столу бутылкой.

– Призываю к порядку! Мы собрались здесь не затем, чтобы обсуждать физические и духовные изъяны друг друга, нам нужно разработать меню.

– Ну так, – сказала Мэри, – думаю, нам следует начать с закуски. Что-нибудь аппетитное, возбуждающее вкусовые сосочки.

– Господи, – произнес Макгрэйд, – я живу здесь уже три года и за все это время ничто не возбуждало меня и мои сосочки.

– Но если у нас будут канделябры и все такое прочее, то и пища должна быть соответствующая, – настаивала Мэри.

– Сердце мое, – сказал Макгрэйд, – я всецело согласен с тобой. Но поскольку здесь нет продуктов, я просто не представляю себе, как ты приготовишь пять блюд, если этот ублюдок из «Объединенной Африканской компании» посадил свой пароход на мель и может предложить нам разве что пару банок консервированных бобов.

Чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля, я опять стукнул по столу бутылкой. Тотчас из кухни донеслось дружное «да, сэр», и появились новые порции пива.

– Давайте остановимся на трех блюдах, – предложил я, – и пусть они будут возможно более простыми.

– Тогда на первое, – горячо произнесла Мэри, – подадим суфле.

– Иисус не умеет готовить суфле, – возразил Мартин.

– Кто? – удивилась Мэри.

– Иисус, мой повар.

– Впервые слышу, что твоего повара звать Иисус, – заявил Макгрэйд. – Почему ты не возвестил на весь мир, что он воскрес?

– Понимаешь, он воскрес в весьма своеобразном облике, – сообщил Робин.

– Трехметрового роста африканец из племени хауса с глубокими племенными клеймами на щеках, выглядит так, словно вот-вот отдаст концы, и готовит отвратительно.

– Вот-вот, – подхватил Мартин. – Так что суфле не будет.

– Как насчет кусочка оленины? – вопросительно посмотрел на меня Робин.

– Как бы мне ни хотелось выручить Мартина, – сказал я. – не ждите, чтобы я по случаю приезда губернатора пустил под нож моих телят дукера.

– Что вы скажете о гренках с яйцом пашот? – спросил Макгрэйд, который допивал пятую бутылку пива и с трудом соображал, какую важную тему мы обсуждаем.

– Боюсь, все это недостаточно изысканно, – посчитала Мэри. – Сами знаете, губернатор любит, чтобы его обихаживали.

– Вот что, – вступил я, – вы когда-нибудь ели копченого дикобраза?

– Нет, – последовал дружный ответ.

– Так вот, это дивное блюдо, если как следует приготовить. Один охотник постоянно приносит мне дикобразов на продажу, но он ловит их этими ужасными петлями из стального тросика, которые калечат животных, а потому я покупаю их и избавляю от страданий, после чего скармливаю мясо моим животным. Однако иногда я отдаю дикобразов одному старику по имени Иосиф, – кажется, наш военный совет скоро уподобится духовному синклиту, – и он коптит мясо, используя какие-то особые, неизвестные травы и дрова. Получается нечто восхитительное.

– И ты, протестантская свинья, – возмутился Макгрэйд, – держал это в тайне от нас.

– Только потому, что на всех все равно не хватит дикобразов, – парировал я. – Но как раз сегодня мне принесли двух, которые были так сильно искалечены, что пришлось пустить их под нож. Я думал

скормить моим подопечным, однако, учитывая чрезвычайные обстоятельства, мог бы передать их для обработки Иосифу, и у нас будет, что положить на гриль.

– Я все больше убеждаюсь, – объявил Макгрэйд, – что в твоих жилах есть ирландская кровь. Идея блестящая.

– Но разве можно кормить губернатора мясом дикобраза, – ужаснулась Мэри.

– Мэри, дорогая, – сказал я, – а ты не говори ему, что это дикобраз. Скажи, что это оленина. Это копчение придает мясу такой изысканный вкус, что даже губернатор не отличит его от оленины.

Мартин снова заглянул в свой блокнот. – Хорошо, а что будет у нас напоследок?

– Могу я попросить тебя выражаться более литературным языком? – спросил Робин. – А то я сразу вспоминаю Уэртинг, где мне, к несчастью, довелось расти. Очевидно, ты хотел сказать: «Что у нас будет на второе и на третье?»

– Пожалуйста, перестаньте критиковать Мартина, – взмолилась Мэри. – Мы собрались, чтобы помочь ему.

Робин поднял стакан, салютуя ей.

– Пресвятая Мэри, я преклоняюсь перед тобой по ряду причин, но главная заключается в том, что я желал бы, прежде чем мы разоидемся, измерить глубины твоего неведения.

– До чего же вы, мужчины, глупы, – сердито сказала Мэри. – Я думала, нам надлежит обсудить, что еще подавать на стол.

– Давайте исходить из предположения, – вступил Макгрэйд, – что он отдаст концы после копченого дикобраза и никакие другие блюда не понадобятся.

– Ты что, – воскликнул Мартин, приняв его слова за чистую монету, – такой вариант исключается.

– Поминки, – не унимался Макгрэйд. – Ничто так не облегчает душу, как добрые ирландские поминки.

– Ну хватит, – сказал я. – Помолчите и послушайте меня. Итак, мы начинаем копченым дикобразом. Затем – тушеное мясо с арахисовым соусом. Общий стон.

– Но мы только и едим, что арахис, – заявил Робин. Это наша основная пища.

– Да нет же, – горячо возразил Мартин. – Я недаром купил Иисусу поварской колпак.

Мясо с арахисовым соусом в чем-то похоже на ирландскую тушеную баранину с луком и картофелем. Тушите любое мясо, каким располагаете, поливаете густым соусом из дробленых земляных орехов и подаете вместе с маленькими порциями различного гарнира. Может получиться очень вкусно, а может и так, что в рот не возьмешь.

– Что ж, – заключил я, – если Иисус мастер готовить мясо с арахисом, то Пайес бесподобно делает гарниры. Стало быть, проблема главного блюда решена.

– Ну а на сладкое чем мы богаты? – осведомился Робин.

Мы подумали, посмотрели друг на друга.

– Придется, пожалуй, обратиться к испытанной, старой палочке-выручалочке, – безнадежно молвила Мэри.

– Ясно, – сказал Макгрэйд. – Фруктовый салат. Это блюдо тоже было непременной частью нашего стада.

– Да, пожалуй, ничего другого не остается, – уныло протянул Робин.

– Как раз сейчас поспело много чудесных фруктов, – сказала Мэри. – Постараемся придумать что-нибудь совсем особенное.

– Отлично, – подвел я итог. – Значит, с этим вопросом мы разобрались.

– Дальше – чай и кофе на веранде, после чего постараемся возможно раньше уложить старую переноску в постель, – добавил Макгрэйд.

– Надеюсь, – сурово произнес Мартин, – ты не станешь слишком напиваться, не позволишь твоей ирландской натуре проявиться во всей красе. Это может весь вечер испортить.

– Я буду образцом пристойности, – заверил Макгрэйд. – Вы сможете невооруженным глазом наблюдать нимб вокруг моей головы, когда, я стану рассказывать ему о всех развалившихся мостах и о дорогах, нуждающихся в ремонте.

– Не смей говорить ничего такого, – забеспокоился Мартин. – Мой долг убедить его, что в нашем округе царит образцовый порядок.

– Подумаешь, какой дурью мы маялись тут сегодня вечером, – меланхолично заметил Робин, – невольно спросишь себя – и как только Англия ухитрилась править своей империей, если все англичане вели себя в таком духе. Тем не менее я пошел к себе готовить канделябры.

Он поднялся на ноги и вышел, однако тут же снова возник.

– Кстати, – сказал он, – у меня нет белой бабочки и фрака. Это очень важно?

– Да нет, – отозвался Мартин, – ничего страшного. Приходи в пиджаке и при галстуке, и через

каких-нибудь пять минут жара все равно заставит всех рассупониться. Главное прийти одетым по форме.

«Господи», – подумал я. Единственный галстук, которым я успел обзавестись к тому времени, лежал в чемодане в пятистах километрах от Мамфе. Впрочем, эта проблема была не такая уж сложная, и я справился с ней на следующий день.

После того как Пайес принес мне утреннюю чашку чаю и я освободил свою постель от одной белки, четырех мангустов и шимпанзенка, которые разделяли ложе со мной, как им казалось, из нежной привязанности к ним, тогда как я просто оберегал их от простуды, итак, после всего этого я велел Пайесу сходить на базар и купить мне галстук.

– Есть, сэр, – ответил он и, отдав необходимые распоряжения прочей службе, важно зашагал в город, чтобы вернуться через некоторое время с таким психоделическим галстуком, что это изделие, по моему мнению, могло произвести пагубное воздействие на органы зрения губернатора. Хотя Пайес уверял меня, что выбрал самый тусклый экземпляр, и я вынужден был поверить ему на слово.

Надо ли говорить, что последующие два дня все мы жутко нервничали. Макгрэйд, который так гордился своими дорогами и мостами, обнаружил, что дорожка, ведущая к дому Мартина, изобилует рытвинами. Пришлось ему мобилизовать всех заключенных местной тюрьмы, чтобы они засыпали выбоины и обновили гравийный покров, после чего жилище Мартина вполне можно было сравнить с небольшой, но весьма шикарной загородной усадьбой. Я сходил к моему знакомому старику Иосифу и уговорил его закоптить для меня двух дикобразов, поговорил также с моим охотником, который пообещал накануне приезда губернатора сходить в лес за цветами. Робин обшарил склады «Объединенной Африканской компании» и пришел в отчаяние, не найдя ничего заслуживающего внимания; пароход так и не смог подняться вверх по реке, и негде было взять изысканные деликатесы, которые было бы не стыдно предложить губернатору. И как же он гордился, обнаружив под конец оставшиеся после его предшественника и невесть как вообще попавшие в наши края три баночки икры.

– Не знаю даже, что из этого выйдет, – заметил он, мрачно созерцая свою находку. – Эти банки пролежали здесь не меньше трех лет. Как бы нам не отравиться насмерть трупным ядом, но все-таки – икра.

Мэри, выяснив, что в доме Мартина нет ни одной вазы для цветов, догадалась сходить на базар и купить пять довольно изящных сосудов из тыквы-горлянки. Кроме того, она в сотрудничестве с Иисусом испытала полтора десятка разных способов приготовления суфле; результаты были самые плачевные, и мы безжалостно забраковали их.

Поскольку Пайес почти все время трудился у Мартина, я не сомневался, что он отлично справится со своей задачей, пусть даже Иисус воспримет это как личное оскорбление.

Вечером накануне прибытия губернатора мы снова устроили военный совет, чтобы проверить состояние наших дел, и убедились, что все идет как по маслу. Сырокопченые дикобразы пахли восхитительно. Мой друг-охотник принес из леса целую охапку орхидей и прочих растений; Мэри держала их у себя в уборной – самом прохладном смещении в доме. Отважившись на эксперимент, мы открыли одну баночку с икрой и с удивлением обнаружили, что она вполне съедобна; сверх того, Робин где-то откопал пачку мелкого печенья, которое, посчитали мы, вместе с арахисом годилось вприкуску к напиткам перед обедом. Начищенные до блеска бронзовые канделябры Робина украсили бы любую, самую роскошную столовую. Я даже позавидовал ему. Нашлись у него и свечи, притом в таком количестве, что их, как пронизательно заметил Макгрэйд, хватило бы для освещения всего государства-города Ватикан.

Мы с такой страстью занялись всеми этими приготовлениями отчасти из любви к Мартину, но в такой же мере обуреваемые чувством, какое владеет детьми перед Рождеством. Из всей нашей компании, пожалуй, я один ежедневно был занят чем-то увлекательным, поскольку мог только гадать, какими еще странными повадками удивят меня мои звери. Остальные влачили весьма тусклое существование в краю с крайне неблагоприятным климатом. А потому, хотя мы делали вид, что с ужасом думаем о предстоящем визите, и всячески проклинали высокого гостя, на самом деле все получали удовольствие от наших хлопот. Все, кроме Мартина, который с каждым часом выглядел все более несчастным.

Когда наступил решающий день, все мы как бы случайно собрались под фруктовым деревом, откуда открывался вид на подходы к резиденции Мартина. Мы нервно толковали о поведении разных животных, о росте цен на мануфактуру, о том, как непросто строить мосты, а Мэри прочла нам длинную лекцию об искусстве приготовления пищи. При этом мы совсем не слушали друг друга, так как ждали затаив дыхание появления начальства.

Наконец, к великому нашему облегчению, вдали показалась его большая роскошная машина и

стремительно поднялась по дорожке к дому нашего друга.

– Слава Богу, – вымолвил Макгрэвд, – не зря я потрудились над дорожкой, эти выбоины не давали мне покоя.

Мы увидели, как выходит из дома Мартин, как выбирается из машины губернатор. Издали он походил на маленького жучка, вылезающего из большого черного кокона. Мартин выглядел безупречно. Вот он ввел губернатора в дом, и мы облегченно вздохнули.

– Я уверена, что ему понравятся авокадо, – сказала Мэри. – Представьте себе, мне пришлось перебрать сорок три штуки, отбирая самые хорошие плоды.

– И мои выбоины не подвели, – гордо повторил Макгрэвд. – Только ирландцу по плечу такая задача.

– Подожди, когда настанет очередь икры, – вступил Робин. – На мой взгляд, это будет кульминация сегодняшнего вечера.

– А как насчет копченого дикобраза? – не выдержал я.

– А мои цветы? – сказала Мэри. – Послушать тебя, Робин, так можно подумать, ты один все сделал.

– А что, – отозвался Робин, – так оно и есть, мой ум сыграл не последнюю роль.

После чего мы разошлись по домам, где нас ожидал поздний завтрак. До самого вечера мы ничем не могли помочь Мартину, однако, зная его добросовестность, не сомневались, что губернатор вряд ли найдет к чему придраться в деятельности начальника окружной администрации.

В пять часов (меня только что укусила за палец негодующая сумчатая крыса, которую я осматривал, проверяя – не беременна ли она) у самого моего локтя материализовался Пайес.

– Сэр, – сказал он.

– Ну что там еще, – отозвался я, облизывая кровоточащий палец. – Ванна готова, сэр.

– Какая, к черту, может быть ванна в это время дня?

Я совершенно забыл, какое важное событие ждет меня. Пайес удивленно посмотрел на меня.

– В шесть часов вам надо быть в доме начальника окружной администрации, сэр, – сказал он.

– Черт возьми, совсем из головы вылетело. Ты приготовил мне одежду?

– Да, сэр. Младший бой погладить ваш брюки. Чистая рубашка, сэр. Пиджак готов и галстук тоже.

– Силы небесные, – выдохнул я, поймав себя на оплошности. – Кажется, я не привез с собой носков.

– Я купить вам носки, сэр, на базар, сэр, – ответил Пайес. – Я почистить ваш ботинки.

Неохотно оторвавшись от своих исследований, я отправился принимать ванну в таком парусиновом гробу, наполненном теплой водой. Несмотря на это омовение и на близость вечера, после ванны я продолжал обливаться потом. Шлепнулся на стул, надеясь хотя бы немного остыть и поразмыслить о том, что мне предстояло. От ужасающей перспективы, открывшейся мысленному взору, меня бросило в дрожь.

– Пайес! – крикнул я.

– Сэр, – отозвался он.

– Принеси чего-нибудь выпить.

– Пива, сэр?

– Нет, – сказал я, – хорошую порцию виски с водой.

Подкрепившись, я малость повеселел. Тщательно оделся; правда, из-за жары и пота прекрасно выстиранная жемчужно-белая рубашка почти сразу стала серой и влажной. Купленные Пайесом цветастые носки образовали чудовищное сочетание с галстуком. Пиджак я не стал надевать, только накинул на одно плечо, зная, что в конце подъема к дому Мартина буду выглядеть, словно тюлень, поднявшийся из глубины вод. Пайес сопровождал меня.

– Ты уверен, что все в порядке? – осведомился я.

– Да, сэр, – ответил он. – Но бои наш администратор совсем плохой бои.

– Знаю. Потому и поручил тебе заняться этим делом.

– Да, сэр. Пожалуйста, сэр. Иисус помешаться.

«Господи, – подумал я, – что там еще приключилось?»

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил я.

– Он хороший человек, – серьезно сказал Пайес. – Но он старый человек, и, когда нужно делать такой вещи, он помешаться.

– Ты хочешь сказать, он чего-то боится?

– Да, сэр.

– И ты думаешь, он может приготовить плохую еду?

– Да, сэр.

– И как же ты предлагаешь нам поступить?

– Я послать туда наш повар, сэр, – сказал Пайес. – Он помогать Иисусу, и тогда Иисус быть в порядке.

– Отлично, – отозвался я. – Прекрасная идея.

Пайес гордо улыбнулся. С минуту мы шли молча.

– Пожалуйста, сэр. – Что тебе? – раздраженно спросил я.

– Еще я послать наш младший бой, сэр. Тот младший бой хороший, но Амос его не учить.

– Замечательно. Я предложу премьер-министру включить тебя в список кандидатов на награды по случаю Нового года.

– Спасибо, сэр.

Конечно, он ничего не понял из моей тирады, однако воспринял ее как полное одобрение решений, принятых им по собственному почину.

Когда мы дошли до резиденции Мартина, Пайес, облаченный в нарядную униформу с латунными пуговицами, за которую я уплатил непомерную цену и которой ему так редко доводилось похвастаться, покинул меня и удалился в сторону кухни.

Парадная дверь была открыта, и рядом с ней стоял мой младший бой в тщательно выстиранных и выглаженных шортах и жакете, способных поспорить белизной с девственной швейцарской лыжной трассой.

– Здравствуйте, сэр, – приветствовал он меня с лучезарной улыбкой.

– Здравствуй, Бен, и постарайся как следует поработать сегодня вечером, не то я убью тебя завтра.

– Да, сэр, – продолжал он улыбаться.

Я обнаружил, что по причине медлительности, с которой я принимал ванну, подкреплялся виски и облачался в совершенно не подходящую к местному климату одежду, остальные опередили меня и успели разместиться на веранде.

– О, – воскликнул Мартин, живо вставая со стула и устремляясь мне навстречу, – я уже думал, ты не придешь.

– Дружище, – прошептал я, – разве мог я бросить тебя в беде.

– Позволь представить тебя. – Он подвел меня к собравшейся компании: – Мистер Федэстэн Хью, губернатор.

Мистер Федэстэн был мелковатый мужчина с лицом, напоминающим скверно приготовленный мясной пирог, редющей седой шевелюрой и светло-голубыми острыми глазами. Поднявшись со стула, он поздоровался со мной, и сила его рукопожатия поразила меня, потому что с первого взгляда он показался мне бесцветным субъектом из тех, что отличаются скорее политическим нюхом, чем глубокой интуицией.

– А, Даррелл, – сказал он, – рад познакомиться.

– Простите, сэр, за опоздание, – ответил я.

– Ничего, ничего. Садитесь. Я уверен, что у Баглера здесь припасено для вас что-нибудь выпить, верно, Баглер?

– Да-да, сэр, конечно. – Мартин хлопнул в ладони, и с кухни донеслось дружное «да, сэр».

Вслед за чем, сверкая латунными пуговицами, на веранде появился Пайес.

– Сэр? – обратился он ко мне таким тоном, точно впервые увидел меня.

– Виски с водой, – сухо распорядился я, как это принято в обращении к слугам, полагая, что прибывший из Нигерии губернатор оценит мою верность британским обычаям.

Затем я быстро обвел взглядом лица собравшихся. Мэри, с широко раскрытыми глазами, ловила каждое слово губернатора. Казалось, над головой ее светятся неоновые буквы: «Уповаю на повышение моего мужа». Робин глянул на меня, подняв брови, после чего погрузился в характерное для него состояние, подобное трансу. Исполненный самодовольства Макгрэйд доброжелательно улыбнулся мне.

На длинной кушетке лежали в беспорядке галстуки и пиджаки, и от реки тянуло подобием прохладного ветерка.

– Простите, сэр, – обратился я к губернатору, – вы не станете возражать, если я, по местному обычаю, сниму пиджак и галстук?

– Конечно, конечно, – отозвался губернатор. – Забудьте об условностях. Я только что говорил Баглеру – это чисто рутинное мероприятие. Я выезжаю раз-другой в году, чтобы быть в курсе, чем тут занимаются мои парни. Проследить, чтобы они не набедокурили.

С великим облегчением я освободился от пиджака и от галстука всех цветов радуги и швырнул их на кушетку. Пайес подал мне заказанное виски и удалился, не дожидаясь слов благодарности. В Западной Африке не было принято говорить «спасибо» слугам. А также звать их по имени. Вы просто хлопали в ладони и кричали: «Бой!»

Мое появление временно нарушило течение беседы. Было очевидно, что первенство принадлежит губернатору и никто не смеет проявлять инициативу. Задумчиво потягивая виски с водой, я спрашивал

себя: какие общие интересы могут быть у меня с губернатором? И дотяну ли я до конца этого вечера без ущерба для моих умственных способностей?

– Будем здоровы, – сказал губернатор, глядя на мой стаканчик.

– Ваше здоровье, сэр, – откликнулся я.

Губернатор уселся поудобнее, утвердил свой стаканчик на ручке кресла и обвел аудиторию взглядом, убеждаясь, что все внимают его речам.

– Как я уже говорил тут, Даррелл, перед тем как вы появились, я чрезвычайно доволен тем, что наш Баглер содержит округ в отличном порядке. Сами знаете, нам, боссам, приходится иногда выбираться из дома, чтобы удостовериться, что в округах действительно все в порядке.

Сопроводив эти слова далеко не привлекательным смешком, он сделал большой глоток.

– Вы страшно добры, сэр, – сказал Мартин.

И, увидев направленный на него полный страдания, умоляющий взгляд Мэри, поспешил добавить: – Но разумеется, я не смог бы ничего добиться без помощи моего превосходного помощника.

– Не надо скромничать, Баглер, – возразил губернатор. – Что ни говори, от этих помощников не только польза, бывают и помехи.

– О, что вы, заверяю вас: Стэндиш просто молодец, – заверил Мартин и лихо взмахнул рукой, опрокидывая на колени босса миску с жареными орешками.

– Виноват, сэр, – дружно воскликнули Пайес, Амос и два младших боя, которые стояли в тени наготове, словно охотничьи псы.

Окружив губернатора и приговаривая: «Виноват, сэр. Виноват, сэр», они сгребли обратно в миску жирные орешки с чистых брюк губернатора и поспешно унесли на кухню.

– Извините, ради Бога, извините, сэр, – вымолвил Мартин.

– Пустяки, несчастный случай, – сказал губернатор, созерцая пятна на своих брюках. – С кем не бывает. А вообще-то с тобой это не первый раз, верно? Как называется то селение, где я навещал тебя?

– Верно, верно, – поспешно перебил его Мартин. – И я страшно сожалею о том случае, но то было сплошное недоразумение, понимаете. Заверяю вас, здесь уборная в полном порядке.

Макгрэйд, Робин и Мэри озадаченно переглядывались, им явно было невдомек, о чем идет речь.

– Ну ладно, – губернатор еще раз посмотрел на жирные пятна на брюках, – как я уже говорил – сдается мне, что Баглер отлично потрудился.

Он сделал паузу, отхлебнул еще джина. – И конечно же, – обратился он к Мэри с нарочитым поклоном, – при вашей помощи и помощи вашего супруга. Да, Баглер просто молодец. Дороги и мосты, судя по всему, в превосходном состоянии. Он поглядел на Макгрэйда.

– Спасибо, сэр, – отозвался тот с притворной учтивостью.

– И насколько я понимаю, – губернатор повернулся к Робину, – хотя вы, снабженцы, не подчиняетесь нам, боссам, именно вам мы обязаны этой изумительной икрой. Великая редкость здесь в Мамфе.

Робин кивком поблагодарил его.

– Глубоко ценю вашу высокую оценку, сэр, – сказал он. – Поскольку, как вам отлично известно, эту икру получают от неоплодотворенных осетров.

– По-моему, здесь все отлично, – объявил губернатор. – По правде говоря, эта поездка – одна из самых лучших на моей памяти, но смотрите, не перестарайтесь, как бы кто-нибудь не обиделся на вас. Ха-ха!

Мы все почтительно рассмеялись. Я внимательно следил за уровнем джина в стаканчике губернатора, ибо заранее рассчитал все с Пайесом, зная, что мы рискуем свихнуться, если такого рода беседа затянется чересчур долго. И как только босс допил последние капли, появился, блестя своими пуговицами, Пайес и доложил Мартину: – Иисус говорит – обед готов, сэр.

– Ага, обед. – Губернатор погладил себя по животу. – Как раз то, что надо нам, вы согласны, моя леди? Он игриво посмотрел на Мэри.

– О, конечно, – отозвалась она, волнуясь. – Я считаю, что еда играет очень важную роль, особенно в здешнем климате.

– По правде говоря, – заявил Робин, направляясь вместе со всеми в столовую, – я всегда полагал, с биологической точки зрения, что еда играет важную роль в любом климате.

К счастью, губернатор не слышал это его утверждение. Мартин схватил меня за плечо и лихорадочно прошептал на ухо: – Как их рассадить?

– Посади Мэри у одного конца стола, губернатора у другого.

– Хорошо, – сказал он. – И мне пришла в голову отличная мысль.

– Господи, – выдохнул я. – Что еще ты придумал?

– Не беспокойся, все в полном порядке. Просто вы все так здорово помогли мне, и я захотел сам хоть что-то придумать. Я наладил опахало, и сын Амоса на кухне будет дергать за веревочку, чтобы воздух в столовой был посвежее.

– А мы явно хорошо действуем на тебя, Мартин. Глядишь, в конце концов ты станешь мастак по части проведения приемов. Ладно, ступай проследи, чтобы все заняли положенные места.

– Беда в том, что нас нечетное число, – сказал Мартин.

– Ничего. Главное – посадить Мэри у одного конца, а губернатора у другого, остальных рассаживай так, чтобы казалось, будто нас целая куча.

Ничего не скажешь – столовая выглядела великолепно. Стол и стулья при свечах поблескивали, точно свежие каштаны. Три канделябра выстроились по центру стола, четвертый стоял на массивном буфете. Пайес славно потрудился. Приборы и фарфор сверкали. «Если губернатор не придет в восторг, – подумал я, – значит, его вообще ничем не поразишь».

Мы заняли места, и Пайес, который явно верховодил Амосом и младшим боем Иоанном, разнес всем напитки.

– Видит Бог, – произнес губернатор, глядя на поблескивающие канделябры, полированный стол и плавно покачивающееся опахало, – ты здесь недурно устроился, Баглер, а? Не дом, а правительственная резиденция, а?

– Ну что вы, сэр, – поспешно отозвался Мартин, явно испугавшись, что губернатор подозревает его в чрезмерной расточительности. – Мы совсем не каждый день обедаем вот так. Обычно едим в обстановке, которую я называл бы походной, если это вам что-то говорит. Но сегодня особый случай.

– Совершенно верно, – сказал губернатор. – Я тебя отлично понимаю.

Пайес, с почтительными манерами, не хуже старшего официанта какого-нибудь роскошного лондонского ресторана, подал квадратные ломтики копченого дикобраза на гренках.

– Силы небесные, – воскликнул губернатор, – что это такое?

С языка Мартина, чьи нервы явно были на пределе, едва не сорвалось «дикобраз», но Мэри опередила его.

– А вот вы отведайте и попробуйте угадать, – произнесла она спокойным, безмятежным голосом.

Дикобраз был, в чем я не сомневался, великолепен. Губернатор уписывал его с явным удовольствием.

– Ха! – вымолвил он, управившись со своей порцией. – Меня не проведешь! Оленина – точно?

Облегчение, написанное на лице Мартина, чуть все не испортило, но Мэри снова пришла на выручку.

– Надо же – в самую точку попали. Мы-то думали, вам ни за что не угадать, ведь она приготовлена особым способом.

– Меня такими штуками не проведешь, – приосанился губернатор. – Не забывайте, когда-то и я был помощником начальника окружной администрации, ел в походной обстановке и вел самый простой образ жизни. Чего только не приходилось есть. Мясо здешних антилоп ни с чем не спутаешь, но должен признать, что это замечательно приготовлено.

– Могу вам сообщить, – вступил я, – что мы иногда воздаем должное этому блюду, и Мартин молодец – он отыскал тут одного человечка, который знает специальный рецепт и умеет отлично коптить мясо. Так что в тех редких случаях, когда удастся добыть оленину, Мартин любезно делится с нами, чтобы все могли насладиться.

Пока длилась эта довольно хитрая беседа, на столе перед Мэри появилось огромное блюдо с тушеным мясом под ореховым соусом, а на всем протяжении сверкающего стола возникло два десятка тарелочек с различным гарниром. Картина была великолепная.

– К сожалению, сэр, мы не смогли придумать ничего, кроме этого мяса с соусом, – заявил Мартин, с присущей ему склонностью извиняться авансом, открывая тем самым дверь для выражений недовольства противной стороне. – Но обычно мой повар превосходно готовит это блюдо.

– Знаю, знаю, есть склонность чересчур налегать на него, – отозвался губернатор. – Хотя по правде говоря, считаю это блюдо очень хорошим, весьма питательным.

Мэри разложила тушеное мясо с рисом по тарелкам, которые Амос и Пайес торжественно расставили перед нами. Затем началась этакая игра в шахматы, когда мы сами стали выбирать себе гарниры.

Губернатор добавил к горке мяса на своей тарелке четыре больших куска розовой папайи и удовлетворенно посмотрел на этот натюрморт.

– Замечательно, – заключил он. – Просто замечательно.

Лицо Мартина малость просветлело, так как он знал, что мой повар помогал Иисусу готовить это блюдо, а потому можно было надеяться на отличный результат.

Мэри, соблюдая этикет, посмотрела на губернатора, тот важно кивнул, и она взялась за ложку и вилку. Босс следовал ее примеру, тут и мы вооружились и атаковали тарелки. Опахало над нами покачивалось, тихо поскрипывая и обдавая нас жарким дуновением.

– В жизни не ел такого вкусного мяса под ореховым соусом, – заметил губернатор, проглотив изрядный кусок. Сидящий напротив меня Мартин сиял.

– Мартин – прекрасный организатор, – сказал Макгрэйд.

– Это точно, – подхватил Робин. – Я согласен с тобой. Боюсь, на этот раз я всех подвел.

– Подвел? – спросил губернатор. – В каком смысле подвел?

– Дело в том, что мы могли бы приготовить для вас куда более роскошную трапезу. К сожалению, река сильно обмелела, и пароход с продуктами не дошел до нас. Так что бедняга Мартин сделал все, что только мог при таких обстоятельствах.

– Да-да, – сказала Мэри. – Мы так надеялись, что сможем предложить вам действительно хорошую трапезу.

– Ерунда, – протестующе взмахнул, руками губернатор. – Ерунда – обед превосходный.

Мартин окончательно расслабился.

– Скажите-ка, Даррелл, – обратился ко мне губернатор, – вы зверолов, насколько мне известно.

– Да, сэр, – ответил я.

– Но вряд ли здесь водится много разной живности?

Пока мы выпивали на веранде, я заметят, как Пайес тихо и незаметно снял с кресла губернатора одного богомола и одного геккона.

– Когда я был помощником администратора и бродил по лесу, – продолжал губернатор, – ни черта не видел.

– О, здесь поразительно много животных, если знать, где искать, сэр, – сказал я. – Вот на днях я прямо в саду Мартина поймал диковинный экземпляр. Здесь богатейший животный мир, только не ленись искать.

– Удивительно, – пробурчал губернатор, заталкивая в рот очередной кусок мяса с ореховым соусом, – Никогда бы не подумал, учитывая такую близость этих мест к цивилизации, так сказать.

В эту минуту послышался такой звук, будто кто-то сломает хребтину кита, сопровождаемый шумом, подобным шелесту миллионов сухих листьев под ураганным ветром, и опухало шлепнулось прямо на стол, совершенно накрыв одним концом высокого гостя.

К счастью, опухало погасило свечи, так что обошлось без пожара, однако в гуще напоминающих балетные пачки пальмовых листьев обосновались чрезвычайно интересные образчики местной фауны, обитающей вблизи от цивилизации.

Эффект происшедшего был весьма впечатляющим.

– О Боже мой, Боже мой! – вскричала Мэри и вскочила на ноги, изменяя своему обычно спокойному нраву и опрокидывая свой джин с тоником.

– Почему ты не дал мне проверить его, ублюдок несчастный! – взревел Макгрэйд.

– Бывают времена, когда я начинаю сомневаться в твоих способностях, Мартин, – сурово заметил Робин.

– Извините, ради Бога, извините, сэр, – взмолился Мартин, обращаясь к скрытому под листьями боссу. – Просто не знаю, как мне оправдаться перед вами.

Беднягу Мартина била дрожь.

Сухие пальмовые листья снова зашуршали, и показалась голова губернатора. Это можно было сравнить с тем, как африканский альбинос вылезает из своей хижины. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут глаза его остановились на громадном, шоколадного цвета волосатом пауке, который ковылял к нему по опухало. Многоликая маленькая община, не один год счастливо, без помех населявшая опухало, уже пришла в движение. Губернатор оттолкнул свой стул назад и вскочил на ноги.

Я понимал, что, с точки зрения Мартина, худшей катастрофы нельзя было придумать, однако жизнь научила меня не упускать ни одной благоприятной возможности. Похоже было, что сейчас мне предоставляется случай пополнить свою коллекцию кое-какими интересными образцами.

– Предлагаю всем перейти в соседнее помещение, – возвестил я, наблюдая, как из гущи пальмовых листьев появляется незнакомый мне представитель племени гекконов. – Я наведу здесь порядок.

Видимые части стола стремительно занимали негодующие жуки и прочая мелюзга, причем даже самые безобидные выглядели крайне агрессивно.

Мэри взяла себя в руки и грациозно удалилась на веранду; остальные последовали за ней.

Слуги стояли неподвижно; пока мы еще сидели на своих местах, все равно им было бы чрезвычайно трудно убрать опухало, делая вид, что обед продолжается, как положено. Никто из них не попал

прежде в такую ситуацию, и даже Пайесу было не под силу справиться с ней.

– Пайес! – крикнул я, чтобы вывести моего испуганного буфетчика из оцепенения. – Ступай за бутылками, банками, будем ловить добычу.

Добычей в Западной Африке называют все, что ходит, летает или ползает. Пайес схватил за шиворот Амоса и двух младших боев и исчез вместе с ними.

К этому времени из опакхала стали появляться другие интересные обитатели, желая выяснить, что могло нарушить их безмятежное существование. Первой на стол выскользнула молодая, крайне возмущенная зеленая мамба, одна из самых ядовитых африканских змей. Длинной около полуметра, она напоминала кусок желто-зеленого каната, и по всему ее поведению было видно, как пагубно происходящее подействовало на ее настроение. Я попытался вилкой прижать мамбу к столешнице, но она высвободилась и упала на пол. Только тут я обнаружил, что не все бежали на веранду, предоставив мне устранять последствия катастрофы, – губернатор остался со мной. Зеленая мамба, верная отвратительным навыкам всех змей, при том, что в ее распоряжении была вся площадь столовой, направилась прямо к нему, а он стоял как истукан, и лицо его приобрело довольно интересный голубой оттенок. Повторная атака позволила мне крепко прижать мамбу вилкой к полу и схватить рукой позади головы. Тем временем вернулся с кухни Пайес, неся банки, бутылки, коробки и прочую тару. Я сунул змею в бутылку и прочно закупорил.

Губернатор по-прежнему таранился на меня выпученными глазами. Следовало сказать что-нибудь, чтобы придать случившемуся вид пустячного происшествия и защитить Мартина.

– Что я говорил, сэр? – сказал я, мило улыбаясь и извлекая из орехового соуса крупного жука, который лежал на спине, беспомощно перебирая ножками и издавая пронзительные скрипучие звуки. – Тут кругом животные. Все дело в том, чтобы выяснить, где они обосновались.

Он еще раз посмотрел на меня, потом заговорил: – Ну да, конечно, теперь вижу. И добавил:

– Мне бы чего-нибудь выпить...

– Вы очень умно поступили, сэр, что не стали двигаться, – сообщил я.

– Это почему же? – подозрительно осведомился губернатор.

– Понимаете, большинство людей в такой ситуации перепугалось бы насмерть, вы же сохранили присутствие духа. Если бы не ваша замечательная выдержка, вряд ли мне удалось бы поймать эту змею.

Губернатор опять подозрительно посмотрел на меня, но я сохранял самое невинное выражение лица.

– Хха! – выдохнул он. – Ладно, пошли, выпьем по стаканчику.

– Понимаете, мне бы хотелось поймать тут еще два-три экземпляра, и хорошо, если бы Мартин вернулся и навел здесь порядок. А я присоединюсь к вам через минуту, если не возражаете, сэр.

– Конечно, конечно. Я пришлю Мартина.

Мартин вошел, шатаясь, в столовую, словно последний уцелевший пассажир «Титаника».

– Господи Иисусе, – сказал он, – вот уж не думал...

– Ну вот что, – твердо произнес я. – Кончай думать. Делай, что я скажу.

– Это похуже того случая с уборной!

– Хуже того случая быть не может. А теперь успокойся.

Разговаривая, я продолжают вместе с Пайесом собирать обитателей опакхала. Тут были множество гекконов, восемь квакш, истеричная соя с ее гнездом и потомством, три летучих мыши, парочка вспылчивых скорпионов и несметные полчища жуков.

– Что делать, что делать? – отчаянно вопрошал Мартин.

Повернувшись к Пайесу, я по лицу его понял, что он не меньше Мартина потрясен ужасной катастрофой. Что до меня, то я, увы, с величайшим трудом сдерживаю неодолимое желание расхохотаться; мне помогало в этом только опасение задеть чьи-нибудь чувства.

– Слушай, – сказал я Пайесу, – ступай в дом к масса Макгрэйду и найди там еду. Потом зайди в дом масса Гэртон и там найди еду. Потом пойди в дом помощника администратора и там найди еду. Потом спустись в наш шатер и там найди еду. Через час чтобы еда была здесь, слышишь?

– Слышу, сэр, – ответил Пайес и исчез.

– Господи, меня переведут обратно в Умчичи, – сказал Мартин.

– Не исключено, – отозвался я, хотя, судя по реакции губернатора, маловероятно.

– Но ему вряд ли понравилось случившееся.

– А кому это могло понравиться? Разве что мне заполучил несколько отличных экземпляров

– Но что мы теперь станем делать? – спросил Мартин, созерцая беспорядок на обеденном столе. Я посадил его на стул.

– Я послал губернатора за тобой, заверив его, что ты сумеешь навести порядок, – объяснил я. –

Пайес отправился за продуктами. Что он там сможет собрать, одному Богу известно, но во всяком случае, что-то мы сможем поставить на стоя. А ты пока постарайся хорошенько накачать губернатора джином.

– У меня хороший запас джина, – серьезно сообщил Мартин.

– Ну вот, видишь, – успокоительно произнес я. – Проблема почитай решена.

– Но я не вижу как... – возразил он.

– Слушай, выкинь ты все из головы. Предоставь мне действовать. Главное, держись так, будто ты контролируешь ситуацию.

– О, да-да, я понимаю. Я вызвал с кухни Амоса и Иоанна.

– Уберите все со стола, отполируйте его и расставьте тарелки, – распорядился я.

– Да, сэр, – дружно ответили они. – Пайес пошел за едой.

– Скажите Иисусу и моему повару, пусть приготовят новую еду.

– Да, сэр.

– А вы постарайтесь сделать так, чтобы стол выглядел не хуже прежнего, слышите?

– Пожалуйста, сэр, – сказал Амос.

– Что тебе?

– Масса собрать весь змея оттуда? – Он показал на обломки опахала.

– Собрал, не бойтесь. Я собрал всю добычу.

– Мне бы твое умение все так здорово организовать, – вздохнул Мартин.

– Послушай, – ответил я. – Губернатор должен думать, что это ты все организовал. И когда мы теперь присоединимся к ним, держи хвост пистолетом. Потрудись создать впечатление, будто я был по горло занят живностью, ты же полностью владел ситуацией. И не извиняйся каждые пять минут! Мы накачаем его джином, а Пайес проследит, чтобы была приготовлена новая трапеза, об этом можешь не беспокоиться. От тебя требуется только вести себя так, словно речь идет о пустяковом происшествии и ты не сомневаешься, что губернатор, поразмыслив, найдет в нем даже что-то забавное.

– Что-то забавное? – еле слышно молвил Мартин.

– Да, – твердо произнес я. – Ты давно служишь в Министерстве по делам колоний?

– Начал, когда мне исполнился двадцать один год.

– И ты не понимаешь, что типы вроде этого надутого осла упиваются подобными историями?

Думаю, тебе от случившегося будет больше пользы, чем вреда.

– Ты уверен? – усомнился Мартин.

– Сам сообрази, – ответил я. – А теперь пошли на веранду.

Выйдя на веранду, мы обнаружили, что остальные члены нашей компании доблестно исполняли свою повинность. Мэри прочитала губернатору длинную лекцию про орхидеи и искусство аранжировки цветов. Макгрэйд прочел такой мудреный трактат о строительстве мостов и ремонте дорог, что вряд ли губернатор что-либо понял. А Робин вовремя затеял дискуссию о литературе и искусстве – предметах, в которых высокий гость вовсе ничего не смыслил.

Я толкнул Мартина в бок, и он приосанялся. —Весьма сожалею, сэр,

–сказал он, —надо же было такому случиться. Боюсь, мой бой не проверил крючки в потолке.

Однако я... э... все организовал, и примерно через час будет готова новая трапеза. Весьма сожалею, что вам придется подождать.

Он плюхнулся в кресло и вытер лицо носовым платком. Губернатор задумчиво посмотрел на него и опрокинул десятый стаканчик джина.

– Я как-то не привык, – едко произнес он, – чтобы во время моих служебных поездок мне на голову обрушивались опахала.

Наступила короткая, но зловещая тишина. Чувствуя, что Мартин не способен что-либо ответить, я поспешил ему на выручку.

– Должен признаться, сэр, я жутко рад, что вы там оказались. – Я повернулся к остальным. – Вы этого, конечно, не видели, но в опахале находилась мамба. И если бы не наш гость, вряд ли мне удалось бы поймать ее.

– Мамба! – пропищала Мэри.

– Вот именно, и весьма агрессивно настроенная, поверьте мне. К счастью, наш гость сохранил присутствие духа, так что мы сумели ее поймать.

– Ну-ну, – заговорят губернатор, – не берусь утверждать, чтобы от меня при этом был какой-то прок.

– Не надо скромничать, сэр, – возразил я. – Большинство людей перепугались бы насмерть. Как-никак мамба считается одной из самых ядовитых африканских змей.

– Мамба! – повторила Мэри. – Надо же. Подумать только – висела там у нас над головой, готовая

атаковать! По мне, так вы оба проявили огромное мужество.

– Клянусь небом. – произнес Робин льстивым голосом, – лично я пустился бы наутек, словно заяц.

– Я тоже, – подхватил крепыш Макгрэйд, который не боялся ничего на свете.

– Что ж, – сурово молвил губернатор, внезапно ощутив себя героем, – а ведь вы должны бы привыкнуть к ситуациям такого рода. столько бродите по здешним лесам.

И он принялся не очень связно рассказывать, как однажды чуть не застрелил леопарда, и мы все облегченно вздохнули, когда из тьмы появился Пайес и доложил, что второй обед готов.

Холодные бобы и консервированный лосось – не самое лакомое блюдо, но они исполнили свое предназначение, и под конец трапезы налакавшийся джина губернатор излагал нам самые невероятные истории про змей.

К счастью, фруктовый салат остался вне пределов досягаемости для опахала, его удалось спасти, и после десерта мы все согласились, что Мэри, вложившая всю душу в его приготовление, заслужила нашу благодарность и что салат был просто превосходен.

Когда мы встали из-за стола, я еще раз поблагодарил губернатора за то, как отважно он помог мне поймать мамбу.

– Не за что, приятель, – отозвался он, небрежно взмахнув рукой. – Право, не за что. Рад, что оказался вам полезен.

На другой день Мартин, сколько мы ни успокаивали его, был безутешен. Сказал, что губернатор весьма сухо простился с ним, что он уверен – не миновать ему перевода в эту чертову дыру Умчичи.

Нам оставалось только направить губернатору учтивые письма, благодаря его за участие в злополучном обеде. Я не преминул подчеркнуть при этом, как я благодарен начальнику окружной администрации за огромное содействие в выполнении моих задач. Дескать, Мартин – один из лучших и самых дельных администраторов, с какими мне доводилось иметь дело в Западной Африке.

Вскоре после того пришло время перевозить моих животных к побережью, чтобы захватить пароход, идущий в Англию, и случай в Мамфе изгладился из моей памяти.

А спустя полгода я получил от Мартина коротенькое письмецо. Он сообщал: «Ты был совершенно прав, старина, говоря о склонности некоторых людей упиваться историями. Губернатор теперь только и делает, что рассказывает всем, как он поймал для тебя в столовой зеленую мамбу, тогда как ты стоял как пень, потеряв голову от страха. Меня повысили, в следующем месяце перебираюсь в Энугу. Нет слов, чтобы сказать, как я благодарен тебе за успешное завершение того приема».

Глава пятая. КАК СТАТЬ УЧЕНЫМ

Семейный врач покачал головой скорее сочувственно, чем сердито.

– Стресс, – повторил он. – Ты перетрудился и перенервничал. Три недели в Абботсфорде, вот что тебе нужно.

– Ты говоришь о психушке?

– Никакая это не психушка. Это весьма почтенный санаторий, специализирующийся на нервных заболеваниях.

– Другими словами – психушка, – сказал я.

– Будто ты не понимаешь разницу, – печально произнес наш семейный врач.

– Так их называют в народе, – ответил я. – Ты говоришь об этом размашистом сооружении готического вида по пути к Сербитону на юго-западе Лондона, напоминающем замок Дракулы в голливудском исполнении?

– Совершенно верно.

– Что ж, пожалуй, это не так уж и плохо, – рассудительно произнес я. – Смогу навещаться в город, навещать друзей, посещать различные шоу...

– Исключено, – твердо перебил меня семейный врач. – Полный покой и отдых – вот что тебе сейчас нужно.

– А можно, я устраю напутственную вечеринку? – взмолился я.

– Напутственную вечеринку?

– Ну да. Приглашу избранный круг друзей, чтобы пожелали мне успеха в продвижении к палате, обитой войлоком.

Семейный врач поморщился и вздохнул.

– Ты ведь все равно не слушаешься, если я отвечаю отрицательно, – сдался он. – Так что давай,

устраивай.

Маленькая вечеринка состоялась в отличном ресторане в Сохо. В разгар сего мероприятия я ощутил, как что-то стекает мне на подбородок, и, вытерев это салфеткой, с удивлением узрел пятна крови. У меня явно пошла кровь носом. К счастью, освещение и декор ресторана способствовали сокрытию маленького происшествия, и обошлось без неуместных комментариев. На другой день все сложилось куда хуже.

Шла предрождественская неделя, посему мне – по пути в Абботсфорд – понадобилось заехать на Кингз-роуд, чтобы вручить игрушечного медвежонка чуть ли не в натуральную величину, важно восседающего в прозрачном пластиковом мешке и облаченного только в красивый галстук темно-бордового цвета.

Я вышел из такси, сжимая в объятиях тучного медвежонка, позвонил в дверь, и тут у меня из носа хлынула кровь. Убедившись, что остановить кровотечение, освободив одну руку и держа медвежонка под мышкой, абсолютно невозможно, я зажал его между коленями.

– Что ты делаешь? – осведомилась моя супруга, сидя в машине.

– У бедя опять кровь носом пошла, – пробурчал я сквозь окровавленный носовой платок.

С зажатым между ног медвежонком и стекающей по лицу кровью я даже на Кингз-роуд являл собой не совсем обычное зрелище. Вокруг меня собралась небольшая толпа.

– Оставь медвежонка рядом в кондитерской и попроси их передать его Питеру, – прошипела жена. – Не стоять же тебе тут в таком виде.

Поначалу толпа молча переваривала жутковатое зрелище. Но вот к ней присоединилась еще одна любопытствующая особа.

– Что тут происходит? – осведомилась она, адресуя свой вопрос всему миру.

– Его укусил этот игрушечный медведь, – ответил один мужчина, и толпа громко расхохоталась.

Я юркнул в кондитерскую, оставил там медвежонка и подбежал, запыхавшись, к такси.

– Напрасно ты так носишься, – заметила жена, когда машина тронулась с места. – Тебе предписан покой.

– О каков покое боже идти речь? – огрызнулся я. – Когда бой нос кровоточит, а руки заняты огромным бед-вежонком?

– Откинь назад голову и расслабься, – постаралась успокоить меня жена.

– Расслабиться, – подумал я, – вот именно. Впереди у меня три чудесные недели, меня будут обслуживать чуткие медицинские сестры, и все решения, какие придется принимать, сведутся к пожеланиям, чего я хотел бы съесть на завтрак и какой температуры должна быть вода в ванне. Расслабиться, конечно же. Полный мир и покой. Твердо настроенный отдохнуть прибыл я в Абботсфорд.

Не успел я толком осмотреться (заметил только, что обстановка и декор моей комнаты напоминают дешевые гостиницы двадцатых годов и что сестры весьма хорошенькие), как меня облекли, так сказать, в золотой кокон из разных снадобий, и на сутки я погрузился в сладостную спячку, лишь изредка поворачиваясь с одного бока на другой. Проснувшись бодрый и живой, как белка, я принялся обозревать окружающий меня новый мир. Пришел к выводу, что мое первое впечатление от сестер не было ошибочным. Каждая по-своему, они были очень привлекательны. Казалось, меня окружают участницы конкурса на звание «Мисс Вселенная».

Днем дежурили – мисс Лорейн, шведская блондинка, цвет глаз которой менялся, точно поверхность фьорда в солнечных лучах; Зинэ, наполовину немка, наполовину англичанка, с оранжевыми волосами и совершенно круглыми, вечно удивленными голубыми глазами; Нелли – очаровашка из Басутоленда, отлитая из молочного шоколада, с круглым носиком, напоминающим коричневую шляпку молодого белого гриба. Ночную смену составляли – Брида, заботливая коротышка с волосами медового цвета, и Пимми (происхождение этого прозвища одному Богу известно), без сомнения, самая симпатичная из них, высокая, стройная, похожая на фею, с огромными зеленоватыми глазами цвета весеннего горного ручья. Все сестры были молоды и жизнерадостны, напоминая своей веселостью и стремлением доставить пациентам удовольствие милых щенят. Надзирали за резвушками две старшие сестры, обе француженки, с акцентом, какой был бы у Мориса Шевалье, если бы он учился в Оксфорде и несколько лет проработал на Би-би-си. Звали их сестра Луиза и сестра Рене, наблюдать их французскую категоричность в поступках и слушать энергичную речь было одно удовольствие.

На второй день я, все еще малость сонный, отчасти по нужде, отчасти из желания сменить обстановку, направился по коридору в сортир. Дойдя до цели, присел, погружаясь в глубокое раздумье, и вдруг мое внимание привлекло пятно крови на полу. «Ишь ты, – тупо сообразил я, как и следовало человеку, оглушенному наркотическими средствами, – кто-то порезался... до крови. Брился, что ли? Здесь в уборной? Маловероятно». В эту минуту к первому пятну присоединилось

второе, и до меня вдруг дошло, что эта кровь – опять из моего носа. Пока я осмысливал этот факт, кровотечение усилилось. Прижав к лицу несколько метров туалетной бумаги, я поспешил обратно в свою комнату и нажал кнопку звонка. Кровотечение было таким сильным, что сменившее туалетную бумагу бумажное полотенце тотчас промокло насквозь.

Мой сигнал бедствия возымел действие – дверь распахнулась, и появилась шоколадка Нелли, одетая в пальто. Она явно только что сдала дежурство.

– Господи, – выпалила Нелли, впитывая округлившимися глазами кровавое зрелище. – Господи, вы истекаете кровью.

– Мне тоже так кажется, – отозвался я. – Ты не могла бы помочь мне, милая Нелли?

– Погодите... только не двигайтесь, – распорядилась Нелли и выбежала в коридор. Вскоре она вернулась, и лицо ее выражало крайнее отчаяние. – Я не могу найти их. Не могу найти.

– Что ты не можешь найти?

– Ключи, ключи, – простионала Нелли.

«Видимо, речь идет о ключах от какого-то шкафа, где хранятся кровоостанавливающие снадобья», – сказал я себе.

– Ничего, – попытался я утешить ее, – может быть, найдется что-нибудь еще?

– Нет-нет, – ответила Нелли, – только ключи, чтобы приложить вам к спине.

Ее слова сильно поколебали мою веру в будущее европейской медицины в Африке. На шум явились Лорейн и Зинэ.

– У вас идет кровь носом, – удивленно заметила Зинэ.

– Ага, – подтвердил я.

– Я не могу найти ключи, Зинэ, – не унималась Нелли. – Ты не видела их, Лорейн?

– Ключи? Нет, не видела, – ответила Лорейн. – Какие ключи?

– Чтобы приложить к его спине.

– Может, следует жечь перья перед ноздрями? – осведомилась Лорейн.

– Нет-нет, перья жгут от обморока, – сообщила Нелли, знаток современной медицины.

– Как насчет того, чтобы нарисовать мелом на полу белый круг и принести в жертву черного петуха? – весело справился я.

– Государственная служба здравоохранения не признает таких средств, – совершенно серьезно сказала рассудительная Зинэ.

В эту минуту пришли заступать на ночное дежурство Брида и Пимми. Последняя повела прожекторами своих огромных влажных глаз и мигмом оценила ситуацию.

– Живо в постель, – распорядилась она. – В постель, и ложитесь возможно ровнее.

– Но... я... я...

– Кончайте лепетать и ложитесь. Брида, ступай принеси узкий бинт и адреналин. побыстрее.

Я послушно лег и немедленно обнаружил, что кровь, которая до той поры вытекала из носа, теперь потекла в обратную сторону, грозя задушить меня. Я поспешил сесть

– Лежать, было сказано, – угрожающе произнесла Пимми.

– Пимми, дорогая, я не могу лежать, – объяснил я. – Я захлебнусь своей собственной кровью.

Пимми привычными движениями подсунула мне под голову пару подушек.

– Так лучше? – осведомилась она. – Да.

Вернулась Брида, неся на подносе то, что было велено. Моя кровать была усеяна окровавленными бумажными полотенцами, вокруг кровати с моим телом сгрудились пять медицинских сестер.

– Поцелуй меня, Неустрашмая, – взмолился я, протянув руки к Пимми.

– Бросьте дурачиться, – сурово сказала она, – и подставляйте нос, чтобы я его закупорила.

И она живо затолкала мне в правую ноздрю около метра марли, смоченной адреналином, действуя так ловко и бесстрастно, словно фаршировала кролика. Затем она крепко сжала мою переносицу двумя пальцами, одновременно прикладывая лед к вискам. Струйки крови с водой намочили мою пижаму, не помогла и марля, кровь брызнула на простыни и наволочки. Пимми засунула мне в нос свежий кусок бинта. Кровать и комната теперь напоминали нечто среднее между скотобойней и салоном маркиза де Сада после званого вечера. Сколько ни манипулировала Пимми марлей, кровь не желала останавливаться. Сестры дневной смены ушли, остались только Пимми и Брида.

– Плохо дело. – Пимми грозно нахмурилась. – Придется мне позвать врача. Лежите тихо. Брида, следи за тем, чтобы он лежал тихо.

С этими словами она вышла.

– Надеюсь, она не за доктором Граббинсом пошла, – забеспокоился я. – Он обаятельный человек, но как врачу я ему не очень доверяю.

– Я тоже надеюсь, – спокойно произнесла Брида.

– Почему? – тревожно осведомился я.

– Ну, не такой уж он хороший врач. По правде говоря, я не пригласила бы его к серьезному больному. В два счета может угробить.

– Вот и у меня осталось такое впечатление, – признался я. – Есть в нем что-то такое, из-за чего мне кажется, что он застрял на уровне коновала, заливающего культую кипящей смолой.

– Невежда, – мрачно молвила Брида. – Думает, что пастеризация – способ обработки лугов, где пасутся коровы.

– И что Листер – фамилия известного композитора, – включился я в игру.

– Наверно, – согласилась Брида. – А Гарвей – фамилия изобретателя хереса.

– И что ангина – нехорошее женское имя?

– Я уж не говорю про пенициллин, – продолжала Брида.

– Магазин, где торгуют пенобетоном?

– Вот именно. Когда-нибудь...

Однако что собиралась изречь Брида, останется неизвестным, ибо в эту минуту в комнате вновь появилась Пимми.

– Поднимайтесь, – распорядилась она. – Доктор Граббинс велел отвезти вас в больницу Ватерлоо, там вам сделают прижигание.

– Господи, – произнес я. – То, чего я боялся. Мне затолкают в правую ноздрю раскаленную кочергу.

– Не говорите ерунду, – сказала Пимми, подавая мне пальто. – Для этого есть особая палочка.

– Палочка? Горячая лучина? Кажется, я пришел к вам за миром и покоем?

– Не будет мира и покоя, пока мы не остановим ваше кровотечение, – деловито возвестила Пимми. – А теперь надевайте пальто. Я еду с вами. Так предписал врач.

– Единственное толковое предписание, выданное им после того, как он получил диплом, – тепло откликнулся я. – И как мы туда поедем?

– Такси, – коротко ответила Пимми. – Машина ждет. Водитель, как мы выяснили вскоре, был ирландец, коротыш с лицом, напоминающим грецкий орех.

– Куда поедем? – справился он.

– Больница Ватерлоо, – внятно произнесла Пимми.

– Ватерлоо... Ватерлоо... – задумался водитель. – Это где же будет?

– У Вестминстерского моста, – пояснила Пимми.

– Ну да, конечно, конечно. – Водитель хлопнул себя по лбу. – Доставлю вас в два счета.

Мы забрались в машину и укрылись одеялом, ибо вечер выдался очень холодный. Некоторое время ехали молча.

– А я-то собиралась сегодня вечером вымыть голову, – вдруг сообщила Пимми с укоризной.

– Весьма сожалею, – ответил я покаянно.

– А, не берите в голову, – успокоила меня Пимми и добавила нечто загадочное: – Я могу сидеть на них.

– Сидеть на волосах? – спросил я, полагая, что речь идет о каком-то новом способе приводить в порядок шевелюру.

– Ну да, – гордо возвестила Пимми. – У меня длинные волосы. Недавно мне предлагали за них семьдесят фунтов.

– Но с лысой головой вы будете выглядеть отнюдь не привлекательно, – заметил я.

– Я так и подумала, – сказала Пимми, и снова воцарилась тишина.

Машина остановилась перед светофором, и водитель повернулся, чтобы посмотреть на нас. Бело-голубое уличное освещение придавало не совсем обычный вид моему окровавленному лицу.

– Слушайте, у вас там все в порядке? – тревожно осведомился водитель. – Я смотрю, кровяшка так и хлещет. Может, лучше остановиться, чтобы вы могли прилечь, а?

Я поглядел на осыпаемую крупной гололедицу на тротуаре.

– Нет, спасибо, пожалуй, не стоит, – ответил я.

– Вы не пробовали зачихать что-нибудь в нос? – внезапно осенило водителя.

Я объяснил, что моя правая ноздря и без того уже напоминает забитый мусоропровод. И что в больнице мне сделают прижигание.

– Это как делали в старину? – живо заинтересовался водитель.

– В каком смысле? – не понял я.

– Ну как же, человека подвешивали за руки, распинали и жгли.

– Нет-нет, это нечто совсем другое, – заверил я. И добавил: – Надеюсь.

Поднявшись по пандусу (мимо знака, на котором, как мне тогда показалось, должно быть из-за общения с ирландским шофером, было написано: «Не для протестантов»), на самом же деле

значилось: «Не для пешеходов») к входу в больницу, мы живо вошли внутрь и не увидели ни накурившихся хиппи, ни пьяниц, хлебнувших метилового спирта, ни маленьких мальчиков с головой, застрявшей в оловянной миске. Даже в амбулаторном отделении не было никого, кроме дежурной сестры. Она завела нас в какую-то палату и осторожно уложила меня на некое подобие операционного стола.

– Врач придет сию минуту, – сообщила она с таким благоговением в голосе, точно провозвещала второе пришествие.

Вскоре явился некий подросток в белом халате.

– Добрый вечер, сэр, добрый вечер, – радушно приветствовал меня, потирая руки, юный практикант. – Насколько я понимаю, у вас кровотечение из носа, сэр.

Если учесть, что мои борода и усы затвердели от запекшейся крови, что из правой ноздри продолжала капать кровь и вся моя одежда была покрыта красными пятнами, я не был склонен называть его диагноз особенно блестящим и проницательным.

– Да, – произнес я.

– Ну так, – сказал врач, вооружаясь двумя хирургическими щипцами, – давайте-ка посмотрим, что там у вас происходит, сэр.

Одними щипцами он расширил мою ноздрю до африканских размеров, другими извлек несколько десятков сантиметров пропитанного кровью бинта.

– Так-так, – глубокомысленно заметил он, заглядывая в кровоточащую полость. – Похоже, сэр, у вас там есть кое-что еще.

– Они затолкали мне в нос все, что попало под руку, – сообщил я. – Не удивлюсь, если в лабиринтах пазух вы обнаружите слоняющихся без дела двух дежурных и одну старшую сестру.

Врач нервно усмехнулся и вытащил из моей ноздри шматок ваты.

– Ага, – произнес он, направив в ноздрю луч маленького осветительного прибора, – вижу, точно. Я нашел место, откуда сочится кровь. Понимаете, сэр, у вас там есть парочка крупных сосудов, за которыми стоит присматривать.

– Спасибо, – сказал я, пытаюсь сообразить, как это можно присматривать за сосудом, таящимся где-то в темных закоулках моего носа.

– А теперь, – продолжал врач, – немного кокаина для обезболивания.

Вооружась подобием баллончика с дезодорантом, он прыснул мне в нос кокаином.

– Вот так, – приговаривал он. – А теперь, сестра, подайте термокаутер. Вот так. Не бойтесь, больно не будет, сэр.

Как ни странно, я и впрямь не почувствовал боли.

– Вот так, – повторил врач, выпрямляясь с видом фокусника, выполнившего сложнейший трюк.

– Как, это все? – удивился я.

– Да, – сказал врач, еще раз направив лучик света в мою ноздрю. – Это все. Больше не должно быть никаких проблем, сэр.

– Я вам чрезвычайно благодарен, – молвил я, проворно освобождая операционный стол.

Мы с Пимми вышли из больницы туда, где ожидало наше такси.

– Ух ты, как скоро, – восхищенно заметил водитель. – Я думал, вас продержат там час, а то и два.

– Да нет, они быстро управились, – сообщил я, с наслаждением глубоко, без помех дыша носом.

Машина скатилась по пандусу на улицу.

– Пресвятая Дева, Матерь Божья! – воскликнула вдруг Пимми.

– В чем дело? – испуганно осведомились мы с шофером.

– Мы попали не в ту больницу, – пролепетала Пимми.

– Не в ту больницу? Как это понимать?

– Не в ту больницу? Но ведь вы именно эту назвали, – обиженно заявил водитель.

– Ничего подобного, – возразила Пимми. – На стене написано «Больница Св. Фомы». А нам надо было попасть в больницу Ватерлоо.

– Но ведь вот он – мост. – Водитель показал в окошко. – Вы сказали – мост. Видите, вот он.

Он явно полагал, что в жизни хватает проблем без таких пассажиров, которые запросто меняют местами все лондонские больницы.

– Мне все равно, где мост, – настаивала Пимми. – Больница не та. Это не Ватерлоо.

– Это так важно? – спросил я. – Главное – мне помогли.

– Конечно, но я предупредила Ватерлоо, – объяснила Пимми. – Ночные дежурные ждали нас.

– Между прочим, – задумчиво произнес водитель, – на слух Ватерлоо вполне можно спутать со Святым Фомой, особенно когда сидишь за рулем.

У меня не нашлось адекватного ответа на эту реплику.

Мы возвратились в Абботсфорд, и пока я литр за литром поглощал теплый чай, Пимми пошла объясняться по телефону с больницей Ватерлоо.

– Я сказала им, что это случилось по вашей вине, – торжествующе доложила она мне. – Сказала, что вы малость помешались, что мы усадили вас в такси и вы назвали водителю не тот адрес.

– Большое спасибо, – сказал я.

Ночь и последующий день прошли без приключений, если не считать, что один пациент пытался продать мне стоящий в холле стол якобы в стиле Луи XV, а другой упорно выстукивал азбуку Морзе по моей двери. Но это все были пустяки, и мой нос вел себя замечательно.

Придя вечером на дежурство, Пимми уставилась на меня взором василиска.

– Ну, – осведомилась она, – ваш нос вас больше не беспокоил?

– Ни капли, – гордо сообщил я и не успел договорить, как кровотечение возобновилось.

– Господи! Обязательно надо было ждать, когда начнется мое дежурство? – спросила Пимми. – Почему было не доставить удовольствие дневной смене?

– Это все ваша красота, Пимми. При виде вас у меня поднимается давление и сосуды не выдерживают.

– Как вы говорили, из какой части Ирландии вы родом? – допытывалась Пимми, запихивая мне в нос марлю с адреналином.

– Гоморра, на границе Содома, – незамедлительно ответил я.

– Не верю я вам, – сказала Пимми, – хотя трепаться вы мастер за пятерых ирландцев.

Тем временем ее манипуляции с бинтами не дали никакого результата. Кровь продолжала сочиться из носа, как из неисправного крана. В конце концов Пимми сдалась и пошла звонить доктору Граббинсу.

– Доктор Граббинс велел вам ехать в больницу Ватерлоо, – доложила она мне. – Говорит, что постарается, чтобы на этот раз вы не ошиблись адресом.

– А разве ты не поедешь?

– Нет.

– Это почему же?

– Не имею понятия, – ответила Пимми. – Вас отвезет шофер нашей служебной машины.

Шофер служебной машины был полон решимости отвлечь внимание своего пассажира от мрачных мыслей.

– Паршивая штука – носовое кровотечение, – с ходу начал он рассуждать.

– У нас хватало этой печали, когда я играл в регби, но теперь-то я слишком стар.

– Стар для кровотечения? – осведомился я.

– Нет, для регби. А вы, сэр, играете в регби?

– Нет, изю всех командных игр я признаю только одну.

– Это какую же, сэр? – заинтересовался водитель.

Было очевидно: какую игру ни назови, он будет продолжать докучать мне болтовней. Во что бы то ни стало надо было заставить его замолчать.

– Секс, – грубо отрезал я. Остаток пути мы ехали молча.

В больнице симпатичная дежурная сестра провела меня в палату, которую можно было назвать пустой, если не считать лежавшего у стены, одержимого кашлем и предсмертными судорогами старика и семейства в составе матери, отца, дочери и сына, которые играли в «Монополию» за столом метрах в двух от моей койки. Устраиваясь на койке, как мне было велено, я слушал вполуха их болтовню.

– Ты уверена, мама, что это не больно? – спросил мальчик, энергично перемешивая кости.

– Конечно, не больно, мой драгоценный, – заверила мать. – Ты же слышал, что сказал врач.

– Конечно, не больно, – подхватил отец. – Это же всего-навсего гланды и аденоиды. Ничего серьезного.

– Конечно, пустяковая операция, – продолжала мать. – Ты ничего не почувствуешь.

– Я покупаю «Пиккадилли», – пронзительным голосом объявила девочка.

– Ты же видел это по телевизору, верно? – спросил отец. – Человек ничего не чувствует. Даже когда аборт делают.

– Генри! – укоризненно воскликнула мать.

– «Пиккадилли», «Пиккадилли», хочу «Пиккадилли», – талдычила девочка.

– Ну а потом, – сказал мальчик. – Потом, когда пройдет заморозка. Все равно ведь будет больно.

– Нет, – возразил отец. – Ничего подобного. Тебе дадут успокаивающее.

– А это что такое?

– Наркотики и все такое, – успокоила его мать. – Честное слово, ничего не чувствуешь. А сейчас

давай ходи, твоя очередь.

«Бедняга, – подумал я. – Смертельно боится, а тут еще я весь в запекшейся крови, эта картина смелости ему не? прибавит. Ничего, я сам поговорю еще с ним после того, как меня приведут в порядок». Тут возвратилась сестра.

– Сейчас придет врач и займется вашим носом, – сообщила она, задергивая занавески перед моей кроватью.

– Ага, – довольно заметил я, – опять будет прижигание?

– Не думаю, – ответила она. – Доктор Верасвами предпочитает тампонаду.

Тампонада, подумал я. Какое дивное слово. Сродни тампонажу. Я тампонирую, вы тампонируете, он тампонирует... Мы тампонируем, ты тампонируешь, они тампонируют... Я набиваю, вы набиваете, он набивает...

Мои глагольные вариации нарушило появление доктора Верасвами, созерцающего мир через огромные линзы из горного хрусталя. Мне понравились его руки – тонкие, как у девушки, средние пальцы чуть толще обычной сигареты. Изящные руки, чем-то напоминающие бабочек. Легкие, нежные, трепетные, неспособные причинить боль. Руки целителя. Доктор Верасвами исследовал мой нос, выражая тихими вибрирующими звуками тревогу по поводу увиденного.

– Придется нам тампонировать нос, – произнес он наконец, улыбаясь.

– Валяйте, – радушно отозвался я. – Что угодно, только остановите кровь.

– Сестра, будьте любезны, принесите все необходимое, – распорядился врач, – и приступим.

Сестра удалилась, и врач застыл в ожидании, стоя у изножья моей кровати.

– Из какой части Индии вы родом? – непринужденно справился я.

– Я не из Индии, я с Цейлона, – ответил он. «Неуд, – сказал я себе. – Будь осторожнее».

– Чудесный край – Цейлон, – молвил я с жаром.

– Вы хорошо его знаете?

– Как сказать. Мне довелось однажды провести неделю в Тринкомали. Конечно, это вовсе не значит, что я знаю Цейлон хорошо. Но полагаю, что это дивная страна.

Врач заглотал наживку и принялся вещать, точно рекламный путеводитель:

– Чудесная. Побережье изобилует пальмами, песчаными пляжами, там дует свежий морской ветерок. Внутри страны водится много дичи. Еще у нас есть предгорья, банановые плантации и все такое прочее. Очень богатый, очень зеленый край. Много дичи. Есть горы. Очень высокие, очень зеленые, свежий воздух. Фантастические виды. Изобилие дичи.

– Да, замечательно, – неуверенно произнес я.

От дальнейших панегириков Цейлону меня избавило появление сестры, которая принесла необходимое снаряжение для тампонирования моего носа.

– А теперь, сестра, – деловито сказал врач, – попрошу вас крепко держать голову джентльмена. Вот так.

С этими словами он длинными острыми щипцами захватил конец бинта длиной не меньше пяти километров, потом надел себе на голову обруч с фонариком и подошел ко мне вплотную. Я спрашивал себя, почему сестра так крепко стискивает мой череп. Когда Пимми заталкивала мне марлю в нос, это было совсем не больно. Врач воткнул мне в ноздрю щипцы с марлей и заталкивал их до тех пор, пока острые концы не уперлись, как мне показалось, в основание черепа, пробив все пазухи и проложив по пути трассу жгучей боли, до того сильной, что она парализовала мои голосовые связки и я не был в состоянии протестовать. Вытащив щипцы, врач намотал на них с полметра марли и затолкал мне в нос с решимостью дуэлянта, прочищающего шомполом ствол своего пистолета. При этом он настолько увлекся процедурой, что острые концы щипцов царапали нежную слизистую оболочку пазух. У меня было такое ощущение, будто ноздрю набили раскаленными углями. Хотя голосовые связки вернулись к норме, я по-прежнему не мог протестовать, однако по иной причине. Игроки в «Монополию» притихли и жадно прислушивались к доносящимся через занавеску слабым звукам. Если бы я, подчиняясь голосу разума, дико заорал, пнул Верасвами в пах ногой и сорвался с кровати, волоча за собой несколько метров марли, это могло бы пагубно повлиять на мальчугана, нервно ожидающего своей очереди. Оставалось только терпеть. Сестра, послушная воле Верасвами, сжимала мою голову словно в тисках. Сжимала так сильно, что ее большие пальцы оставили у меня над бровями круглые синяки, которые потом не проходили несколько дней.

А Верасвами продолжал запихивать метры марли в строптивную ноздрю; его усердие напоминало черного дрозда, ранним утром очищающего газон от червей. Когда мне показалось, что половина бинта уже перекочевала в мои пазухи, я хрипло попросил прервать на время истязание.

– Вам больно? – осведомился Верасвами не столько даже с академическим интересом в голосе, сколько, как мне показалось, с удовольствием.

– Да, – ответил я.

Вся правая сторона черепа, лица и шеи болели так, словно по ним били кувалдой, а пазухи горели так, что в них, наверно, можно было бы поджарить яйцо.

– Добро должно быть с кулаками, – объяснил Верасвами, явно довольный тем, что ему известна эта избитая фраза. Остатки бинта (три с лишним метра, как я после установил) он решительно затолкал в ноздрю большими пальцами, которые давно перестали казаться мне нежными и хрупкими, как крылья бабочки. Мне доводилось читать, как у людей, когда от боли, когда от горя, слезы брызгали из глаз, и я всегда считал это поэтической вольностью. Пришлось убедиться, что это не так. Под действием больших пальцев Верасвами слезы брызнули пулями из моих зажмуренных глаз. Он еще раз для верности нажал на марлю и отступил назад с довольной улыбкой.

– Ну так, – сказал он. – Теперь порядок.

Я оторвал от подушки раскалывающуюся от боли голову и посмотрел на Верасвами.

– Доктор, вам никто не предлагал сменить профессию врача на ремесло чучельника?

– Нет, – удивился доктор Верасвами.

Я слез с кровати и стал одеваться.

– Советую попробовать, – сказал я. – Вы будете избавлены от жалоб пациентов.

Верасвами с тревогой следил, как я одеваюсь.

– Постойте, куда вы? – спросил он. – Вам нельзя уходить. Еще нельзя. Вдруг опять начнется кровотечение, и выйдет, что я зря старался.

– Пойдите со своими щипцами в какой-нибудь тихий уголок и сядьте на них, – устало предложил я. – А я поехал в Абботсфорд.

Найдя такси, я направился обратно в санаторий, мысленно проклиная медицинскую профессию вообще и доктора Верасвами в частности. Мне вспомнилось, как в двадцатых годах во Франции выпускникам медучилищ выдавали дипломы: «Действительно для стран Востока»; в самой Франции практиковать им не разрешалось. Уж не месть ли Востока обратилась на меня?..

Еще мне вспомнилась история, вероятно вымышленная, про индийца, величайшей мечтой которого было получить звание бакалавра наук. Он год за годом сдавал экзамены и каждый раз проваливался. Доведенное до отчаяния начальство посоветовало ему оставить тщетные попытки и заняться чем-нибудь другим. И стал индеец консультантом по вопросам, как получить звание бакалавра наук, а в подтверждение своей квалификации заказал визитные карточки, где значилось: «Мистер Рам Синг, Б.Н. (провал.)». «Без сомнения, – сказал я себе, поглаживая ноющую голову, – Верасвами в медицинских кругах известен как Чипати Верасвами, доктор медицины (провал.)».

В Абботсфорде меня встретила Пимми.

– Ну как, – спросила она. – Все в порядке?

– Не прикасайся ко мне, – ответил я. – Они подвергли меня пыткам, и я теперь один сплошной обнаженный нерв. Предложи мне эвтаназию, и я твой друг до гроба.

– В постель, – скомандовала Пимми. – Я сейчас приду. Я устало разделся и плюхнулся на кровать. «Все что угодно, даже смерть лучше этих мучений, – говорил я себе. – Кажется, меня направили в Абботсфорд, чтобы я здесь обрел мир и покой?»

Возвратилась Пимми, держа в руке шприц.

– Повернитесь спиной, – велела она. – Морфий. Предписание врача.

Проворно исполнив предписанную процедуру, она озабоченно посмотрела на меня. Мое лицо являло отнюдь не располагающее зрелище. Правый глаз опух и наполовину закрылся, ноздря из-за напичканной в нее марли напоминала расплюснутый нос боксера, усы и борода казались сплетенными из красных нитей с матовым отливом. Пимми глубоко вздохнула и нахмурилась.

– Будь я там с вами, они услышали бы, что я о них думаю, – молвила она с внезапной яростью.

– Спасибо тебе за заботу, – пробормотал я сонно. – Не знал, что ты так беспокоишься обо мне.

Пимми резко выпрямилась.

– Беспокоюсь о вас? – сердито спросила она. – Я не о вас беспокоюсь, я думаю о том, сколько хлопот они мне прибавили. Вот что меня беспокоит. А теперь кончайте трепаться и спите.

Пимми направилась к двери.

– Я скоро вернусь, – добавила она на ходу, – и чтобы вы к тому времени крепко спали.

«Чипати Верасвами, – думал я, убаюканный морфием, – доктор медицины (провал.), Пимми могла бы его кое-чему научить. Она не провал.»

Глава шестая. УРСУЛА

Когда мне было двадцать с небольшим, жизнь сводила и разводила меня с немалым числом привлекательных молодых особ, но ни одна не произвела на меня очень глубокого впечатления. Ни одна, кроме Урсулы Пендрагон Уайт. Несколько лет она регулярно возникала и вновь исчезала, точно кукушка в стенных часах, и я обнаружил, что изо всех моих подруг только ей было дано будить во мне широчайший спектр чувств – от тревоги и уныния до безудержного восхищения и сущего ужаса.

Впервые она возникла в моем поле зрения на втором ярусе автобуса номер 27, который величественно катил по улицам целебнейшего среди морских курортов Борнмута, где я тогда жил. Я сидел в автобусе сзади, Урсула со своим спутником занимала сиденье передо мной. Возможно, я не обратил бы на нее внимания, если бы не голос Урсулы, такой же мелодичный и пронзительный, как голос певчей канарейки. Вращая головой в поисках источника сладкозвучного родосского акцента, я увидел профиль Урсулы и уже не мог оторвать глаз от нее. Короткие темные кудри словно нимбом обрамляли ее головку, оттеняя красоту необыкновенного лица. Огромные глаза были сочного синего цвета – так выглядят на солнце незабудки, их обрамляли длинные темные ресницы под очень темными, неизменно поднятыми бровями. Губы ее по форме и складу были предназначены отнюдь не для потребления копченой сельди, или лягушачьих лапок, или кровяной колбасы, ровные зубы отличались совершенной белизной. Но самой изумительной чертой ее лица был нос. Я в жизни не видел ничего подобного. В меру длинный, он сочетал три различных стиля. В основе прямой, классический, греческий, он у кончика странно преображался, задираясь кверху, точно у китайского мопса, а самый кончик был совсем плоский, словно его кто-то аккуратно сточил. При таком описании он покажется вам скорее безобразным, но могу заверить вас, что это был просто очаровательный нос. Молодые люди при первом же взгляде на этот нос безнадежно и слепо влюблялись в него. Он был такой чарующий, такой уникальный, что вас немедленно обуревало желание познакомиться с ним поближе. Меня он так обворожил, что я не сразу смог сосредоточиться на подслушивании. Зато, прислушавшись к беседе Урсулы с ее спутником, я открыл еще одну прелестную черту обладательницы необыкновенного носа – беспрестанную, суровую, решительную расправу с английским языком. Если другие люди покорно изъясняются на родном языке так, как их учили с детства, то в обращении Урсулы с ним просматривались черты древней кельтской воительницы. Она, если можно так выразиться, хватала английскую речь за загибок, основательно встряхивала ее и выворачивала наизнанку, заставляя слова и обороты покорно выражать понятия, отнюдь не свойственные им.

Сейчас, наклоняясь к своему спутнику, она продолжала дискуссию, которая началась до того, как я вошел в автобус.

– И папочка говорит: «Что в лоб, то на лбу», но я не согласна. Тут явно огонь без дыма, и, по-моему, кто-то обязан сказать ей об этом. А ты как считаешь?

Молодой человек, похожий на ищейку, страдающую несварением желудка, явно был не меньше моего озадачен ее утверждением.

– Не знаю, – ответил он. – Щекотливая ситуация, верно?

– Это совсем не смешно, дорогуша, это серьезно.

– У некоторых людей, – сказал молодой человек с видом греческого философа, рассыпающего жемчуг мудрости, – у некоторых людей так уж заведено, чтобы правая рука не знала, что делает левая.

– Боже! – воскликнула Урсула. – Мои руки никогда не знают, что я делаю, но суть не в этом. Я хочу сказать... О-о-о! Нам здесь сходить. Дорогуша, пошевеливайся.

Я провожал взглядом ее движение по проходу. Высокая, одетая небрежно, но элегантно, гибкая, подвижная фигура из тех, при виде которых у молодых людей роятся в голове распутные мысли, длинные ноги дивной формы. Я смотрел, как она спускается на тротуар и, все так же оживленно беседуя со своим спутником, исчезает в толпе праздных гуляк и посетителей торговых точек.

Я вздохнул. Такая прелестная девушка, и как же жестоко поступила судьба, подразнив меня этим видением, чтобы тут же разлучить с ним. Однако я ошибался – не прошло и трех дней, как Урсула вновь возникла на моем жизненном пути, чтобы оставаться там с перерывами следующие пять лет.

Один друг пригласил меня к себе на день рождения, и, входя в гостиную, я услышал похожий на флейту, звонкий голос девушки из автобуса.

– Я прирожденный беспутник, – серьезно объясняла она высокому молодому человеку. – Страсть к путешествиям у меня в крови. Папочка говорит, что я настоящая недоседа.

– С днем рождения, – поздравил я хозяина. – И за то, что я принес тебе такой драгоценный подарок, прошу представить меня тому поразительному носу.

– Ты говоришь про Урсулу? – удивился он. – В самом деле хочешь познакомиться с ней?
– Превыше всего на свете, – заверил я его.
– Ладно, только я ни за что не отвечаю. Если она за тебя возьмется, быть тебе в сумасшедшем доме. Местная психушка уже битком набита ее приятелями.
Мы подошли к девушке с восхитительным носом.
– Урсула, – обратился к ней мой друг, стараясь говорить безучастно, – позволь познакомиться тебя. Джерри Даррелл... Урсула Пендрагон Уайт.
Урсула обернулась, обвела меня пристальным взглядом синих очей и одарила дивной улыбкой. В анфас ее нос выглядел еще очаровательнее, чем в профиль. И я был сражен наповал.
– Привет, – сказала она. – Это ведь ты слынешь жуковедом?
– Я предпочел бы славу элегантного, симпатичного, остроумного, бесшабашного прожигателя жизни, – печально ответил я. – Но если ты предпочитаешь, чтобы я был жуковедом, так тому и быть. Она рассмеялась, и смех ее был подобен звону бубенчиков.
– Прости, я грубо выразилась. Но ведь это ты человек, который любит животных, верно?
– Да, – признался я.
– Тогда ты как раз тот, кто мне нужен. Я уже несколько дней спорю с Седриком. Он жутко упрямый, но я уверена в своей правоте. Собаки ведь могут предсказывать, верно?
– Ну... – рассудительно произнес я, – если битьем научить их говорить...
– Да нет же, нет! – нетерпеливо отрезала Урсула, точно разговаривала с несмышленным ребенком. – Предсказывать, понимаешь? Они видят призраков, могут предупредить тебя о близости смерти и так далее.
– Ты хочешь сказать – они предчувствуют? – осторожно справился я.
– Ничего подобного, – отрезала Урсула. – Я подразумеваю именно то, что сказала.
После того как мы основательно обсудили благородные свойства и пророческий дар собак, я ловко перевел разговор на музыку. Мне удалось добыть билеты в концертный зал, и я подумал, что вот достойный и культурный способ завязать дружбу с Урсулой. Итак, я спросил, любит ли она музыку.
– Просто обожаю. – Она восторженно закатила глаза. – Если музыка, как говорят, язык любви, давай закусим.
Она с улыбкой посмотрела на меня.
– Ты хочешь сказать... – неосторожно начал я.
Теплый, отуманенный любовью взгляд Урсулы разом преобразился, глаза ее уподобились подернутым льдом цветкам барвинка.
– Только не объясняй мне, что я хочу сказать, – взбунтовалась она. – Все мои приятели этим занимаются, меня это приводит в бешенство. Без конца исправляют и исправляют меня, точно я... какая-нибудь контрольная работа.
– Ты не дала мне договорить, – мягко ответил я, – я собирался спросить: «Не хочешь ли ты сказать, что твоя любовь к музыке так велика, что ты с удовольствием примешь приглашение пойти со мной в концертный зал завтра вечером?»
– О-о-о! – просияла Урсула. – У тебя что – и билеты есть?
– Так уж заведено – на концерты ходить с билетами, – заметил я.
– Ты молодец. На прошлой неделе я хотела купить билеты, но они уже были распроданы. Я буду счастлива!
Когда я, весьма довольный собой, собрался уходить, хозяин полубопытствовал, как я поладил с Урсулой.
– Отлично, – ответил я, окрыленный своим успехом. – Завтра она идет со мной в ресторан, оттуда – на концерт.
– Что? – с ужасом воскликнул хозяин.
– Ревность тебе не поможет, – сказал я. – Конечно, ты достаточно мил, этакий неотесанный, скромный парень, но для успеха у такой прелестной девушки, как Урсула, тебе недостает чуточки шарма, живости ума, чего-то этакого.
– Я не могу этого допустить, – всколыхнулся он. – Несмотря на твою возмутительную заносчивость, не могу в час, когда ты, мой друг, готов очертя голову ринуться в зияющие бездны преисподней, не протянуть руку помощи, чтобы остановить тебя.
– О чем ты? – спросил я с искренним интересом, настолько серьезно он говорил.
– Слушай и не говори потом, что тебя не предупреждали. Лучше всего, если бы ты позвонил ей сегодня вечером и сказал, что заболел гриппом, или тебя укусила бешеная собака, или еще что-нибудь. Однако я знаю, что ты этого не сделаешь, ты одурманен. Но ради Бога, послушай мой совет. Если пойдешь с ней в ресторан, ни за что не давай ей в руки меню, разве что тебе сейчас досталось по

наследству несколько сот фунтов стерлингов. У нее аппетит как у самого прожорливого удава, и она ничего не смыслит в деньгах. Что же касается концерта... так вот, дружище, тебе не известно, что администрацию концертного зала бросает в дрожь при одном упоминании ее имени? Что они не один год изыскивают возможность по закону запретить ей посещать концерты?

– Но она заверила, что очень любит музыку, – неловко произнес я.

– Это чистая правда, и музыка действует на нее самым ужасным образом. Однако еще ужаснее она действует на музыку. Мне довелось видеть, как музыкант, дирижировавший «Волшебной флейтой», весь в слезах, припал к флакону с нюхательной солью, словно младенец к соске. Рассказывают также, и я готов в это поверить, что другой дирижер проснулся наутро седой, после того как накануне Урсула присутствовала на представлении «Весны священной» Стравинского. Разве тебе не известно, что когда здесь гастролировала Айлин Джойс, то Урсула, явившись на концерт, так пагубно воздействовала на несчастную пианистку, что та забывала переодеваться в паузах?

– Может быть... может быть, виной был просто какой-то недосмотр?

– Недосмотр? Недосмотр! Ты когда-нибудь слышал, чтобы у Айлин Джойс недоставало платьев?

Пришлось признать, что он меня убедил. Хозяин проводил меня до дверей с учтивостью мягкосердечного палача.

– Помни, – тихо сказал он, сочувственно сжимая мою руку, – я твой друг. Звони, если я тебе понадобится. Звони в любое время дня и ночи.

С этими словами он решительно захлопнул дверь у меня перед носом, и я отправился домой, полный тревожных предчувствий.

Однако на другой день я проснулся утром в бодром расположении духа. «Как-никак, – говорил я себе, – Урсула восхитительная девушка, такое очаровательное создание просто не может вести себя так невоспитанно, как это изображал мой друг. Скорее всего, он попытался назначить ей свидание, и она с рассудительностью, равной ее красоте, отшила его». Утешив себя таким образом, я оделся особенно тщательно и отправился на вокзал встречать Урсулу. С ее слов мне было известно, что она живет в Нью-Форест и в Борнмут едет поездом, потому что: «Когда мне нужен наш „роллс-ройс“, папочка непременно куда-нибудь уезжает на нем». Выйдя на платформу, я стал нетерпеливо ждать прибытия поезда. Когда я в двадцатый раз поправлял свой галстук, ко мне вдруг обратилась пожилая леди, одна из столпов местной церкви, каким-то образом подружившаяся с моей матерью. Я стоял, переминаясь с ноги на ногу и всей душой желая, чтобы старая карга поскорей испарилась, потому что, когда впервые встречаешься с девушкой, которой ты назначил свидание, меньше всего желаешь, чтобы при сем присутствовала критическая благочестивая аудитория. Однако она пристала ко мне как клещ и все еще продолжала рассказывать о последнем благотворительном базаре, когда на станции появился, чуфыкая, чумазый паровоз. Нетерпеливо обводя взглядом вагоны в поисках Урсулы, я не слишком внимательно прислушивался к рассказу о том, что говорил приходской священник.

– И священник сказал: «Я лично, миссис Дарлинг-херст, сообщу епископу, как самоотверженно вы трудились во время сбора средств на орган». Конечно, он вовсе не обязан это делать, но он поступил как истинный христианин, правда?

– О, конечно... конечно... весьма... э... мудрый человек.

– И я так думаю. И я сказала ему: «Господин священник, я всего лишь скромная вдовица...»

Мне не пришлось узнать, какими еще секретами своей личной жизни она поделилась со священником, потому что откуда-то сзади до моих ушей донесся звонкий радостный голос Урсулы:

– Дорогой! Дорогуша! Я здесь!

Я развернулся кругом, и сделал это как раз вовремя, потому что Урсула бросилась в мои объятия и впилась своими губами в мои с алчностью шмеля, завидевшего первый в сезоне цветок клевера. Вырвавшись наконец из осьминожьей хватки Урсулы, я попытался найти взглядом миссис Дарлингхерст и обнаружил, что она пятится вдоль платформы с видом пустытника, который стал вдруг свидетелем римской оргии самого дурного пошиба. Я робко улыбнулся, помахал рукой, после чего схватил Урсулу за руку и повлек за собой, на ходу пытаюсь стереть с губ около килограмма помады.

На Урсуле было эффектное синее платье, превосходно сочетающееся с ее огромными глазами, и элегантные белые замшевые перчатки. На одной руке висела на ремне необычная корзиночка, похожая на те, в которые кладут припасы, отправляясь на пикник. Должно быть, в этой таре она держала запас косметики, рассчитанный не на один год.

– Дорогой, – сказала Урсула, устремив на меня восторженный взгляд, – я предвкушаю все это. Такой чудесный день! Ленч наедине с тобой, потом концерт... О-о-о-о! Райское наслаждение!

В это время мы проходили мимо билетных касс, и несколько мужчин, уловив игриво-страстную интонацию, с которой были произнесены слова «райское наслаждение», посмотрели на меня с такой

завистью, что я сразу приосанился.

– Я заказал столик... – начал я.

– Дорогой, – поспешно перебила меня Урсула. – Мне позарез нужно в уборную. В поезде не было туалета. Купи мне газету.

С разных сторон на нее устремились удивленные взгляды.

– Потише! – сказал я. – Не надо так громко. Зачем тебе газета? Там есть туалетная бумага.

– Конечно, дорогой, но она слишком тонкая. Я предпочитаю подстелить бумагу потолще, – объяснила Урсула, и голос ее разносился кругом, как звон колоколов в морозной ночи.

– Подстелить? – спросил я.

– Ну да. Я никогда не сажусь прямо на сиденье. Потому что одна моя знакомая, посидев вот так, схватила скарабея.

– Ты хочешь сказать – скарлатину?

– Да нет же, нет! – нетерпеливо возразила она. – Скарабея. Вся так и пошла отвратительными красными пятнами. Прошу тебя, дорогой, скорее купи мне газету, я просто умираю.

Я исполнил просьбу Урсулы, и она направилась в женскую уборную, размахивая газетой так, словно разгоняла бактерий. «Интересно, – спросил я себя, – от кого из своих друзей могла она слышать слово „скарабей“ и по какому поводу?»

Через несколько минут она возникла вновь с улыбкой на лице и, очевидно, без бактерий, я затолкал ее в такси и отвез в ресторан. Мы быстро нашли свободный столик, и официант разложил перед нами огромные меню. Памятуя советы моего друга, я живо выхватил меню из рук Урсулы.

– Я сам выберу для тебя блюдо, – объяснил я. – Я гурман.

– Правда? – удивилась Урсула. – Разве ты индеец?

– При чем тут Индия?

– Ну, я думала, что они приезжают оттуда.

– Кто? Гурманы? – все больше удивлялся я.

– Ну да. Разве это не те люди, которые проводят время, созерцая свой живот?

– Совсем не те. Ты подразумеваешь нечто совершенно другое. Ладно, не ломай себе голову, лучше давай я закажу, что нам есть.

Я заказал недорогой, но плотный ленч и к нему бутылку вина. Урсула тараторила без перерыва. У нее было несметное количество друзей, которых, считала она, я должен был знать и дела которых чрезвычайно ее интересовали. Судя по рассказам Урсулы, большую часть своего времени она тратила на то, чтобы перекраивать их жизнь, невзирая на их собственное мнение на этот счет. Голос ее журчал как ручей, и я слушал как завороченный.

– Меня страшно беспокоит Тоби, – доверительно сообщила она мне, уписывая креветки. – Честное слово, беспокоит. Похоже, его гложет тайная страсть к кому-то. Но папочка не согласен со мной. Папочка говорит, что Тоби склонен к алогизму.

– Алогизму?

– Ну да. Понимаешь, он слишком много пьет. «Что ж, – сказал я себе, – пьяницы и впрямь не слишком логично мыслят...»

– Ему следует обратиться в Общество анонимных алогистов, – ляпнул я.

– Это кто же такие? – живо заинтересовалась Урсула.

– Ну, это такое тайное общество... э... э... алогистов, они стараются помочь друг другу... э... избавиться от дурной привычки и стать... э... стать...

– Стать логистами! – радостно воскликнула Урсула. Должен сознаться, что такая мысль не пришла мне в голову.

Когда нам подали котлету из филе, Урсула наклонилась над тарелкой и пристально посмотрела на меня своими синими глазищами.

– Ты слышал про Сьюзен? – прошептала она, причем шепот ее прозвучал куда явственнее, чем если бы она говорила полным голосом.

– Э-э... нет, не слышал, – признался я.

– Так вот, она забеременела. У нее должен был родиться неграмотный ребенок.

Я поразмыслил над этой новостью.

– Что ж, при нынешнем уровне просвещения...

– Не говори глупости! Она ничего не применяла, – продолжала шептать Урсула. – Дуреха такая. А ее отец, естественно, заявил, что не желает, чтобы его существование омрачала ватага неграмотных.

– Еще бы, – сказал я. – Кому же захочется, чтобы его дом превратился в убежище обманутых девиц.

– Вот-вот! И отец велел ей сделать абордаж.

– Напасть на отца ребенка? – спросил я.

– Да нет же, дурачок! Избавиться от младенца.

– Ну и как? Она послушалась?

– Послушалась. Он послал ее в Лондон. Это обошлось страшно дорого, и бедняжка вернулась домой в жутком состоянии. По-моему, ее отец был не прав.

К этому времени большинство других посетителей ресторана слушали нашу беседу затаив дыхание.

За кофе Урсула принялась рассказывать мне длинную и весьма замысловатую историю про одного своего друга, который попал в беду и которому она жаждала помочь. Я слушал вполуха, пока она вдруг не сказала:

– Как раз тогда я не могла ничего поделать, потому что мама лежала в постели с гриппом, а папочка попросил меня пораньше приготовить завтрак, потому что собирался отвезти быка к ветеринару, чтобы хлестать его. Поэтому...

– Что собирался сделать твой папа? – спросил я.

– Отвезти к ветеринару быка, чтобы хлестать его. Он стал совсем буйный и опасный.

Я тщетно пытался сообразить, зачем надо хлестать опасного и буйного быка, однако у меня достало ума не расспрашивать об этом Урсулу.

– Послушай, – сказал я, – давай-ка допивай поскорей кофе. Не то мы можем опоздать на концерт.

– О, конечно, – отозвалась она. – Нам нельзя опаздывать.

Урсула поспешно допила кофе, я рассчитался с официантом и вывел ее из ресторана. Мы проследовали через так называемый Борнмутский увеселительный сад, мимо чахлах рододендронов и прудов к концертному залу.

Когда мы взяли курс на свои места, Урсула настояла на том, чтобы нести с собой свою корзинку.

– Почему бы тебе не оставить ее в гардеробе? – спросил я, уж больно громоздкой казалась мне эта корзина.

– Я не доверяю гардеробам, – загадочно ответила Урсула. – Там происходят странные вещи.

Чтобы не усложнять себе жизнь, я не стал выяснять, что за странные вещи происходят в гардеробах. Мы заняли свои кресла и втиснули корзинку между ногами.

Постепенно зал заполнили серьезные любители музыки. И когда вышел концертмейстер, Урсула с жаром присоединилась к аплодисментам, потом наклонилась ко мне и прошептала:

– Правда, дирижер очень симпатичный?

Я посчитал, что сейчас не время поправлять ее. Наконец появился дирижер, и Урсула снова принялась бить в ладоши, потом откинулась в кресле и глубоко вздохнула. Посмотрела на меня с очаровательной улыбкой:

– Я предвкушаю, как это будет чудесно, дорогой.

Программа концерта состояла из произведений Моцарта, моего любимого композитора, и мне быстро стало понятно, что подразумевали мои друзья, говоря о пагубном воздействии Урсулы на музыку. Стоило инструментам смолкнуть на секунду, как она тотчас принималась аплодировать. Со всех сторон на нас шикали, и я быстро наловчился вовремя хватать ее за руки. Каждый раз она обращала на меня страдальческий взгляд и шептала:

– Прости, дорогой. Я думала, он уже закончил.

Кажется, после четвертого номера программы я почувствовал, что корзинка шевелится. Подумал сперва, что ошибся, но, придавив ее ногой, убедился, что там происходит какое-то шевеление. Посмотрел на Урсулу, она сидела с закрытыми глазами, покачивая в такт музыке указательным пальцем.

– Урсула! – прошептал я.

– Да, дорогой, – отозвалась она, не открывая глаз.

– Что у тебя там в корзине?

Она озадаченно уставилась на меня.

– Ты о чем это?

– В твоей корзинке что-то шевелится.

– Тс-с-с! – донесся сзади сердитый хор.

– Не может быть, – сказала Урсула. – Разве что кончилось действие таблеток.

– Что у тебя в корзине? – спросил я.

– Ничего особенного, просто подарок для одного человека.

Она наклонилась, подняла крышку и извлекла из корзинки крохотного мопса с огромными черными глазами.

Я был потрясен. Борнмутские любители музыки очень серьезно относились к концертам, меньше всего на свете они желали и допускали, чтобы в священные покои вторгались собаки.

– Черт возьми! – сказала Урсула, глядя на очаровательную мордочку мопса. – Действие таблеток

кончилось.

– Слышишь, немедленно посади его обратно в корзину, – прошипел я.

– Тс-с-с! – шикали на нас со всех сторон.

Урсула наклонилась, чтобы вернуть щенка в корзину, он широко зевнул, потом вдруг дернулся, и она выпустила его.

– О-о-о! – пропищала Урсула. – Я уронила его! Уронила!

– Замолчи! – рявкнул я.

Шиканье продолжалось.

Я нагнулся, пытаясь нащупать щенка, однако мопсик, явно ободренный тем, что вырвался из заточения, уже трусил мимо кресел, сквозь лес из чужих ног.

– Что мы теперь будем делать? – спросила Урсула.

– Вот что, ты лучше помалкивай, – ответил я. – Заткнись и предоставь действовать мне.

Шиканье не прекращалось.

Мы помолчали, я лихорадочно соображал. Как отыскать щенка мопса среди всех этих кресел и ног, не срывая концерт?

– Придется оставить его в покое, – заключил я. – Я поищу после концерта, когда все разойдутся.

– Ты что! – всколыхнулась Урсула. – Разве можно бросить вот так этого крошку, на него могут наступить, могут его покалечить.

– Хорошо, а что ты сейчас предлагаешь мне делать?

– Тс-с-с! – неслось отовсюду.

– Пойди отыщи его среди этой чащи кресел и ног, – продолжал я.

– Но дорогой, ты обязан его найти. Ему так страшно, страшно одиноко.

«Одиноко среди семи сотен людей в зале», – подумал я.

– Ладно, сделаю вид, что мне понадобилось пойти в уборную.

– Чудесная идея, – просияла Урсула. – Наверно, он как раз в ту сторону направился.

Встав на ноги, я прошел сквозь строй негодующих лиц и произносимых вполголоса проклятий.

Очутившись в проходе, прямо перед собой увидел мопсика, который, присел, как приседают щенята до того, как научатся поднимать ножку, и по-своему декорировал красную ковровую дорожку.

Осторожно подкравшись, я схватил его и поднял, при этом мопсик громко взвизгнул, заглушая бурные звуки музыки. Послышался нестройный шум – это возмущенные меломаны повернулись в мою сторону. Щенок продолжал визжать, тогда я затолкал его под пиджак и выбежал из зала.

К счастью, в гардеробе дежурила одна моя знакомая девушка.

– Привет, – сказала она. – Уже уходишь? Тебе не понравился концерт?

– Н-нет... меня... меня вынудили обстоятельства. – Я достал щенка из-под пиджака и показал ей. – Ты не присмотришь за ним для меня?

– Ой, какой миленький! – воскликнула она. – Надеюсь, ты не носил его в зал? У нас ведь строго запрещено приводить с собой собак.

– Знаю, знаю. Произошло недоразумение. Это не мой щенок, моего друга. Ты присмотришь за ним до конца концерта?

– Конечно, присмотрю. Он такой миленький!

– Совсем не такой уж миленький, когда попадает на концерт, – ответил я.

Передав мопсика в заботливые руки гардеробщицы, я возвратился в зал и тихо постоял в тени, пока не кончилось исполнение очередного номера. После чего прошел вдоль рядов к Урсуле.

– Ты принес его, милый? – осведомилась она.

– Нет, я оставил его у гардеробщицы, мы с ней знакомы.

– Ты уверен, что с ним ничего не случится? – В представлении Урсулы, в гардеробах с щенками мопсов происходили какие-то ужасные вещи.

– Все будет в полном порядке, – ответил я. – Его будут нежить и лелеять до конца концерта. Ума не приложу, зачем тебе понадобилось приносить собаку в зал.

– Но, дорогой, это подарок одному моему другу. Я... я собиралась все объяснить тебе, но ты все время говорил, говорил, не давал мне слова вставить. Я отвезу его после концерта.

– Ладно, только, ради Бога, не повторяй больше этот номер. Концертный зал не предназначен для собак. А теперь давай посидим спокойно, постараемся наслаждаться музыкой, хорошо?

– Конечно, милый, – отозвалась Урсула.

Когда закончился концерт и Урсула, как она выразилась, поаплодировала до хрипоты, мы извлекли щенка из гардероба, вернули его в корзину и покинули зал вместе с толпой любителей музыки, оживленно обсуждавших достоинства Борнмутского симфонического оркестра.

– Дорогой, я так счастлива, – говорила Урсула. – Все эти архипелаги, у меня от них мурашки по

спине. Никто не сравнится с Бетховеном, верно? – громко и отчетливо спросила она, вися на моей руке, точно хрупкая девственная тетушка, заглядывая мне в глаза и сжимая в одной руке программу, на которой большими буквами было написано: «Концерт из произведений Моцарта».

– Никто, – поспешил я согласиться. – Но ты собиралась рассказать про щенка.

– Так вот, – начала она. – Я хочу отвезти его моему другу, которая живет на окраине Пула. Ее зовут миссис Голайтли.

– Я несколько не удивлен, – ответил я. – Только объясни мне, зачем ты везешь щенка миссис Голайтли.

– Он нужен ей. Страшно нужен. Понимаешь, она только что потеряла своего Бов-вов.

– Что она потеряла?

– Своего Бов-вов.

– Ты говоришь о собаке?

– Ну да. Это такая кличка была – Бов-вов.

– И теперь ей нужна другая собака?

– Конечно. Не то чтобы она сама этого хотела, но она нуждается в собаке.

– Другими словами, ты... гм... хочешь подарить ей щенка, потому что считаешь, что она в нем нуждается?

– Ну конечно! – воскликнула Урсула. – Это же сразу видно, как ей нужна собака!

– Сдается мне, большая часть твоего времени уходит на вмешательство в дела твоих друзей, когда они этого вовсе не желают.

– Конечно, желают, – серьезно возразила Урсула. – Желают, хотя не отдают себе в этом отчета.

Я сдался.

– Ладно. Поехали в Пул.

И мы двинулись в путь. Когда мы добрались до Пула, Урсула повела меня по каким-то закоулкам, пока не остановилась перед крохотным домиком, отчужденно смотрящим на своего соседа через улицу. Бронзовая дверная ручка этого домика была тщательно отполирована, и я обратил внимание на удивительную белизну ступенек, свидетельство пристрастия хозяйки к чистоте. Урсула энергично постучала дверным молотком, наконец дверь отворилась, и я увидел маленькую, хрупкую седую старушку.

– Кого я вижу! – воскликнула она. – Мисс Урсула – это ты!

– Эмма, дорогая! – Урсула заключила в свои объятия эту пушинку. – Мы пришли навестить тебя. Это – Джерри.

– О, входите... входите же, – пригласила старушка. – Но почему вы не предупредили меня? Я не одета как следует, и в доме ужасный беспорядок.

Она провела нас в комнату, обставленную допотопной мебелью, заботливо отполированной и являющей собой образец безукоризненно дурного вкуса. С этой комнатой обращались как с дорогим музейным экспонатом. Все стояло на своих местах, все блестело и сверкало, и в воздухе слабо пахло политурой и антисептиком. На крышке пианино, которое выглядело так, словно им никогда не пользовались, выстроились фотографии. Две из них изображали стоящего очень прямо джентльмена с пышными усами, остальные – косматую собаку смешанной породы в самых различных позах. Большинство снимков – неясные, расплывчатые, однако было совершенно очевидно, что джентльмен играл второстепенную роль, главная отводилась собаке. Я предположил, что это и есть Бов-вов.

– Садитесь же, садитесь, – уговаривала старушка. – Сейчас я приготовлю чай. И у меня еще есть торт. К счастью, я испекла торт на днях. Вы не откажетесь от куска торта и чашки чая?

Мне в эту минуту больше всего на свете хотелось выпить несколько добрых кружек пива, но я ответил, что с удовольствием выпью чая.

За чаем и куском торта, таким же легким и воздушным, как слиток свинца, Урсула говорила без умолку. Я понял, что Эмма Голайтли одно время служила в доме ее отца и явно чтит его очень высоко. Было интересно наблюдать, как бурлящая энергия Урсулы воздействует на Эмму. Когда хозяйка открыла нам дверь, лицо ее казалось серым и изможденным, теперь же она порозовела и улыбалась, явно зараженная энтузиазмом гостя.

– Да-да, – приговаривала она. – А помнишь...

– Конечно! – подхватывала Урсула.

– А помнишь еще тот раз...

Казалось, этому не будет конца. Право, старушка выглядела так, словно ей сделали переливание крови. Я был готов воочию убедиться, что Урсула, в свою очередь, совершенно обескровлена.

В конце концов она искусно перевела речь на Бов-вов.

– Понимаешь, Джерри совсем ничего не знает про Бов-вов, – Урсула сочувственно поглядела на

Эмму. – Расскажи ему.

Глаза Эммы наполнились слезами.

– Такая была чудесная собака, – заговорила она. – Чудная. Право, он разве что не говорил, да-да. И вот однажды я выпустила его погулять и какой-то тип на машине задавил его. Задавил и даже не остановился... не остановился. Я отвезла Бов-вов к ветеринару... он был весь в крови. И я сказала ветеринару, я сказала... я заплачу, сколько скажете, только спасите его. Понимаете, после смерти моего мужа у меня только он и остался. Такая милая собака, такая славная. Уверена, вы сразу полюбили бы его. Он был весь в крови и как будто не очень страдал, но они сказали, что ничего не могут сделать. Сказали, лучше всего для Бов-вов будет умертвить его. А ведь он был моим товарищем с тех самых пор, как умер муж. Много... много лет... он жил здесь... почти двенадцать лет. Можете себе представить, какой это был удар для меня. И когда они сказали, что другого выхода нет, я ответила: «Ладно, давайте делайте, как говорите». И они... они умертвили его.

Она помолчала, энергично высморкалась.

– Конечно, это был для вас страшный удар, – сказал я.

– О, да-да. Ужасный удар. Это было все равно что потерять часть моей собственной жизни, ведь он, как я уже сказала, был моим единственным товарищем после смерти мужа.

Я не очень представлял себе, как продолжать беседу, ведь если Эмма и дальше будет вспоминать Бов-вов, это кончится рыданиями. И в этот миг, когда я совсем растерялся, Урсула рассекретила свое боевое средство.

– Милая Эмма, – вступила она, – потому что ты так заботилась о Бов-вов... так старалась, чтобы ему было хорошо... да, именно поэтому я хочу... хочу попросить тебя сделать мне великое одолжение. Конечно, ты можешь отказаться, но мне хотелось бы, чтобы ты подумала.

– Одолжение, мисс Урсула? – сказала Эмма. – Конечно, сделаю тебе одолжение. И чего же ты хочешь?

– Понимаешь, – принялась Урсула лихо сочинять, – этот мой друг завел щеночка, и, на беду, у них в семье сейчас серьезное заболевание, его жена больна, тяжело больна, а потому он не может следить за щеночком так, как тот заслуживает, и они ищут кого-нибудь, кто мог бы присмотреть за ним недельку. Человека, который обращался бы ласково с щеночком, заботился о нем. И я сразу подумала о тебе.

– Как, – сказала Эмма, – щеночек? Право... не знаю даже. Понимаешь, после Бов-вов... ну, к другой собаке как-то сердце не лежит.

– Но это всего лишь щеночек, – твердила Урсула со слезами на глазах.

– Маленький, совсем крохотный щеночек. И ведь всего-то на какую-то неделю. И я уверена, что ты смогла бы замечательно заботиться о нем.

– Ну, я даже не знаю, мисс Урсула, – повторила Эмма. – Я... я не хотела бы заводить другую собаку.

– Но я и не прошу тебя заводить другую собаку. Прошу только присмотреть за щенком для этого несчастного человека, жена которого болеет, тяжело болеет. Он разрывается между женой и щенком.

– Да-да, – подхватила Эмма. – В точности как я, когда Билл болел. Помню, помню. Как я иной раз не знала, то ли идти гулять с Бов-вов, то ли оставаться дома с Биллом, он так сильно болел. А что это за собака, мисс Урсула?

– Я покажу тебе. – Урсула нагнулась и открыла корзинку.

Мопс крепко спал, свернувшись калачиком, утомленный культурным мероприятием на концерте. Урсула бесцеремонно схватила его за шиворот и предъявила оторопелому взору Эммы.

– Посмотри, – сказала она. – Погляди на бедного крошку.

– О, – произнесла Эмма, машинально повторяя за Урсулой, – бедный крошка.

Урсула сделала попытку покачать щенка на руках, и он крепко тяпнул ее за указательный палец, чем доставил мне немалое удовольствие.

– Ты только посмотри на него, – дрожащим голосом твердила Урсула, с трудом удерживая вырывающегося мопсика. – Маленькое глупое создание, бедняжка, который еще ничего не смыслит. Вырванный из семьи, из обстановки, к которой только начал привыкать. Неужели, Эмма, ты не сжалишься над ним?

Чем-то вся эта сцена стала напоминать мне «Джен Эйр», однако я был так восхищен искусной игрой Урсулы, что не стал вмешиваться.

– Бедный сиротка, – продолжала она, силясь высвободить палец из острых зубиков щенка, – бедный сиротка нуждается в малой толике тепла, в малой толике помощи в трудную минуту... и мой друг тоже нуждается.

– Что ж, должна признать, что он очень, очень милый, – сказала явно тронутая Эмма.

– Конечно, – подхватила Урсула, сжимая мордочку мопса, чтобы не дать ему укунить ее снова. – Просто очаровательный, и, по-моему... я не уверена, но кажется, он хорошо воспитан... Всего только

на неделю, Эмма, дорогая. Может он... можешь ты принять его как... как платного постояльца, так сказать, или что-то в этом роде?

– Ну, для кого-нибудь другого я бы этого не сделала, – ответила Эмма, глядя как загипнотизированная на извивающийся пушистый комочек с круглым розовым животиком и большими черными глазами. – Но он, похоже, славный маленький песик, и раз уж ты так просишь... я... я согласна подержать его недельку у себя.

– Дорогая, да благословит тебя Бог, – выдохнула Урсула.

Поспешно вернув отчаянно вырывающегося щенка в корзину, она бросилась к Эмме, обняла ее и расцеловала.

– Я всегда знала, – сказала она, устремив на Эмму взгляд своих ярких синих прожекторов, чье всесильное действие я испытал на себе, – я знала, что кто-кто, но только не мм отвернешься от крохотного щеночка в трудную для него минуту.

Что всего удивительнее – она произнесла это так убежденно, что я сам едва не прослезился.

Наконец, отказавшись от второй чашки чая и второго куска неудобоваримого торта, мы откланялись. По пути к станции Урсула вдруг крепко-крепко обняла меня.

– Огромное спасибо, дорогой, – сказала она. – Ты меня здорово выручил.

– Как это – выручил? Я ничего не делал.

– Но ты был там со мной. Помогал... помогал своим воздействием, так сказать, своим присутствием, понимаешь?

– А теперь объясни мне, – спросил я, – зачем ты навязала бедной женщине этого своенравного щенка, который ей совсем не нужен?

– О, да ты ничего не знаешь про Эмму, – ответила Урсула.

И была совершенно права.

– Расскажи.

– Так вот, – начала она. – Во-первых, ее муж заболел, а тут они завели Бов-вов, и она разрывалась между мужем и Бов-вов, а когда муж умер, она перенесла весь своей рецидив, или как это там называется, на Бов-вов. А тут Бов-вов сбила машина, и с тех пор ей все хуже и хуже. Дорогой, это было видно по ней. Каждый раз, когда я навещала ее, мне бросалось в глаза, как она все больше дряхлеет и... как это сказать, походит на ведьму.

– И ты считаешь, что щенок ей поможет?

– Конечно, поможет. Он самый злобный изо всего помета. Он станет бросаться на почтальона или на зеленщика, вообще на всякого, кто занимается доставкой чего-либо, и у него очень длинная шерсть для мопса, так что все будет осыпано его волосами, и он совсем невоспитанный, будет гадить на каждом шагу, дорогой.

– Постой, – перебил я ее. – По-твоему, это самый удачный подарок хрупкой старушке, которая только что потеряла своего любимого Бов-вов?

– Но дорогой, это самый подходящий подарок! – Урсула остановилась подле уличного фонаря и уставилась на меня. – Бов-вов вел себя точно так же. Кругом валялись его волосы, и когда она забывала вывести его вовремя, он гадил в передней, и она целыми днями жаловалась на его дурное поведение... Теперь ей будет чем заняться. Понимаешь, после смерти мужа, а потом и Бов-вов, ей совсем нечем было себя занять, и она, так сказать, на глазах увядала. А этот новый щенок станет кусать ее и вообще всех подряд, и пострадавшие будут обращаться в суд. И он будет рассыпать кругом свою шерсть и гадить на ковер, и она будет просто счастлива.

Я посмотрел на Урсулу и впервые по-настоящему оценил ее.

– Знаешь, – сказал я, обнимая и целуя ее, – по-моему, ты настоящая прелесть.

– При чем тут прелесть, – возразила Урсула, прильнув ко мне, – прелесть тут ни при чем. Просто она очень славная старушка, и мне хочется, чтобы ей жилось веселей оставшиеся годы. Этот щенок не даст ей соскучиться.

– А вот мне такое ни за что не пришло бы в голову, – признался я.

– Разумеется пришло бы, дорогой! – Она наградила меня ослепительной улыбкой. – Ты такой умный.

– Иногда, – сказал я, беря ее под руку и ведя дальше к станции, – иногда я начинаю в этом сомневаться.

Последующие несколько месяцев даровали мне много блаженных дней. Урсула была ясная голубиная душа, заслуживающая всяческого уважения. Очень скоро я обнаружил, что во избежание затруднительных положений лучше вывозить ее за город, чем замыкать в стенах театров или ресторанов. За городом кукушки, жаворонки и ежи воспринимали ее как очень естественного и славного человека. А в светском обществе в Борнмуте она постоянно, как говорится, роняла кирпичи,

словно новичок на стройплощадке.

Впрочем, вылазки с Урсулой на лоно природы тоже были чреваты некоторым риском. Я показал ей перелесок, где, как мне довелось убедиться, в то время на квадратный дециметр приходилось больше птичьих гнезд, чем где-либо еще. Охваченная горячим волнением, она заглядывала в гнездышки, заполненные до краев пухлыми горластыми птенцами или яйцами разных цветов, и восторженно ахала. Пришлось мне потом каждый день навещать этот перелесок и докладывать ей по телефону о том, что происходит в мире птиц. Две-три недели спустя я снова привел ее туда, и мы с ужасом обнаружили, что кто-то – скорее всего группа подростков – кроме нас побывал в перелеске и систематически разорил все гнезда. На траве лежали мертвые птенцы, яйца исчезли. Страданиям Урсулы не было предела. Горе и ярость ее вылились в безудержном рыдании, и я не скоро смог успокоить ее.

Она все еще изредка всхлипывала, когда я привел ее в чистенький бар «Квадрант и Компас» – одну из моих любимых пивнушек в этом районе. В этом крохотном заведении собирались по вечерам все местные старики, этакие смуглые битюги, с похожими на грецкий орех морщинистыми лицами, с висячими усами, белыми и жесткими, как покрытая инеем трава. Одним словом, чудесные старики, и я надеялся, что знакомство с ними отвлечет Урсулу от мыслей о разоренных гнездах. А еще мне было интересно посмотреть, как завсегда и воспримут ее появление.

Первые несколько минут они сидели молча и неподвижно, крепко сжимая руками свои кружки и подозрительно поглядывая на нас. Меня они знали, но со мной в их маленьком дымном баре появилось чужеродное создание, притом весьма привлекательное и женственное. Это было святотатством. Неписанный закон запрещал женщинам вход в «Квадрант и Компас». Однако Урсула об этом не подозревала, а если и подозревала, то ее это нисколько не страшило. Она напудрила нос, в рекордно короткое время опрокинула добрую стопку джина и обратила на стариков ослепительный взгляд своих нежных синих очей. И вот уже они оттаяли, даже как-то виновато посмеиваются ее репликам. Внезапно глаза ее остановились на черном столике в углу.

– О-о-о! – восторженно пропищала она. – Игра в блошки!

Старики с ужасом поглядели друг на друга. Потом все взгляды обратились на самого старого, восьмидесятичетырехлетнего патриарха, который, как мне было известно, слыл здесь чемпионом популярнейшей игры.

– Нет, мисс, – твердо произнес он. – Это шаффлборд, игра в монетки.

– О, научите меня играть, – попросила Урсула, глядя на патриарха с таким, обожанием, что смуглое лицо его приобрело цвет перезрелого помидора.

– Да-да, Джордж, давай научи мисс, – хором подхватили остальные, наслаждаясь смущенным видом своего товарища, который уподобился стушевавшемуся школьнику.

Он тяжело поднялся на ноги и подошел вместе с Урсулой к столу для игры в монетки.

Глядя, как он учит ее, я – не в первый раз – размышлял о коварстве женщин вообще и Урсулы в частности. Было совершенно очевидно, что она не только умеет играть в шаффлборд, но скорее всего могла бы победить Джорджа. Но смотреть, как она изображает неловкого новичка и как он гладит ее по плечу могучей заскоружлой пятерней, словно маленького щеночка, было сплошным удовольствием. Урсула ухитрилась изящно проиграть, после чего заказала всем по кружке пива – за мой счет, разумеется, поскольку у нее не было денег.

А раскрасневшиеся старики уже чуть ли не дрались из-за того, кому следующим играть с Урсулой в монетки. Вооружившись вечерней газетой, она на несколько минут исчезла в уборной, после чего вернулась принимать вызовы соперников.

Джордж, вытирая покрытые пеной пышные усы, опустил на дубовую скамейку рядом со мной и закурил предложенную ему сигарету.

– Прекрасная молодая женщина, – произнес он, – превосходная молодая женщина, хотя и приезжая.

Интересно, что слово «приезжая» он употребил не в том смысле, в каком его употребляют большинство деревенских жителей Англии, когда говорят об уроженцах других областей. Слушая своеобразную речь Урсулы, он заключил, что она приехала из материковой Европы или какой-то еще варварской страны. Я не стал его разочаровывать.

Нашему знакомству с Урсулой исполнился почти год, когда однажды она позвонила мне, чтобы сообщить сногсшибательную новость.

– Джерри! – Голос, который мог принадлежать только Урсуле, звучал так пронзительно, что пришлось отодвинуть трубку от уха.

– Да, – кротко отозвался я.

– Милый, это я, Урсула.

– Не может быть, – ответил я. – Ты всегда такая выдержанная, голос такой сладкозвучный, нежный,

словно воркование горлицы...

– Не дури, милый. Я звоню, чтобы сообщить тебе чудесную новость, и мне хотелось, чтобы ты первым ее услышал, – выпалила она.

«Что там еще произошло, – спросил я себя. – Кто из многочисленных друзей Урсулы добился потрясающего успеха благодаря ее макиавеллевским интригам?»

– Выкладывай, – сказал я, набираясь сил для, по меньшей мере, получасового телефонного разговора.

– Дорогой, я обручилась! – сообщила Урсула.

Должен признаться, что у меня екнуло сердце и я вдруг ощутил себя страшно одиноким. Не то чтобы я был влюблен в Урсулу, не то чтобы я хотел жениться на ней – не дай Бог! – не я вдруг осознал, что теряю очаровательного друга. Человека, который умел разогнать мою хандру, с которым было проведено столько приятных часов. И вот теперь она невеста, несомненно, какого-нибудь неотесанного болвана, и нашей сердечной дружбе придет конец.

– Милый? – воззвала Урсула. – Дорогой? Ты там еще?

– Да, – ответил я. – Я здесь.

– Но, милый, у тебя такой мрачный голос. В чем дело? Я думала, ты обрадуешься! – жалобно протянула она.

– Я рад, – ответил я, стараясь подавить эгоистическое чувство, стараясь стереть из памяти рассказ Урсулы о каком-то ее приятеле, который уехал в Венецию и по вечерам яхшался с гондольерами. – Честное слово, любимая, я рад-радешенек. Кто этот несчастный?

– Это Тоби. Ты ведь знаешь Тоби.

– Но я думал, что он косноязычный.

– Да нет же, дурачок, не тот Тоби, а совсем другой.

– Очень рад. Мне подумалось, что косноязычному Тоби было бы непросто сделать тебе предложение.

– Дорогой, я совсем не узнаю тебя, – озабоченно произнесла Урсула, понижая голос. – Ты сердись на меня за то, что я обручилась?

– Ни капельки, – едко ответил я. – Рад слышать, что нашелся человек, способный заставить тебя помолчать ровно столько, сколько понадобилось, чтобы сделать тебе предложение. Мне это никогда не удавалось.

– О-о-о! – воскликнула Урсула. – Ты ревнуешь! Милый, как это замечательно! Я никогда не подозревала, что ты хочешь сделать мне предложение. Когда это было?

– Часто, – сухо сказал я. – Но к счастью, мне удавалось подавить в себе это желание.

– О милый, мне так жаль. И теперь ты замкнешься и превратишься в угрюмого молчуна?

– У меня нет ни малейшего желания опускаться на дно из-за тебя, – огрызнулся я.

– О милый, что за глупости. Я думала, ты обрадуешься. По правде говоря, я надеялась, что мы встретимся... – Голос ее совсем притих.

Ну и скотина же я, подумалось мне. Страшная, чудовищная скотина. Девушка, по сути, просит меня благословить ее, а я веду себя точно мальчишка. Я поспешил раскаяться:

– Конечно, мы можем встретиться, любимая. Извини меня за грубость. Просто мне трудно свыкнуться с мыслью, что ты невеста. Где ты хочешь, чтобы мы встретились?

– О дорогой, так-то лучше. Почему бы нам не посвятить вечер танцам? Пойдем в «Тропикану»... Соглашайся, милый!

«Танцевать до десяти вечера», – сказал я себе. Именно в «Тропикане» – отвратительном ночном клубе из тех, которые вдруг вырастают точно гриб-дождевик и короткое время вносят свой вклад в страдания человечества, чтобы затем благополучно кануть в небытие. Урсула не могла выбрать более противного мне места.

– Ладно, – изобразил я энтузиазм. – Но может, сперва где-нибудь пообедаем?

– О дорогой, конечно. Где именно?

– Как насчет «Гриллрум»? Я закажу столик.

– Милый! – выдохнула Урсула. – То самое место, где мы с тобой обедали первый раз! Милый, ты такой романтик.

– Не сказал бы. Просто это единственное заведение, где прилично кормят,

– сухо сказал я.

– Милый, я обожаю тебя... хоть ты и деспот. Вкусный обед, потом танцы. О-о, я приду в «Гриллрум» к восьми часам, дорогой. У меня нет слов, чтобы выразить тебе, как я рада, что ты рад. Я обожаю тебя, всегда буду любить.

Я положил трубку, сознавая, как много потерял.

Это сознание возросло, когда я увидел Урсулу, потому что она привела с собой жениха. Это был симпатичный молодой человек с весьма ограниченным запасом слов, без ума влюбленный в Урсулу. Но в общем-то, довольно приятный. «Гриллрум», как я и ожидал, был набит битком, так что пришлось нашей троице примоститься не очень удобно за столиком для двоих. Тоби не отличался красноречием, но это не играло особой роли, потому что Урсула говорила за двоих. После обеда мы отправились в «Тропикану» с его режущим слух оркестром. Мы с Тоби по очереди важно кружили в вальсе тараторящую Урсулу. На мой вкус, это был отвратительный вечер.

После я долго не встречался с Урсулой. Слышал, что она таки вышла замуж и родила младенца. И полагал, что теперь, когда Урсула прочно освоила брачное ложе, она навсегда ушла из моей жизни. Не тут-то было. Однажды зазвонил телефон, и я услышал голос Урсулы:

– Милый! Это я, Урсула!

– Силы небесные! – удивился я. – Где ты пропадала все эти годы?

– Дорогой, я вышла замуж. У меня есть ребенок.

– Как же, слышал. Поздравляю.

– Милый, я так долго торчу в деревне, что сегодня мне непременно надо съездить в Борнмут, походить по магазинам. Не могли бы мы встретиться?

– Ты приедешь вместе с мужем? – осторожно справился я.

– Нет, дорогой, я приеду сама по себе.

– В таком случае обязательно встретимся. Приглашаю тебя на ленч. Но сначала выпьем чашечку кофе в «Кадене».

– Чудесно, милый. Я буду там в одиннадцать.

Ровно в одиннадцать Урсула вошла в кафе «Кадена», и я сразу увидел, что она ожидает второго ребенка. Не говоря уже о выпуклом животе, она светилась, как розовые лепестки на солнце.

– Милый! – вскричала Урсула. – Милый! Дорогой!

Она с ходу обняла меня и наградила таким поцелуем, какие английские цензоры обычно вырезают из французских фильмов. При этом Урсула жужжала, точно рой пчел, одержимых сексом, и прижималась ко мне всем телом, чтобы как следует ощутить всю прелесть объятия и подтвердить свое самое искреннее расположение. Несколько пожилых леди и один хорошо сохранившийся (как коринка в портвейне) отставной бригадир уставились на нас с сладострастным отвращением. По лицам было видно, что они ждут – сейчас я сорву с Урсулы одежды и изнасилую ее на месте, на священном полу кафе «Кадена». Поднатужившись, я вырвался из ее объятий.

– Я думал, ты замужем, – заметил я.

– Так и есть, дорогой. Скажи, я стала лучше целоваться?

– Лучше, – ответил я. – А теперь садись, и выпьем кофе.

– Ты можешь взять мне мороженое?

– Конечно.

Я заказал кофе и мороженое.

– Ну, ты прямо цветешь, – сказал я.

– Правда?

– Точно, ты выглядишь замечательно. Я вижу, ждешь прибавления.

– Дети – это што-то ижжумительное, – сообщила она, набив рот мороженым.

– Не сомневаюсь, – отозвался я.

Проглотив мороженое, она наклонилась и стукнула меня влажной ложкой по руке, давая знать, что сейчас я услышу нечто чрезвычайно важное.

– Знаешь, что об этом люди говорят? – спросила она своим звонким голосом.

Посетители, забыв о еде, дружно приготовились услышать, что последует дальше. Я не знал, куда деваться.

– Нет, – ответил я. – А что они говорят?

– Так вот, – сообщила она, весело помахивая ложкой, – сколько ни предохраняйся, все равно залетишь.

Мы допили кофе, потом прошлись по магазинам, затем состоялся обещанный ленч.

– Ты скучаешь по мне, дорогой? – осведомилась Урсула, потягивая вино.

– Конечно, скучаю. Ты всегда была одной из моих самых любимых подруг.

– Правда, жаль, что нельзя быть замужем и иметь возлюбленного?

– А ты попробуй, – предложил я.

– Нет-нет, я на это неспособна. Но ты ужасно милый.

– Забудь.

– Все равно, думаю, теперь я тебе не понравилась бы, – задумчиво произнесла она. – Я изменилась,

стала совсем неинтересная.

– В самом деле? – усомнился я, глядя на полную жизни, милую женщину.

– Точно, – ответила она с серьезным выражением в своих больших синих глазах. – Боюсь, теперь я стала одной из тех, кого называют мелкие божоле.

– Зато отменного урожая, – отозвался я, поднимая бокал.